

Академия военных наук

**Бочарников
Игорь Валентинович**

Сепаратизм: истоки, тенденции и опыт преодоления

Воентехиниздат
Москва 2007

УДК 323.1(47+57:479)(091)
ББК 63.3(2)-36
Б86

Монография посвящена анализу сущности и содержания сепаратизма как явления политической реальности.

Происхождение и эволюция сепаратизма, опыт его преодоления раскрываются на примерах политической истории ряда государств. Особое внимание уделено отечественному опыту национально-государственной политики, реализации принципа национального самоопределения, федерализации Российского государства и пресечения антироссийских вооруженных выступлений.

ISBN 978-5-7474-0353-2

© И.В. Бочарников, 2007

© Издательство «Воентехинизда»,
оформление, 2007

Предисловие автора

XX век, очевидно, войдет в историю человеческой цивилизации как период глобальных социально-политических катаклизмов, значительная из которых выпала на долю России.

Три революции в начале века, потрясения первой мировой и гражданской войн, эксперимент построения утопической модели государственности, Великая Отечественная война, биполярное противостояние и крушение сверхдержавы, масштабная дестабилизация внутривнутриполитической обстановки и «суверенизация» всей страны от центра до окраин – таковы основные вехи современной российской политической истории.

Все это свидетельствует о том, что Россия, как никакое иное государство, подвержено воздействию деструктивных кризисных явлений и процессов, среди которых сепаратизм играет далеко не последнюю роль, выступая если не целью, то эффективнейшим средством разрушения российской государственности.

Особым этапом в истории современного российского общества стало последнее 10-летие XX века, которое по праву можно назвать десятилетием сепаратизма в России. Отличительной его чертой явилось обострение на почве сепаратизма этнорелигиозного экстремизма и терроризма, принявшее системный характер. Именно в этот период при прямом попустительстве органов государственной власти произошло установление на территории Чеченской Республики криминального сепаратистского режима, дестабилизировавшего внутривнутриполитическую ситуацию не только на Северном Кавказе, но и оказавшем влияние на развитие политических процессов в целом в Российской Федерации, поставив ее на грань распада и утраты государственности.

Только лишь с приходом нового политического руководства России, взявшего курс на искоренение любых форм этнорелигиозного экстремизма, под какими бы благовидными предлогами он не реализовывался и сосредоточением усилий всего общества, процессы дезинтеграции были остановлены. Сепаратизм же, как форма политической деятельности, принял скрытую латентную форму и не оказывает значимого влияния на политические процессы

в современной России. Тем не менее, последствия «сувернизации всей страны», еще не преодолены и служат наглядным свидетельством той угрозы, которую несет в себе сепаратизм и его использование в конъюнктурных политических интересах.

Справедливости ради следует отметить, что сепаратизм на рубеже столетий проявился не только на постсоветском пространстве. Еще более значимыми по своим последствиям оказались процессы в Югославии, дезинтеграции в которой происходила уже не только в форме противоборства органов государственной власти и сепаратистов, но и открытого вмешательства США и их союзников по НАТО во внутренние дела суверенного государства, в том числе посредством вооруженной агрессии в марте-июне 1999 года.

В данном случае сепаратизм проявил себе как эффективное средство достижения геополитических целей, установления контроля над одним из ключевых регионов современного мира. Аналогичным образом сепаратистские организации и движения используются и на Ближнем Востоке, в частности, например, в Ираке, где проблема самоопределения курдского населения была достаточно эффективно использована в процессе свержения политического режима С.Хусейна и последующей оккупации Ирака США и их союзниками.

В целом же, как показывает развитие событий в мире, сепаратизм в последнее десятилетие выступает в качестве основного источника кризисов и конфликтов в мире и несет в себе большой разрушительный потенциал, угрожающий миру и стабильности в целом ряде регионов мира. Более того, сепаратизм превратился в глобальную проблему человечества, источник повышенной конфликтности и военной опасности, угрозу жизнеспособности сложившихся в прошлом единых государственных образований.

При этом, как показывает политическая история последнего времени, процессы сепаратизма наиболее остро проявились в государствах с неустойчивой политической системой, каковыми и оказались Советский Союз, Югославия и Чехословакия. В то же время, сепаратизму были подвержены и другие государства мира, в том числе и такие благополучные, как: Бельгия, Великобритания, Испания, Канада Франция и др. Практически все мировые державы в той или иной мере испытали на себе воздействие сепаратизма. Исключением в этом плане являются, пожалуй, лишь США, сумевшие в свое

время создать достаточно гибкую модель федеративного устройства и сформировавшими в целом толерантную систему общественных отношений. Тем не менее, развитие современных миграционных процессов на Северо-Американском континенте дает основание предполагать, что и Соединенные Штаты не гарантированы в будущем от воздействия сепаратистских процессов.

Глобализация процессов дезинтеграции, их высокий деструктивный потенциал позволяют предположить, что сепаратизм становится общемировой тенденцией преобразования государственных образований и поэтому сам сепаратизм по праву можно отнести к общемировой проблеме.

Опыту и проблемам преодоления сепаратизма в истории развития различных государств и, прежде всего, в России посвящена представленная монография.

Глава 1. Сепаратизм как инструмент формирования мирового порядка и зарубежный опыт его преодоления

Влияние сепаратизма на процессы государствообразования в мировой политической практике

Обращаясь непосредственно к истокам сепаратизма, следует обратить внимание на то, что данная проблема имеет более чем глубокие исторические корни и в целом неразрывно связана с процессами государствообразования и формирования этносов. Само появление государства, как интегрирующего социальные общности института, ученые-историки относят к началу IY тыс. до н.э., когда в следствие революционных преобразований социосферы, произошло ее политическое структурирование, важнейшим значением которого являлось возникновение государственных форм организации социальных систем.

Практически одновременно с возникновением первых государственных образований, явившихся следствием интеграции политических сообществ, синхронно возникло и полярное явление - дезинтеграция, предполагающее стремление к отделению или выделению той или иной социальной группы в рамках устоявших государственных образований, их стремление к самостоятельному, автономному функционированию. На протяжении всего последующего развития человеческой цивилизации интеграция и дезинтеграция в развитии государственно организованных обществ представляли собой проявление единства и борьбы противоположностей, отражавших диалектическую закономерность в рамках общих циклов их эволюции.

Пожалуй, наиболее наглядно проявление данной закономерности было продемонстрировано в античной Элладе, явившейся не только прообразом современного мироустройства, но и фактически экспериментальной лабораторией государственного строительства, где на крохотном политическом пространстве развивались и функционировали 157 государственных образований, различного спектра: от тирании - прообраза современного тоталитаризма, до демократий, и даже своего рода, подобия политий и по сей день остающихся идеалом государственного устройства. Обращение к историческому опыту государственного строительства в античной Греции оправданно также и тем, что именно здесь процессы интеграции и

сопутствующая им дезинтеграция проявилась в наиболее характерных чертах развития древнегреческих городов-государств.

Само возникновение древнегреческой цивилизации в VIII в. до н.э. было связано с политическим структурированием племен населявших Балканский полуостров, результате чего стало формирование сословной структуры, в основе которой была аристократия – элита общества с ее доминирующим положением в решении важнейших вопросов жизнедеятельности, а также других социальных групп (сословий), хотя и не занимавших значимого положения в обществе, тем не менее, принимавших непосредственное участие в управлении государственными делами. Речь идет о так называемом институте прямой демократии, где каждый гражданин независимо от своего имущественного и социального положения имел право и обязан был принимать участие в решении государственных вопросов.

Различные интересы, их несовпадение в процессе реализации властных полномочий, стимулировали процессы дезинтеграции сначала на межполисном уровне, а затем и в самих городах-государствах Греции. Большое значение в этом плане имел и основной экономический принцип функционирования полисов, основанный на идее автаркии, то есть самообеспеченности. Автаркия в данном случае выступала экономической основой свободы, как городов-государств, так и их граждан. Ни отдельно взятый индивид, ни полис в целом не чувствовали себя полностью свободными, если средства их существования зависели от кого-то другого. Поэтому самообеспеченность являлась тем необходимым условием, которое с одной стороны обеспечивала независимое существование, а с другой – стимулировало на этой основе тенденции к обособлению от других социальных групп, государственных образований. Все выше сказанное, очевидно, дает основание, предположить что предвестники, и в какой-то мере, определенные ростки дезинтеграционных процессов появились еще в античном обществе, с возникновением в греческих полисах демократии и гражданства, индивидуализма и частной собственности, явившихся важнейшим стимулом для появления социальных групп населения, в основу политической деятельности которых, было заложено стремление к обособлению.

Постепенно власть аристократии обретала все более доминирующий характер, что закономерно вызывало реакцию сопротивления и приводило к

социальным катаклизмам в античном греческом обществе. С этой ситуацией, очевидно, тесно связано такое явление исторического значения как «великая греческая колонизация». Сам факт колонизации обусловлен был не только недостатком свободной земли, как это трактуют многие современные источники, но и дальнейшим политическим структурированием полисного общества, выразившегося в зарождении новой элиты, которой не нашлось место в государственном управлении Эллады и ее протестом против установившегося порядка реализации власти. В результате целого ряда гражданских войн, происходивших в полисах между различными группировками аристократии и их сторонниками, побежденные в этих войнах греки, вынуждены были покидать полисы и переселяться в другие страны. В результате за три века колонизации было создано множество колоний, в которые и был направлен весь деструктивный потенциал, дестабилизировавший внутривнутриполитическую обстановку в древнегреческих полисах.

При этом колонии, создаваемые переселенцами во многом носили черты полисного политического устройства, что свидетельствовало о тесной связи их с метрополиями. Более того, изначально, находившиеся под социально-экономическим и политическим влиянием своих метрополий, данные образования некоторое время поддерживали достаточно тесную связь с Элладой. В последующем же в силу неразвитости системы коммуникаций, а также деградации самой политической системы Древней Греции данные колониальные образования начинали проводить все более самостоятельную политику на освоенных территориях и в конечном итоге стали самостоятельными государственными образованиями.

И, хотя данное явление едва ли можно соотнести непосредственно с сепаратизмом, в его современном понимании, тем не менее, очевидно, что именно под влиянием дезинтеграционных процессов самой античной Греции происходила колонизация средиземноморского и черноморского побережий.

В целом же на протяжении столетий при всем своем многообразии форм государственной власти, тем не менее, древнегреческие города-государства, как в самой Элладе, так и за ее пределами являли собой единую этнополитическую общность. Данное состояние продолжалось вплоть до завоевания греческих городов-полисов Македонией, явившимся мощным внешним стимулом

дезинтеграции самой Древней Греции и ее последующей интеграцией в состав Македонского царства. Примечательно в этом плане то, что, одержав победу над союзом греческих полисов (Афины, Коринф, Аргос, Фивы и др.) македонский царь Филипп созвал в Коринфе конгресс, на котором был создан всегреческий союз под гегемонией царя Македонии. Конгрессом был провозглашен «всеобщий мир», запрещались межполисные войны, вмешательство полисов во внутренние дела друг друга и изменение государственного строя. Таким образом, впервые в мировой практике был реализован принцип позднее, получивший название Pax Romana, означавший на практике прекращение всех войн и вооруженных конфликтов на территориях завоеванных Римом. И, хотя само, название данному явлению было дано уже в римский период античной цивилизации, появилось оно значительно раньше - в процессе образования одного из первых на европейском континенте сложного полиэтнического образования – Македонской державы. Характерно, что последующем данный принцип стал основополагающим в устройстве и функционировании практических всех сложных полиэтнических государственных образований, в том числе и России.

При этом сама Македонская держава (прообраз полиэтнической империи¹), достигнув пика своего развития², распалась после смерти Александра Македонского на несколько автономных государственных образований³, функционировавших на протяжении последующих почти полутора столетий. Примечательно в этом плане то, что, являясь фактически суверенными в реализации внешней и внутренней политики, государства диадохов⁴, достаточно тесно сотрудничали на начальном этапе в области внешней и военной политики, что являло собой прообраз своего рода

---

¹ Сам термин империя появился в политическом лексиконе позднее, только лишь в римский период античности

² Территория державы А. Македонского охватывала Балканский полуостров, острова Эгейского моря, Малую Азию, Египет, южные районы средней и часть Центральной Азии до нижнего течения Инда

³ По соглашению, заключенными диадохами в 323 году до н.э. власть в важнейших регионах Македонской державы принадлежала: в Македонии – Антипатру, во Фракии – Лисимаху, в Египте – Птолемею, на юго-западе Малой Азии – Антигону, ставших в последующем основателями соответствующих царских династий в указанных регионах.

⁴ Диадохи (от гр. diadochos – преемник) – полководцы Александра Македонского, разделившие после его смерти (в 323 году до н.э.) созданную им империю.

конфедеративного государственного образования. В последующем же в процессе борьбы за лидерство на подвластных территориях данное единство было разрушено и сменилось их острым вооруженным противоборством, в которое были вовлечены все подвластные государственные и территориальные образования региона Передней Азии и Восточного Средиземноморья.

Особую роль в процессе распада Македонской державы сыграли именно греческие города-государства, которые, воспользовавшись наличием острых противоречий между преемниками А.Македонского, начали проводить политику, направленную на освобождение от македонского владычества. Примечательно, что именно в этот период возрастает роль политических союзов греческих полисов, построенных на федеративных началах. Сохраняя равенство и автономию внутри союза, данные союзы выступали во внешнеполитических сношениях как единое целое, отстаивая свою независимость. Первым таким союзом явилась Этолийская федерация, возникшая в начале IV века до н.э. с целью противостояния македонской гегемонии. Несколько позднее в 284 году до н.э. был воссоздан Ахейский союз, объединивший более 60 греческих полисов. В 222 году до н.э. Ахейская федерация присоединилась к Эллинскому союзу, в который вошли и другие греческие полисы, за исключением Афин и Этолийской федерации. Данные образования сыграли существенную роль в дальнейшем ослаблении Македонии. Но при этом и Этолийскому, и Эллинскому союзам не удалось в полной мере реализовать цели освобождения от македонского господства. Важнейшей причиной этого явилось наличие в них внутренних противоречий, обострившихся с возобновлением борьбы за лидерство, как в самих федерациях, так и между федерациями, что в конечном итоге девальвировало в последующем основания для их интеграции.

В таком виде греческие города государства подошли к этапу усиления военного могущества античного Рима и началу проведения им активной экспансионистской политики. В итоге Греция (пользуясь афоризмом В.Бисмарка), оказавшись между молотом и наковальней, вынуждена была выбрать для себя ту метрополию, которая бы в наибольшей степени гарантировала ей автономию. Таковой метрополией являлся Рим, единственное государство способное противостоять Македонии в вооруженной борьбе.

Решающим шагом в этом плане стало обращение греческих федераций за военной помощью к Риму. И уже по итогам I войны Рима с Македонией, последняя вынуждена была отказаться от гегемонии над греческими полисами. Но, освободившись с помощью Рима от македонского владычества, древнегреческие города-государства и их федерации, исчерпав все ресурсы достижения автономии, сразу же попали под римское владычество.

Все последующие процессы политической истории Древней Греции связаны, как свидетельствуют источники, с цикличностью процессов интеграции и дезинтеграции единого политического пространства, их чередованием в зависимости от внутреннего состояния и внешних условий. Справедливости ради следует отметить, что упадок Эллады как единой этнополитической структуры связан не только с римской экспансией, но и с преобладанием внутренних центробежных тенденций над тенденциями центростремительными, в результате чего произошла дезинтеграция единого политического пространства. Созданные союзы греческих полисов, с поражением Македонии в войне с Римом утратили свое значение. Противостоять же новому более мощному экспансионистскому натиску греческие города-государства были не в состоянии.

После победы Рима в III македонской войне (168 год до н.э.) Греция фактически лишилась независимости, а ее внутреннее устройство было поручено специальной комиссии десяти (коллегия децемвиров), которая по поручению сената провела мероприятия «по подавлению духа партий и прочного утверждения тех, которые имеют в виде только власть римлян».⁵ Первое же проявление сепаратизма в новой складывающейся римской государственной конструкции, инициированное в 146 году до н.э. Ахейским союзом было подавлено. Прибывшая же в 145 году до н.э. в Коринф очередная сенатская комиссия десяти уполномоченных провела политическую реорганизацию Греции. Результатами ее деятельности явились следующие преобразования: все, а не только сочувствующие Ахейской федерации союзы были распущены; демократические конституции городов были упразднены⁶. Был проведен и ряд других преобразований касавшихся реорганизации

---

⁵ Цит. по Мирзаев С.Б. Полибий. –М.: Юридическая литература, 1988. –С.13.

⁶ См: Мирзаев С.Б. Полибий. –С.19.

местного управления. Показательна при этом позиция выдающегося греческого мыслителя Полибия, автора «Всемирной истории», который, будучи сам этническим греком, принял непосредственное участие в работе указанной комиссии. В последующем, объясняя свою позицию, Полибий исходил из исторической, по его мнению, необходимости возвышения Рима, предполагающей подчинение ему не только Греции, но и всего остального мира. При этом, считая, утрату самостоятельности благом для своей родины, Полибий аргументировал данную позицию следующими словами «мы бы не были спасены, если бы не были сокрушены». Будучи авторитетным и для римлян, и для греков политиком Полибий, непосредственно участвуя в работе комиссии, сумел несколько сгладить последствия поражения греческих полисов. Важнейшая его заслуга заключалась в недопущении разрушения римлянами культурно-исторического наследия античной Греции, востребованной в последующем самими же римлянами. Другими словами именно он в последующем положил начало процессу, который в истории называют эллинизацией Рима. В данном случае имел место прецедент восприятия победителями ценностей побежденных, в том числе и в плане организации государственного управления. В последующем данная традиция нашла широкое распространение в мировой практике, в том числе и в отечественной истории. О чем свидетельствует, например, крещение Руси князем Владимиром или опыт петровской модернизации России в начале XVIII века.

Сама история античного Рима, перехватившего у древнегреческих полисов и Македонии эстафету военно-политического лидерства в регионе, являет собой образец реализации концепции «вызов-стимул-реакция», по известному определению А.Тойнби. Вызовом в данном случае являлось наличие реальной военной угрозы со стороны той же Македонии, Понтийского царства и Карфагена. Стимулом - необходимость обеспечения военной безопасности и достижение военного потенциала превосходящего потенциал указанных государственных образований. И, наконец, реакцией - активная экспансионистская политика в отношении данных государств и территорий, входящих в их состав.

В последующем реализация данной концепции вылилась в следующую закономерность: чем больше территорий завоевывал Рим, тем больше

оснований для проявления сепаратизма возникало в завоеванных провинциях. Вооруженные выступления против римского господства происходили по всей его периферии: в Британии, Галлии, Египте, Сирии, Иудее и др. Несмотря на жесткий и репрессивный характер политики подавления восстаний, полностью подавить очаги сопротивления населения завоеванных провинций так и не удалось. Примечательно при этом то, что, например, галльские и другие германские племена, не имея своей государственности, начиная с I века стали оказывать все более значимое влияние на состояние безопасности самой Римской империи. В последующем же именно они во взаимодействии с готскими племенами стали определять направление и динамику политических процессов в империи.

Наиболее существенным событием в плане эволюции сепаратизма в последующей истории человеческой цивилизации явился, безусловно, распад Римской империи, долгое время выступавшей в качестве монолита, произошедший не только под влиянием нашествия варваров, но и под воздействием целого комплекса внутренних противоречий.

Одним из важнейших факторов, характеризовавших содержание данных процессов, явился, безусловно, фактор борьбы за власть в империи. Невозможность утвердить власть в Риме, заставила императора Константина перенести столицу империи из Рима в отстроенный им на месте Византии город Константинополь. Данное событие имело исключительно важное значение в процессе разрушения единой римской государственности и фактически предопределило деление Римской империи: на Западную и Восточную.

В исторической литературе данный факт переноса столицы империи на восток, характеризуется как символ начала процесса ее ориентализации, под которым понимается теократизация императорской власти и установление ритуалов, аналогичных ритуалам восточных царей.⁷ Действительно византийская имперская власть во многом в последующем обрела черты восточных деспотий, значительно усилившихся поддержкой ее официальной религии христианством⁸. Но все же данное обстоятельство явилось

---

⁷ См. Древние цивилизации /С.С.Аверинцев, В.П.Алексеев, В.Г.Ардзинба и др. ; Под общей ред. Г.М.Бонгард-Левина. –М.:Мысль, 1989. –С.447

⁸ Христианство было объявлено официальной религией Рима императором Константином в 325 году.

второстепенным, поскольку речь шла не об укреплении власти, а об ее удержании. Поэтому для Константина было значимо не столько стремление сакрализировать императорскую власть, сколько удержать ее там, где это было возможно. Западная Римская империя, пораженная внутренними противоречиями и сотрясаемая постоянными нашествиями германских племен, противостоять которым в полной мере она была не способна – была обречена. О деградации самой государственной власти в ней свидетельствовал тот факт, что в течение всего последующего столетия императоров в ней назначали готские вожди, без ведома которых, не решался ни один значимый вопрос в Риме. Таким образом, сложилась достаточно своеобразная ситуация, при которой метрополия фактически оказалась под властью своих колоний. Данное положение продолжалось до тех пор, пока, наконец, вождь готов Алларих в 454 году, захватив в очередной раз Рим, не отправил регалии императорской власти в Константинополь, прекратив тем самым существование западной Римской империи.

В восточной части империи данные процессы еще не получили своего развития. Это объяснялось тем, что внешнее окружение Византии было менее воинственным, а успешная миссионерская деятельность по распространению христианства на Балканах и в Передней Азии способствовала укреплению доминирующего положения империи в регионе. И, неслучайно, именно здесь империя просуществовала еще целое тысячелетие. Таким образом, перенос столицы в Константинополь был проявлением прагматизма, в основе которого лежало стремление сохранить императорскую власть. В данном случае, как нам представляется, имел место пример сепаратизма, инициированного высшей государственной властью с тем, чтобы, пожертвовав какой-либо частью территории и отделившись от ее наиболее кризисной части - удержать саму власть.

В последующем данное событие имело исключительно важное значение и далеко идущие последствия, поскольку распад империи повлек за собой и соответственно и раздел церкви на римский папскопат и константинопольскую патриархию. Последнее обстоятельство в свою очередь явилось основой для формирования цивилизационных общностей, определявших в последующем развитие мировой истории.

Таким образом, сам факт переноса столицы римской империи на Восток явился, пользуясь термином Н.Моисеева, той точкой бифуркации, которая и предопределила магистральное развитие мировой истории. На данное обстоятельство в частности обратил внимание английский историк А.Тойнби, по мнению которого, распад единой церкви на западную – католическую и восточную - православную и приобрел цивилизационный признак, предопределивший в конечном итоге формирование западноевропейской и православной цивилизации. При этом западноевропейская цивилизация восприняла античную традицию индивидуализма и частнособственнической инициативы с ее институтами гражданства и полисной демократии. Напротив, для православной цивилизации, сложившейся на основе византийской традиции стали имманентны такие черты, как: общинность, коллективизм и на этой основе в целом - сакральность власти.

Главный итог, предопределивший развитие данных образований на протяжении последующих тысячелетий заключался в том, что данный идентификационный признак явился основным в процессе последующего самоопределения государственно организованных и социально структурированных общностей и по сей день остается одним из основных признаков самоидентификации значительной части населения европейского континента.

Мощный интегрирующий стимул христианской религии на длительный исторический период приостановил дальнейшую энтропию крупнейших государственных образований европейской цивилизации. Объединяющим началом для новой цивилизации явилась с одной стороны, миссионерская деятельность по распространению христианства в Европе, а с другой - идеологема «Освобождения гроба Господнего», в процессе практической реализации которой была организована целая серия крестовых походов. Одной из важнейших целей данных походов, помимо декларируемых, явилась необходимость переориентации воинствующего потенциала складывающихся европейских государственных образований из Западной и Центральной Европы на Восток. В результате реализации данных направлений деятельности не только накапливалась пассионарная энергия формирующихся общностей, но и происходило их объединение под единым духовным началом. Вплоть до XIII

века данная идеологема была доминирующей в политике западноевропейских государств. Именно поэтому интеграционные процессы в средневековой Европе превалировали в данный период над дезинтеграционными.

Тем не менее, в целом дезинтеграционные процессы не могли быть исключены из политической практики государственного строительства европейских стран. Это объяснялось тем, что хотя конфессиональный фактор и являлся здесь доминирующим признаком самоидентификации средневековых общностей и в силу этого обеспечивал их духовное единство, материальная основа развития указанных общностей, а именно ресурсы власти, в том числе и на государственном уровне все-таки являлись важнейшими стимулами формирования противоречий.

Поэтому дезинтеграция стала проявляться уже в другой форме, а именно развитию феодальной раздробленности самих европейских государств, явившейся следствием наделения крупнейших феодалов суверенными правами в отношении главных ресурсов политической власти того времени – населения и территории. Именно в этом направлении произошел выход деструктивной энергии формирующихся групп населения наиболее развитых европейских государств, предопределив с одной стороны, рост вооруженных междоусобиц, количество которых значительно превышало число войн с внешними противниками, а, с другой - формирование основных сословий: дворянства, духовенства и низших слоев. В результате сами по себе государственные образования средневековой Европы вновь обрели сословный принцип устройства. А борьба феодалов за власть, в том числе и с центральной властью вплоть до начала XVI века стала характерным признаком политических процессов в регионе.

Неслучайно поэтому средневековье по праву считается особым этапом в плане формирования условий для дальнейшего развития сепаратизма в истории европейской цивилизации. Этот исторический период характеризовался не только засильем церковной идеологии, но и цикличностью процессов централизации и феодальной раздробленности. И все же, несмотря на имевшую место феодальную раздробленность, систематические межгосударственные войны и внутренние вооруженные конфликты, европейские государственные образования сохраняли этноконфессиональную общность, что не позволило

дезинтеграционным процессам принять характер устойчивой закономерности их развития. Поэтому в целом сепаратизм, как общественно-политическое явление для данного этапа не стал характерным признаком.

Лишь в период Ренессанса, когда с развитием светской власти и переосмыслением роли и значения государства, как важнейшего и универсального института управления политическими процессами, в Европе, в конечном итоге, утвердились централизованные абсолютистские монархии, основанные уже не по конфессиональному и не по этническому, а скорее по цивилизационному полиэтническому принципу. Важнейшим следствием данного процесса стала протестная, так называемая, «социальная мутация»⁹ населения европейских стран, составной частью которой, были «классический», или «европейский», национализм («евронационализм») и, соответственно, нациогенез.

В полную силу «мутационные» процессы развернулись, когда позднесредневековая Европа получила экономический «допинг» в виде сверхдивидендов от открытия Америки и эксплуатации негров-рабов из Африки. Характерными явлениями, сопровождающими эти процессы, помимо централизации и европейского абсолютизма, явились Реформация и протестантская этика, а также массовое превращение бывших крестьян-землевладельцев в «лично свободных», но безземельных, нищих и бесправных людей без рода и племени, без исторической и этнической памяти. В результате произошла существенная деэтнизация широких масс населения. Наиболее интенсивной она была там, где победили Реформация и знаменитая «протестантская этика», - в Швейцарии, Нидерландах, Англии, США (в этих странах возобладала крайняя форма протестантизма - кальвинизм в различных вариантах), во Франции (где гугеноты-кальвинисты не победили окончательно, но оказали серьезное воздействие на весь дальнейший ход истории), в странах Северной Европы (в них одержало верх лютеранство). Католические страны явно несколько «отстали» в этом плане. Поэтому в этих государствах процессы этногенеза и нациестроительства соответственно происходили позднее, чем в государствах, в полной мере подвергшихся Реформации. Речь в данном случае

---

⁹ Парадигма «социальной мутации» предложена Л.С. Васильевым, см: Васильев Л.С. История Востока: В 2-х гг. М., 1993. Т. 1. - С. 16-19.

идет о Священной Римской империи, охватывавшей в тот период территории Испании, Италии, Австрии, Венгрии, германских княжеств и ряда других государственных образований.

Одним из наиболее значимых событий того времени явилась буржуазная революция в Нидерландах во второй половине XVI в., в ходе которой, в борьбе за независимость с Испанией, по мнению С.Рыбакова, «впервые заявила о себе формирующаяся европейская нация»¹⁰. Данное событие в мировой истории вполне обоснованно рассматривается как первая буржуазная революция, оказавшая определяющее влияние на развитие процессов зарождения национального самосознания. Это объясняется тем, что национально-освободительное движение возглавило именно нарождающееся новое (третье) сословие, с выходом на мировую арену которого, закономерно связывают зарождение институтов гражданства, частнособственнической инициативы и индивидуализма. Неотъемлемой чертой данных институтов явилась самоидентификация населения со вполне определенным этносом. Таким образом, речь шла о ниспровержении, прежде всего тех устоев, которые вызвали процессы деэтнизации. По сути же, это было первое проявление сепаратизма в позднесредневековой Европе на этноконфессиональной основе, направленное на создание государственности формирующейся нидерландской нации.

Принципиально важно и то, что в ходе революции в Нидерландах, наряду с национальным, существенную роль сыграл и конфессиональный фактор. В данном случае население Нидерландов поднялось на вооруженную борьбу уже не только с Испанией, а против власти императора Священной Римской империи, посредством которой насильственно насаждались догматы католицизма в тех провинциях, в которых утвердилось уже к тому времени учение М.Лютера. Данное явление во многом предопределило слом старой феодальной конструкции мирового порядка и ознаменовало собой начало процесса зарождения европейских наций в других наиболее развитых европейских государствах, прежде всего в Англии и Франции.

---

¹⁰ Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности и этнический радикализм Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.2001. -№4. –С....

Так, в частности, произошедшая вслед за нидерландской, буржуазная революция в Англии явила миру процесс ответной реакции на деэтнизацию населения, которая заключалась в консолидации нации на стороне Парламента против королевской власти. Итогом стало ниспровержение последней и установление в Великобритании парламентской монархии и по сей являющейся формой правления в государстве.

Парадокс истории заключается в том, что именно Великобритания, одно из первых государств Европы и мира, где была реализована идея национального государства, на основе произошедшего нациогенеза, первой же испытала на себе сепаратизм со стороны ее колониальных владений.

Речь в данном случае идет о реализации права на самоопределение, завоеванное в ходе войны за независимость в британских колониях Северной Америки и положившее начало формированию американской нации. Данные процессы несколько выпадают из общеевропейской традиции образования национальных государств, поскольку речь шла не об этнокофессиональных социальных общностях стремящихся к обособлению, а о зарождении новой и принципиально отличающейся от европейских, нации – американской, ядром которой стали переселенцы-колонисты из Старого Света, обозначаемые аббревиатурой WASP (белые протестанты англосаксонского происхождения).

Принцип национального самоопределения был одним из главных лозунгов борьбы народа Соединенных Штатов за отделение от Британской империи и создание независимого национального государства. В последующем он был закреплен в 1776 году Декларацией независимости США.

Таким образом, именно в Соединенных штатах, впервые в Новой истории сепаратизм проявился как фактор достижения власти и становления нового независимого государственного образования. Недаром в свое время А.Токвиль, фактический энциклопедист сложившейся американской политической системы, назвал американский национализм в качестве важнейшего фактора развития американской нации. Если учесть, что вышеназванную нацию формировали эмигранты в основном англо-саксонского происхождения, то правомерно считать, что революция США 1775-1777 гг. была ни чем иным как результатом проявления американского сепаратизма по отношению к своей метрополии Англии. Свидетельством является и содержание обвинений королю

Георгу IV. Последний документ обращает на себя внимание, прежде всего, тем, что это был по существу акт из 27 пунктов обвинения английского короля, содержащий обоснование отделения британских колоний от метрополии. По существу, это был первый в истории акт масштабного сепаратизма, получивший в истории идеологизированное определение «борьбы за независимость». Точнее ее можно было бы охарактеризовать как национально-освободительную борьбу британских колонистов против колониального гнета метрополии - Великобритании. Таково было одно из главных следствий процесса деэтнизации населения в Великобритании.

В еще более радикальной форме социальный протест против деэтнизации населения выразился в ходе Великой Французской буржуазной революции, прошедшей под лозунгами свободы, равенства и братства. Важнейшим следствием революции, характеризовавшим качественные изменения в политическом спектре общественных отношений, явилась отмена династического принципа наследования государственной власти. В результате, основной ресурс власти не передавался по наследству, а приобрел представительный характер, реализовывался суверенитет (суверенитет народа), с обязательным переизбранием и отчетностью субъектов власти перед избирателями. Таким образом, отбросив понятие государства как личного владения монарха, Великая Французская революция, заменила его идеей национального или народного суверенитета, основанного на признании всего граждански правомочного населения страны источником политической власти.

Характеризуя данный процесс И.Кант, в частности отмечал: «В Великобритании и, позднее, во Франции нация впервые внушительно заявила о себе, осуществив национальный суд над монархом и его казнь от имени народа»¹¹. При этом И. Кант обращает внимание на то, что произошло не «случайное убийство» Карла I и Людовика XVI, а именно «казнь по форме», т.е. «полное ниспровержение принципов взаимоотношений между сувереном и народом», «самоубийство государства»¹². Немыслимые до того акции моментально ниспровергли все вековые устои, на которых держалась легитимность монархии и сословности.

---

¹¹ См.: Кант И. Метафизика нравов // Собр. соч. В 8 т. Т. 6. С. 354.

¹² См.: там же. -С. 353-355.

Принципиально важно, что идея народной власти, по сути, подразумевала также и принцип национального самоопределения, который подразумевал право народов создавать национальные государства. При этом основным принципом национального самоопределения декларировалось право на создание при любых обстоятельствах своего государства: «одна нация - одно государство». Так, во Франции революция оказалась, в частности, объединяющей силой, уничтожившей последние традиционные остатки бретонского, нормандского и провансальского сепаратизма. В последующие 50 лет в других странах, данный принцип становился основным лозунгом тогда, когда нации (поляки, итальянцы и немцы) были разрознены и стремились к воссоединению и объединению со своими соотечественниками.

В европейских странах, где произошел нациогенез в его классических формах, наполнение формирующейся новой гражданственности лишь одной определенной этничностью стало возможным только в результате сложения определенных объективных исторических условий. Только после определенных катаклизмов стали возможными такие случаи утраты людьми своей этнической сущности и, по крайней мере, частичной замены одной этничности другой, как в описанном Ф. Энгельсом историческом казусе о эльзасцах, и лотарингцах, которые из немцев превратились во французов (но, при этом все же остались эльзасцами и лотарингцами). «Нигде во Франции народ не присоединился к революции с большим энтузиазмом, чем в провинциях с говорящим по-немецки населением. Когда же Германская империя объявила войну революции, когда обнаружилось, что немцы не только продолжают покорно влачить собственные цепи, но дают еще себя использовать для того, чтобы снова навязать французам старое рабство, а эльзасским крестьянам - только что прогнанных господ феодалов, тогда было покончено с принадлежностью эльзасцев и лотарингцев к немецкой нации, тогда они научились ненавидеть и презирать немцев, тогда в Страсбурге была сочинена, положена на музыку и впервые пропета эльзасцами «Марсельеза», и тогда немецкие французы, невзирая на язык и прошлое, на полях сотен сражений слились в единый народ с французами»¹³.

В целом рубеж XVIII-XIX веков явился поворотным пунктом в вопросе о национализме, сепаратизме и самоопределении наций. Династический

---

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т 21. - С. 461.

принцип, уничтоженный во Франции в 1789 году, в последующем был расшатан во всей Центральной Европе, и теперь, когда повсюду призывали к народной власти как основе государства, новые нации стали все громче подавать свой голос. Восстание в Южных Нидерландах в 1830 г., вывело на европейскую арену бельгийскую нацию, а целая серия европейских войн от наполеоновских до объединительных в Германии и Италии, позволили сформировать германскую и итальянскую нации. Данные процессы, таким образом, стали мощным импульсом развития европейского нациогенеза, явившегося, в свою очередь стимулом для эволюции сепаратизма.

Таким образом, зародившийся в XVI-XIX вв. в период национальных движений в Европе, тезис о праве наций на самоопределение в течение XIX столетия эволюционировал в одну из ведущих тенденций развития европейских государств.

На этом фоне вполне объяснимы последующие процессы в Европе, связанные с одной стороны, образованием национальных государств, а с другой - проявлением сепаратизма в наиболее сложных европейских полиэтнических образованиях. Принципиально, что один из первых импульсов сепаратизма во Франции связан с поражением Наполеона, сначала в России в 1812 году, а затем и в целом в Европе в ходе наполеоновских войн 1813-1815 годов. По итогам наполеоновских войн устроители нового мирового порядка в лице глав государств - членов Священного союза полагали, что данное состояние всеобщего мира устроит буквально все народы, населяющие европейский континент. Сущность и предназначение данного Союза, созданного по инициативе Александра I, были изложены в статьях, основной смысл которых сводился к тому, чтобы не допустить изменений установившегося после Венского конгресса 1815 года миропорядка, как во внешнеполитическом аспекте, так и в плане внутреннего устройства государств- участников данного Союза.

Между тем, уже сам послевоенный передел мира, сопровождался всплеском национально-освободительных движений, заставивших бывших союзников усомниться в эффективности сложившегося положения.

Первой такой державой, подвергшейся воздействию сепаратизма, оказалась Австро-Венгрия, в итальянских провинциях которой вспыхнуло

восстание, направленное против австрийского владычества. Эстафету национально-освободительных движений подхватили славянские балканские народы, а затем и Греция, находившиеся под властью другой сложной полиэтнической и поликонфессиональной империи – Османской Порты. Причем национально-освободительным движением в Греции руководил экс-министр иностранных дел Российской империи И.Каподистри.

Не менее значимым явилось проявление сепаратизма и в самой Российской империи, где польский сепаратизм, а также начавшаяся Кавказская война оказали наиболее значимое влияние на развитие внутривнутриполитических процессов в стране на протяжении большей части XIX столетия.

Наконец, в Великобритании, наиболее защищенной от воздействия общеевропейских процессов, в силу ее изолированности от континента, к тому времени также начался процесс формирования ирландского гомруля (самоуправления).

Таким образом, практически во всех странах – участницах Священного Союза, а также в Османской Порте, начали активно развиваться различного рода сепаратистские процессы, связанные с созданием условий для достижения той или иной степени автономии этноконфессиональных образований и образованием самостоятельных государств.

В нарождающемся национально-освободительном движении руководство Священного Союза вполне обоснованно увидело угрозу, прежде всего, самодержавному строю. И неслучайно, Александр I фактически подверг ревизии всю предшествовавшую восточно-европейскую политику России, отказавшись поддержать греческое национально-освободительное движение против господства Турции, возглавляемое И.Каподистри. В Италию же им для подавления уже антиавстрийского вооруженного восстания готовился экспедиционный корпус под командованием А.Ермолова.

В последующем традицию спасения европейских монархий от влияния национально-освободительных движений продолжил следующий российский император Николай I. Одна из первых его акций в данном направлении, а именно открытая военно-политическая поддержка Османской империи в египетском кризисе 1832-1833 гг., инициированного египетским пашой Мегмет-Али, войска которого непосредственно угрожали Стамбулу, отличалась своим

крайним волюнтаризмом и противоречила интересам самой России¹⁴. В целях предотвращения краха Османской империи Николай I направляет в Босфорский пролив эскадру кораблей, а высадившийся двадцатитысячный десант оккупировал Стамбул. Таким образом, усилиями России фактически была сохранена государственность Турции – одного из наиболее традиционных противников России. В течение последующих десятилетий русские войска находились фактически в постоянной готовности к наведению «порядка» в европейских странах. На практике это проявилось в подавлении вооруженных выступлений в Польше в 1831 году и в Венгрии в 1848 году. Планировались также военные акции в отношении массовых выступлений в Италии, Нидерландах и в ряде других государств.

Таким образом, собственно сепаратизм, как явление политической практики появился на политической арене в XIX веке. Его достаточно зрелыми проявлениями можно считать польский сепаратизм в Российской Империи, а также объединение Германии и Италии, с этническим характером которого связано происхождение самого термина «германская» нация (или «этнонация»), национально-освободительные движения народов Балканского полуострова и, наконец, автономистское движение в Ирландии. Данные события сыграли исключительно важную роль в завершении формирования образа национального государства, сложившегося в европейской политической традиции. В результате к окончанию столетия политическая карта Европы претерпела существенные изменения, связанные с появлением новых государственных образований, в основу функционирования которых был положен уже исключительно этнический принцип.

Вместе с тем, идеи национализма оказали огромное влияние и на развитие национальных движений за пределами Европы. Так в частности в результате реализации концепции права наций на самоопределения фактически потерпела крушение еще одна мировая империя – Испанская. В ходе Войны за независимость (1810-1826 гг.) практически все бывшие испанские колонии Южной и Центральной Америки (за исключением Кубы и Пуэрто-Рико), добились освобождения от испанского господства. В результате начался процесс нациестроительства уже в Латинской Америке.

---

¹⁴ Египет в рассматриваемый период являлся составной частью Османской империи.

Испания и Португалия, пораженные внутренними кризисами, подвергшиеся к тому же военной агрессии со стороны наполеоновской Франции, не смогли соответствующим образом реагировать на развернувшиеся сепаратистские процессы в Латинской Америке. Поэтому успех национально-освободительного движения был предопределен.

Характерно при этом то, что основу успеха антииспанского и антипортугальского вооруженных выступлений также как и ранее в США, составили причины не этноконфессионального характера, а - социально-экономические. Фактически имело место повторение опыта США в борьбе за независимость колонистов от метрополии. Но в отличие от американского опыта дальнейшие процессы нациестроительства в образовавшихся государствах Латинской Америки были ориентированны не на укрепление государствообразующего ядра (WASP – в США), а на расширение социальной основы населения страны посредством ассимиляции колонистов с коренными жителями. Именно этим объясняется тот феномен, что на территории США "хорошим индейцем" был только "мертвый индеец", в то время как в испанских колониях якобы "жестокие и кровожадные конкистадоры" женились на индеанках и наделяли местных вождей-касикиков титулами герцогов и графов. Поэтому сегодня в Латинской Америке проживают десятки миллионов индейцев и метисов, а в США и Канаде индейцев и эскимосов - менее 1% населения. Таким образом, одновременно с обретением независимости начал формироваться и определенный латиноамериканский субэтнос.

В целом же в XIX веке право народа на создание национального государства превратилось в основной пункт программы национально-освободительных движений народов Европы и Америки. И уже в начале XX века ни одно из политических движений в Европе, серьезно претендовавшее на завоевание и удержание политической власти не обходилось без данного вопроса в своих программных документах.

Дальнейшее развитие право народов на самоопределение получило после первой мировой войны, которая явилась ключевым моментом для этнической самоидентификации европейских наций все еще находившихся в колониальной зависимости и лишенных или не имевших ранее форм собственной государственности. Одним из наиболее значимых ее результатов было то, что

такие империи - Австро-Венгрия, Османская Империя и Россия - распались на национальные государства, хотя в России вскоре произошла реинтеграция в форме СССР. В свою очередь, распад многонациональных держав, поставил перед мировым сообществом вопрос о судьбе народов, ранее входивших в состав этих государств. Поэтому в ходе Версальской мирной конференции вопрос о национальном самоопределении народов, проживавших на территориях побежденных государств, являлся в центре дискуссии о послевоенном устройстве мира.

Решениями Версальской мирной конференции на политической карте Европы появились новые государственные образования на аннексированных у побежденных стран территориях: Чехословакия, Югославия, Венгрия, Польша; наследство Османской империи было представлено Сирией, Ливаном, Египтом. Следует отметить, что предоставление данным странам независимости было весьма своевременным и несколько пригасило уже развернувшееся в данных странах движение за унионизм. Поэтому распад крупнейших империй был предопределен. В этом плане решения Версальской конференции не позволили сепаратистским процессам в центре Европы принять неуправляемый характер.

Примечательным фактом на начальном этапе формирования нового облика складывающейся системы международных отношений явилась одна из первых попыток США доминировать в мире. Это отражено в попытке несанкционированного арбитража США над общеевропейскими процессами и их патронаже национальных образований в России, а также в Турции.

На практике это выразилось в декларации, так называемых «14 пунктов» президентом США В.Вильсоном, который обнародовал их еще в январе 1918 года в послании Конгрессу. В.Вильсон предложил признать права на национальную автономию народов, входивших в состав распавшихся империй¹⁵.

По существу положения являли собой программу внешнеполитической экспансии. Для практической реализации данной программы в 1920 году в Закавказье и Восточную Анатолию была направлена американская комиссия во главе с генерал-майором Дж.Харбордом (официальное ее наименование -

---

¹⁵ Музаев Т. Этнический сепаратизм. –М.: Издательство 000 "Панорама" Москва, 1999 год

американская военная миссия для Армении), имевшая от президента В.Вильсона поручение "обследовать Турецкую Армению и все русское Закавказье со всех без исключения точек зрения, относящихся к американским интересам в этом районе. Иначе говоря, она должна была собрать материал для обоснования захвата Турецкой Армении и русского Закавказья Соединенными Штатами".

Реализации американских планов патронирования национальным окраинам России воспрепятствовали, с одной стороны, результаты гражданской войны в Закавказье, упрочившие позиции России в регионе, а с другой - развитие кризисных процессов в экономике самих США, заставившие американское общество переориентироваться с внешних на внутренние проблемы. Речь идет о так называемой «Великой депрессии» 1929-1931 гг., надолго выведшей США из состава наиболее активных международных акторов, и заставившей руководство США сосредоточить внимание на внутренней политике. В последующем и сам В.Вильямс пересмотрел свою оценку изложенной им же программы.

В целом, межвоенный 20-летний период в плане эволюции сепаратизма себя особенно ни чем не проявил. Во многом этому способствовало зарождение тоталитарных государств в Европе, малейшее проявление сепаратизма в которых, пресекалось жесточайшими репрессиями.

Данный период характеризуется также и началом реализации идеи мирового господства государств, вошедших, в так называемый, Анतिकоминтерновский пакт. При этом, для населения большинства государств мира, оказавшихся в зоне оккупации фашистских Германии и Италии, а также милитаристской Японии вопрос стоял в первую очередь об их физическом выживании, и только затем о национальном самоопределении. Характерным примером в этом плане является проявление сепаратизма в Индии, где уже в 1942 году остро встала проблема предоставления независимости. Усилиями британской дипломатии удалось отложить решение данного вопроса до окончания войны и, таким образом, перевести сепаратистские сецессионные процессы в Индии в стадию политического урегулирования. Аналогичным образом проблемы, связанные с обретением независимости решались и в ряде других британских колоний.

В целом же, как выше было отмечено, проблема сепаратизма, равно как и национального самоопределения, для межвоенного периода была не столь актуальна на фоне приближающейся второй мировой войны. Исключением из данной тенденции можно считать проявления сепаратизма в на территории Прибалтики, а также Западной Украины, вызванные их присоединением к СССР в 1939-1940 гг. Но и здесь дальнейшему развитию сепаратизма фактически воспрепятствовала начавшаяся война Германии с Советским Союзом в 1941 году, поскольку все сторонники независимости указанных образований в лице ОУН – на Украине, «Айзсоров» – в Латвии, Литовской Освободительной Армии – в Литве, «Кайзелит» – в Эстонии оказали самую непосредственную поддержку уже немецким оккупационным войскам. Поэтому вопрос о праве наций на самоопределение ни прибалтийскими, ни западноукраинскими коллаборационистами уже не поднимался. Речь шла не о национально-освободительном движении, а об их участии в реализации власти на оккупированных Германией территориях.

Вторая мировая война и последовавший затем всплеск национально-освободительного движения заставил по-новому воспринять реализацию принципа права наций на самоопределение на практике. Поэтому дальнейшая эволюция сепаратизма связана непосредственно с послевоенным устройством мира. Его активизации с одной стороны способствовали итоги второй войны, а с другой - начало массового освобождения бывших колоний Германии, Италии и Японии.

Однако подлинный взрыв этнонационализма, так называемый "этнический ренессанс" второй половины XX столетия связан с попыткой широкомасштабного повторения опыта евронационализма в контексте модернизации восточных обществ путем культивирования в них западной вариации на тему "общечеловеческих" (на деле лишь англо-протестантских) ценностей и настойчивого нациестроительства. Эта попытка была заранее подготовлена тем, что почти все неевропейские страны ранее являлись колониями или полуколониями европейских государств.

При этом границы новых государств нередко совпадали с границами, произвольно проведенными колонизаторами (наиболее яркий пример - Африка). В таких искусственных политических образованиях правительства решили

создать свои нации, поскольку образец западной цивилизации, и, прежде всего ее демократические ценности, находились вне критики, а западная система без нации немыслима. "Национальное строительство" и "национальная интеграция" стали святыми обязанностями новых государств, их реализация открывала путь к "развитию" и "современности". Обретенный (или находящийся в стадии обретения) статус нации в такой же мере был признаком суверенитета, как флаг, членство в ООН или армия"¹⁶. Но при этом "телега оказалась впереди лошади" - евро-американская демократия в свое время стала возможной только после исторически обусловленной частичной деэтнизации, молодые же государства вначале скопировали демократические институты, а затем принялись за деэтнизацию своих подданных в процессе нациестроительства.

В основе всех форм сепаратизма середины XX века лежала борьба за национальное самоопределение. Вместе с тем, национальные движения в той или иной степени существовали практически в каждой стране, поскольку моноэтнические государства уже тогда являлись относительной редкостью. При этом спецификой национально-освободительных или национальных движений являлась их четкая ориентация на то или иное мировую державу и их союзников. В конечном итоге к середине 60-х годов XX столетия проявления сепаратизма стабилизировались в рамках сложившейся биполярной системы международных отношений.

Современный сепаратизм и его роль в глобализирующемся мире

Стабилизировавшись в эпоху биполярного противостояния мировая политическая система, начиная с конца 80-х годов подверглась, массивному воздействию дезинтеграционных процессов, что знаменовало собой новый этап в эволюции сепаратизма и его влияния на государственно-организованные общества. Очевидно, что разрушение биполярной модели мирового устройства, повлекло за собой глобальные изменения. Для всего мира, например, стало

---

¹⁶ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтничных государствах.

своеобразным шоком молниеносное крушение государства, в течение длительного времени определявшего ход мировых политических процессов, и являвшегося по праву одним из полюсов мироустройства. В этом плане само «разрушение Берлинской стены» и последовавшее затем крушение коммунистических режимов в странах Восточной и Центральной Европы, равно как и их основного протектора – Советского Союза, для одних стран явилось возвращением в Европу, для других очередным «окном в нее», а для третьих сопровождалось нарушением основополагающих принципов международного права, потерей суверенитета и территориальной целостности (Югославия). Примечательно, что одним из наиболее действенных факторов, оказавших системное влияние на глобальные преобразования политического облика планеты в конце 90-х годов прошлого столетия явился именно сепаратизм. При этом, как показывает политическая практика, сами процессы энтропии и дезинтеграции постсоветского пространства ни в коей мере не завершены. Это в свою очередь позволяет констатировать, что сепаратизм играет важную роль в рамках процессов становления нового мироустройства, поскольку результаты его воздействия и их последствия во многом способствовали изменению политического облика планеты на рубеже тысячелетий.

Формирующаяся в настоящее время модель мироустройства не может быть квалифицирована со всей определенностью, поскольку характеризуется крайне неустойчивостью и находится под воздействием, по крайней мере, двух разнополярных тенденций мирового развития. Первая из них является, безусловно, ведущей и предполагает в условиях усиления взаимозависимости мира стремление к интеграции в рамках различных наднациональных, надэтнических и даже надконфессиональных (экуменизм) образований. Таковыми с полным основанием можно считать Европейский Союз, объединяющий в своем составе 25 стран Европы, 24 государства входят в блок НАТО, в том числе и бывшие республики СССР. Помимо этого региональными структурами являются АТР, СНГ, Исламская конференция и другие. В силу этого, реальностью становится формирование в современном мире различных «центров силы» экономического, военно-политического, конфессионального и, наконец, цивилизационного характера, которые оказывают (или пытаются

оказывать) свое влияние на политические процессы в тех или иных государствах, будь-то на региональном или локальном уровне.

Одним из таких центров являются США, сумевшие консолидировать на основе противостояния СССР с его коммунистической идеологией большинство европейских стран, а также государств, находящихся в других регионах. В этом плане американская администрация и не скрывала того факта, что обеспечение американского доминирования во всем мире было и остается главной целью внешней политики и поэтому использование сепаратистских движений на постсоветском пространстве стало одним из наиболее значимых средств ведения «холодной войны».

В настоящее время активность Соединенных Штатов достаточно отчетливо проявляется на всем «нероссийском» постсоветском пространстве и включает предельно широкий спектр внешнеполитических акций от обозначения здесь своего военного присутствия (Центральная Азия) до открытого вмешательства во внутривнутриполитические процессы на стороне той или иной политической структуры в процессы борьбы за власть (Грузия, Украина, Белоруссия и др.). К этому же следует добавить и сам факт включения прибалтийских государств в блок НАТО, что является своего рода триумфом американской политики в отношении данных государств, поскольку в течение всего послевоенного периода США так и не признали факт вхождения данных республик в состав СССР. Особую значимость в плане американского вмешательства во внутренние дела постсоветских республик имеет тенденция поддержки сепаратистских движений, что наиболее явно проявляется в развитии политической ситуации в Крыму, которую уже сейчас многие аналитики сравнивают с аналогичной ситуацией в Косово во второй половине 90-х годов XX столетия. И, хотя вмешательство США в межэтнические процессы в Крыму пока не столь очевидно, тем не менее, аналогия вполне уместна, если обратить внимание на применяемые технологии. В Крыму, также как и в Косово, большая вероятность искусственного инициирования «гуманитарной катастрофы» с тем, чтобы под предлогом предотвращения последней осуществить вооруженное вмешательство с последующим установлением полного контроля над указанной территорией. Что же касается, непосредственно американского участия в данных процессах, то в этом плане

характерен появившийся в конце декабря 2000 г. в Интернете доклад Центрального разведывательного управления США «Глобальные тенденции 2015: диалог о будущем с неправительственными экспертами», в котором в разделе «Национальное и международное сотрудничество» дается прогноз о снижении способности национальных правительств контролировать негативные социально-экономические процессы в своих странах, такие как рост безработицы, бедности, межнациональных конфликтов. Выход ЦРУ видит в региональных объединениях, позволяющих обеспечить «оперативное установление партнерских связей между правительствами стран-регионов, которые смогут более эффективно подключить к решению назревших проблем новые технологии, а также негосударственные объединения в виде различного рода организованных общественных групп давления на правительства. Крым в этом плане, очевидно, является именно тем уязвимым элементом украинской государственности, где и происходит посредством активизации политической деятельности крымско-татарской диаспоры внешнее давление на органы власти.

Справедливости ради следует отметить, что данная технология оказания давления на правительства суверенных государств, нисколько не является открытием аналитиков ЦРУ, она давно уже представляет, отработанную технологию воздействия на органы государственной власти. Достаточно вспомнить деятельность «Солидарности» в Польше, различные народные фронты на территории бывшего Советского Союза, едва ли не синхронно преобразившихся из движений за перестройку в националистические организации. Поэтому есть все основания предполагать, что при определенных условиях различного рода национальные движения, выступающие под лозунгами сохранения или возрождения национально-культурных ценностей или же обретения той или иной степени автономии, трансформируются в радикальные сепаратистские организации и движения, ставящие перед собой цель – обретения собственной государственности. При этом поддержка им со стороны США гарантирована, как это было в случае с Армией освобождения Косова, а также с негласной поддержкой официальными лицами госдепартамента вплоть до событий 11 сентября 2001 года чеченских сепаратистов.

Другим крупнейшим цивилизационным центром современного мира является объединенная Европа. Она все более явно оказывает влияние на современные политические процессы, постепенно оформляясь в надгосударственное политическое образование со своей собственной Конституцией (проект Конституции в настоящее время проходит обсуждение), гражданством и наднациональными органами управления, такими как Европарламент а также Верховная Комиссия, решения которых являются обязательными для исполнения правительствами стран членов Европейского Союза. Таким образом, происходит цивилизационная интеграция государств и неслучайно в этом плане включение прибалтийских республик в состав Евросоюза и НАТО, которое рассматривается титульными нациями данных государств, как возвращение в Европу. При этом правительства указанных государств, равно, как и большинство населения, отдают себе отчет в том, что по степени свободы в выборе своего национально-государственного развития данные образования в значительной мере будут более ограничены, чем это было в период их вхождения в состав Советского Союза.

В настоящее время Европейский Союз, находясь в стадии своего формирования, пока не является генератором серьезных внешнеполитических инициатив, в том числе и по отношению к России. Относительно скромные темпы роста западноевропейских стран, серьезность стоящих перед Союзом внутренних проблем вряд ли высвободят его внутреннюю мощь вовне в ближайшие годы. Вместе с тем Союз является крупнейшим сосредоточием политической и экономической мощи вблизи российских границ. Его влияние на западной российской периферии в перспективе будет только возрастать, а это означает, что в условиях ослабления российской государственности данное давление способно инициировать дезинтеграционные процессы в сопредельных российских регионах, особенно на северо-западе страны.

Объектом и своеобразным полюсом глобальной интеграции постепенно становится и исламский Восток, в последнее десятилетие все более активно заявляющий о себе как об одном из ведущих международных акторов, определяя содержание политических процессов не только в ареалах расселения народов с мусульманским вероисповеданием, но и далеко за его пределами. Свидетельством этому стали события 11 сентября 2001 года, а также

последовавшая эскалация напряженности на ближневосточном и центрально-азиатском направлениях, в которую постепенно втягивается все мировое сообщество. При этом государства исламского мира, долгое время находившиеся на периферии международных отношений, в последние годы всё больше осознают себя в качестве основных субъектов мировой экономики и политики, стремительно модернизируют национальные экономики и вооружённые силы, образуя собственные региональные центры силы, и способны в скором времени создать собственный «ядерный клуб».

Для России, опасность в этом плане представляет не само усиление данного цивилизационного полюса (центра), в силу того, что достаточно представительная часть населения страны идентифицирует себя с исламом как религией и мировоззрением. Более того, многовековые связи нашей страны со странами исламской цивилизации выработали определенный алгоритм взаимодействия и сотрудничества по важнейшим вопросам мировой политики. Долгое время СССР являлся фактически спонсором ближневосточного урегулирования и гарантом независимости ряда стран. Все это, казалось, должно было бы стать фактором стабильности и бесконфликтного развития отношений России со странами исламского мира. Между тем современные реалии, свидетельствуют об изменении подходов стран данного цивилизационного надгосударственного образования к месту и роли России как в мире в целом, так и на региональном уровне. При этом налицо латентное противодействие со стороны большинства стран данной группы в отношении реализации Россией комплекса мер по обеспечению своей национальной безопасности и интересов. В наиболее явной форме это проявилось в 80-х годах XX столетия в виде поддержки повстанческих формирований в Афганистане, последовавшей затем в 90-х годах идеологической экспансии в ареалах расселения мусульманских народов России, а также в непосредственном участии иностранных наемников в деятельности бандформирований на территории Северокавказского региона. Все это свидетельствует о том, что политическая практика отношений России со странами, которые можно условно отнести к «исламскому миру», насыщена не только примерами позитивного сотрудничества и взаимодействия, но и фактами конкурирующего и даже конфронтационного (пока еще латентного) развития отношений.

В этой связи, представляется, что опасность для Российской Федерации со стороны исламского Востока может исходить в случае дальнейшей экспансии радикальных исламских организаций и движений в регионах с нестабильной внутривластной обстановкой. К таковым следует отнести, прежде всего, Северный Кавказ, а также ряд национальных образований Поволжья, где в конце XX столетия обострились проблемы, связанные с суверенитетом и территориальной целостностью Российской Федерации. Именно здесь, как показали события конца прошлого столетия в наиболее острой форме произошло столкновение национальных интересов России с интересами исламских радикальных движений.

Наконец, существует еще один формирующийся «центр силы», который представляет особую значимость для развития современных политических процессов, в том числе и применительно к национальной безопасности России - это страны Азиатско-тихоокеанского региона и среди них Китай, как наиболее динамично развивающееся государство современного мира.

По мнению большинства аналитиков, Китай через 20-30 лет в целом завершит свою экономическую и военную модернизацию и станет полноценной великой державой уже не регионального, а мирового уровня. В этом плане можно с достаточной степенью уверенности прогнозировать, что с улучшением условий жизни населения в стране произойдет очередной «демографический взрыв», который может вызвать «демографическое выдавливание» перенаселённого Китая за границы его исторической национальной территории. Это может привести, в том числе, к военной экспансии в поисках «жизненного пространства». Окружённый с трех сторон государствами других цивилизаций, одной из особенностей которых является также высокая плотность, численность населения и высокая демографическая активность, Китай не сможет эффективно расширяться в этих направлениях. Практически единственным для него направлением территориальной экспансии остается - «север», то есть заполнение действительно «пустого пространства» Сибири и Дальнего Востока. Противостоять возможной экспансии Китая «на север» России пока нечем, и мы можем быть вовлечены в противостояние. О потенциальной опасности данного вида экспансии свидетельствуют, например,

данные приведенные в монографии «Пограничные проблемы»¹⁷, согласно которым еще в 1995 г. в приграничных с Россией китайских провинциях на закрытых совещаниях руководству внешнеторговых структур был доведен перечень цветных и редких металлов, контрабандный вывоз которых из России наиболее целесообразен. Кроме того, в процессах приватизации в России активно участвуют выходцы из Китая. Имеются факты выкупа ими в районных, областных и краевых центрах (через подставных лиц) квартир, магазинов, парикмахерских, ателье, объектов недвижимости.

Примечательно, что поставка рабочей силы за границу рассматривается китайскими властями как важнейший аспект внешнеэкономической деятельности. По заключению специалистов, это позволяет при малых затратах получить большую прибыль, решить проблему безработицы и способствовать образованию на российской территории обширной китайской диаспоры¹⁸. Более того, в последнее время процесс экспорта рабочей силы в Россию стал приобретать формы хозяйственного освоения российской территории путем длительной аренды земельных угодий (с перспективой их полного выкупа), строительства на них китайских деревень и промышленных объектов. Так, китайцами арендовано на 10 лет 510 га пашни в Бикинском районе и на 15 лет 3840 га в Завитинском районе Хабаровского края с перспективой строительства там двух деревень и расселения до 1 тыс. китайских семей¹⁹.

Западные исследователи, проанализировав экономическую и демографическую ситуацию в Китае, пришли к выводу, что эмиграция населения из северного и северо-восточного Китая будет со временем существенно расти, а ее естественное направление - это малонаселенные пространства Сибири и Дальнего Востока. Эта тенденция будет поощряться пекинским руководством, поскольку традиционное китайское мышление предполагает решение проблем с соседними народами с помощью их постепенной ассимиляции и «растворения» в гораздо более многочисленной и «цивилизованной» китайской нации.

---

¹⁷ Гришин М.Л., Губченко В.Н., Дмитриев В.А. и др. Проблемы пограничной политики государства и пути их решения. - М. Издательская группа «БДЦ-пресс», 2001. – 276 с.

¹⁸ См. там же

¹⁹ Проблемы пограничной политики государства и пути их решения: Монография. - М. Издательская группа «БДЦ-пресс», 2001. - 276 с.

Помимо этого, в некоторых политических и экономических кругах КНДР и Республики Корея поддерживается идея создания в Приморье корейской автономии и предпринимаются определенные практические шаги в этом направлении. Это подтверждается поступающей информацией о том, что на территории Приморского края в последние годы отмечается значительное усиление активности южнокорейских бизнесменов и миссионеров в формировании корейской диаспоры.

В целом же влияние названных выше центров современной мировой цивилизации на состояние национальной безопасности государств, находящихся в сфере их интересов, и не входящих ни в один из названных центров, обуславливается изменением подходов, к таким основополагающим принципам международного права как территориальная целостность, нерушимость границ и незыблемость суверенитета государства.

Особую значимость в этом плане обретает активно внедряемая в практику международных отношений идеология о «размывании суверенитета» государства в эпоху глобализирующегося мира. При этом сам суверенитет, как состояние государства, имеющего возможности независимого позитивного развития «размывается» не только в рамках международного права, посредством формирования категории государств-изгоев, в отношении которых действие норм международного или какого-либо иного права может быть приостановлено, что и было осуществлено по отношению к Югославии в 1999 году и Ирака – в 2003 году, но и посредством практических шагов влиятельных мировых держав по обеспечению внешнего контроля над основными сферами жизнедеятельности национального государства, определяющими степень его суверенности.

В реальности размывание суверенитета страны предполагает утрату национального контроля над государственными финансами, ресурсами, экономикой и в конечном итоге прекращению управления государством. Финалом данного «размывания суверенитета» является утрата органами государственной власти функций контроля и управления, которая может быть

произойти и без потери формальной видимости такого контроля над собственной территорией.²⁰

Одновременно с этим, размывание суверенитета предполагает и утрату роли государства и его влияния на положение дел в мире, в собственном регионе, в прежних зонах интересов и ответственности, то есть снижение или утрата бывшего статуса государства, который обеспечивал его цивилизационное выживание.²¹

Все это в значительной мере можно экстраполировать и на состояние российской государственности. Более того, реальная политическая практика отношений России с лидерами мирового политического процесса (США и их военно-политических союзников) свидетельствуют о заинтересованности последних в поддержке дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Наиболее образно это выражено в теоретических послылках З.Бжезинского, по мнению которого, «после поражения Советского Союза в «холодной войне» и последовавшего за этим его распада Соединенные Штаты впервые имеют возможность распространить свое присутствие на новые постсоветские республики Евразии, вплоть до границ с Китаем, а также господствовать в районе Персидского залива, на южных окраинах Евразии»²².

В процессе анализа влияния цивилизационных центров на эволюцию мировых политических процессов очевидна диалектическая взаимосвязь двух указанных выше тенденций развития. Интеграции, которая проявляется в стремлении к образованию наднациональных региональных и глобальных структур и дезинтеграции, происходящей в сложных в поликонфессиональном и цивилизационном отношении государствах. Это объясняется тем, что интеграция возможна только при условии, что среди субъектов интеграции имеются определенные разрозненные элементы. Одновременно центробежные явления и процессы предоставляют исходный материал для последующего объединения, интеграции и создания на этой основе новых государственных и межгосударственных образований.

---

²⁰ Цит. по Владимиров А. И. Военная реформа в России. Базовые подходы, проблемы, аспекты и тезисы - Новосибирск: 000 "Издательство ЮКЭА", 2000.- 352 с.

²¹ См. там же.

²² Цит. по Компас №1. –1994. З.Бжезинский «Вне контроля. Глобальный беспорядок накануне XXI в.» Нью-Йорк 1993.

Именно здесь коренится главное противоречие периода структурной перестройки мирового порядка. Указанное противоречие проявляется, во-первых, как столкновение тенденции к поддержанию пространственно-национальной идентичности каждого государства и процесса интернационализации экономической, политической и культурной жизни на глобальном уровне, а во-вторых, в несоответствии утвердившегося после второй мировой войны принципа нерушимости существующих границ и признанного ООН права наций на самоопределение, понимаемого нередко как право на создание собственных государственных образований на части территории страны с полиэтнической структурой населения, что и является в широком смысле конечной целью сепаратистских движений.

В этой связи, необходимо учитывать тот факт, что с возрастанием взаимозависимости различных частей мира и происходящим усилением в нем интеграционных процессов, в особенности в направлении цивилизационных центров, в будущем не исключается, а напротив сохраняется и усиливается опасность межнациональных, межгосударственных, межконфессиональных и межцивилизационных войн и военных конфликтов. Это в значительной степени определяет сущность другой общемировой тенденции, отражающей центробежные, сепаратистские явления. С другой стороны данные процессы следует воспринимать как звенья формирующейся в настоящее время тенденции обострения межцивилизационных противоречий, в процессе которых нельзя исключать вероятность более масштабного – глобального столкновения цивилизаций.

В этом плане вполне уместно обратиться к позиции одного из ведущих американских политологов С. Хантингтона,²³ в свое время сделавшего ряд выводов, касающихся перспективного цивилизационного развития, имеющего, по его мнению, в целом негативную направленность, который предполагал следующее.

1. Конфликт между цивилизациями придёт на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального конфликта, так как самосознание цивилизаций возрастает, а противоречия между ними реальны и важны, хотя таковыми пока ещё не осознаются.

---

²³ Хантингтон С. Столкновение цивилизации?/ Полис.- 1994.- № I.

2. Международные отношения, исторически являвшиеся игрой в рамках западной цивилизации, будут всё более вестернизироваться и превращаться в игру, где незападные цивилизации выступают в качестве не пассивных объектов, а в качестве активных «игроков».

3. Эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними.

4. Конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, будут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри цивилизаций, а военные конфликты между их вооружёнными группами станут наиболее вероятными и опасными источниками международной напряжённости и потенциальными источниками мировых войн.

Конечно же, далеко не все выше представленные положения концепции С.Хантингтона бесспорны. В то же время, очевидно, что в данных теоретических посылах реально отражена вся конфликтность формирующего мироустройства, несущего в себе не столько разрешение противоречий, сколько их углубление, а также повышение степени кризисности и конфликтности в отношениях различных участников мирового политического процесса.

Об этом со всей очевидностью свидетельствуют события последнего времени, наглядно демонстрирующие крушение иллюзий относительно бесконфликтности мирового политического развития с крушением биполярной системы. Вместо ожидаемого мирового порядка возник своего рода новый беспорядок, инициируемый международным терроризмом, прогрессирующим национализмом, религиозной нетерпимостью, а также вновь заявляющими о себе территориальными притязаниями государств.

При этом, как выше было отмечено, в любом обществе, не только на уровне мирового сообщества, но и даже в малых социальных группах, действуют как центростремительные, так и центробежные силы – это является объективным процессом.

Более того, последние десятилетия XX и начало XXI века, ознаменовались новым резким всплеском национализма и этноконфессиональной нетерпимости. Поэтому, очевидно, вряд ли возможно сегодня согласиться даже с таким известным автором, как Э. Хобсбаум, в том,

что «национализм... исторически стал менее важным»²⁴. Наоборот, существует мнение, что феномен национализма теперь уже отражает нечто большее, нежели просто конфликт между этносом и государством: возможно имеет место своего рода отторжение европейской модели всей социосферой, человеческим обществом в целом. На это, в частности, указывает Дж. Комарофф, считающий процессы «глобализации» и «этнизации» двумя сторонами единой всемирной силы, которая как бы «сверху» и «снизу» подтачивает национальное государство и на наших глазах разрушает его.²⁵ Именно поэтому сепаратизм знаком не только постсоветским государствам, а также бывшим югославским союзным республикам, пережившим в последние десятилетия процесс трансформации своей государственности и находящимся на переходном этапе становления своей собственной национальной государственности и гражданской социализации, но и таким государствам, которые на первый взгляд отличаются высокой степенью гражданской интеграции - Франции, Италии, США. При этом само по себе появление сепаратизма на данном этапе формирования нового мироустройства пока еще не говорит о масштабах и характере создаваемых им угроз, а лишь свидетельствует о том, что общество испытывает трудности с гражданской интеграцией своих компонентов. И в этом плане, вполне очевидно, что даже те нации, которые были сформированы в развитых странах Запада, несмотря на прошедшие столетия деэтнизации и нациестроительства, никак не могут считаться завершенными, целостными монолитами. Так, например, в составе французской нации продолжают существовать, кроме «собственно французов», бретонцы, баски, провансальцы, корсиканцы; в составе британской - шотландцы, валлийцы. Продолжаются острые этнические конфликты в Ольстере (Великобритания) и Стране Басков (Испания), трения между фламандцами и валлонами (Бельгия), противостояние франко- и англоканадцев в Квебеке (Канада). Американская же концепция «плавильного тигля» не реализовалась даже в самих США, являющихся сегодня ареной острых межэтнических и межрасовых противоречий²⁶. Как утверждает К.Янг, «национальное единство в США оказывается стоящим на пороге

²⁴ Хобсбаум Э. Указ. раб. С. 302.

²⁵ Комарофф Дж. Указ. соч. С. 44-53.

²⁶ См., например: Глейзер Я. Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного многообразия // ЭО. 1998. № 6. С. 98-104.

крупных преобразований с неопределенными последствиями», а времена, когда «ассимиляционный, интеграционный подход был в апогее своего господства», уже безвозвратно прошли²⁷.

Аналогичной точки зрения на проблему современного ренессанса национализма, как наиболее значимого признака деструктивности, придерживается и российский ученый-этнолог С.Рыбаков, полагающий, что «практически весь нынешний «постмутационный» мир начинает жить по законам этнонационализма и этнократии, повсюду этнонации стремятся к суверенизации и обретению «собственной» государственности. Вследствие этого считает С.Рыбаков «существование полиэтнических государств вообще становится весьма проблематичным»²⁸.

В этой связи заслуживает определенного внимания (может быть, в особенности применительно к России!) знаменитый достаточно жесткий тезис А. Рабушка и К. Шепсли о том, что «демократизация полиэтнического общества по западному образцу принципиально невозможна, поскольку демократия предполагает предварительное установление гомогенности общества совершенно недемократическими средствами»²⁹ (что несколько столетий назад произошло в ряде стран Запада).

По данному поводу С. Тамбиа сформулировал два тезиса, как представляется, чрезвычайно точно отражающих суть проблемы:

«Во-первых, в историческом плане западноевропейское национальное государство является продуктом особого рода событий, многочисленных социальных потрясений, внутренних трений, революций и войн между государствами...

Во-вторых, существует вероятность глубочайшей ошибки при попытке навязать зависимому миру такую историческую конструкцию, как национальное государство, выросшую на вполне определенной почве, и считать, что ее реализация - это необходимый этап всеобщей истории. Вполне

---

²⁷ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность. С. 88-89.

²⁸ Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности и этнический радикализм Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.2001. -№4. –С.4

²⁹ См.: Rabushka A., Shepsle K. Politics in Plurat Societies: A Theory of Democratic Instability. Columbus. 1972.

возможно, что такое предположение, вытекающее из посылок Просвещения, сыграло решающую роль в мировых делах»³⁰.

Кроме того, С. Тамбиа очень верно подметил решающую роль этой «ошибки» именно в «мировых делах». При этом необходимо учитывать, считает С. Тамбиа, что «этнический национализм сегодня есть явление поистине всемирное, характерное отнюдь не только для стран «третьего мира», но и для развитых западных обществ. Это связано с тем, что гомогенный социум может быть только желаемой тенденцией, а нация должна в принципе рассматриваться не как завершенное состояние, а как процесс движения социума к идеальному образу гражданского единства»³¹.

Тем самым само полиэтничное государство, в котором нарождаются такого рода новые «нации», с точки зрения этнонационалистов, подлежит демонтажу, поскольку его конструкция не вписывается в ключевой принцип этнонационализма «одна нация - одно государство». В данном случае имеет место идеологическое мотивирование сепаратизма, поскольку, в классическом понимании сепаратизм, как уже говорилось, - это стремление к отделению, обособлению; движение за отделение части государства и создание нового государственного образования или за предоставление части страны автономии. Таким образом, как отмечает Д. Ротшильд, «политизированная этничность» несет в себе угрозу общественным институтам и государству в целом³². Действительно, в полиэтничном обществе активность этнонационалистов объективно нацелена на сецессию и межэтнические конфликты. С того самого момента, как полиэтничная система после рождения этнонаций становится «многонациональной» (как это произошло, в частности, в СССР в результате «ленинской национальной политики»), она обречена на постоянную борьбу с центробежными внутрисистемными силами, действие которых в результате может привести государство к распаду.

Именно поэтому в процессе становления нового мироустройства в рамках глобализации сопутствующим ей явлением стало крайне резкое обострение

---

³⁰ Тамбиа С. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт. /Этничность и власть в полиэтничных государствах. -М.,1994. -С 206

³¹ См. там же -С.214.

³² Цит. по: Котанджян Г.С. Этнополитология консенсуса - конфликта: Цивилизационный аспект национальной безопасности. -М., 1992. С. 19.

межэтнических противоречий внутри государств. Так, в современные политические процессы всего за каких-то два-три десятилетия «вписались» такие сравнительно мало распространенные ранее явления, как воинственный национализм и этнический сепаратизм. Последний по своему деструктивному потенциалу особенно опасен, поскольку предполагает не только установление этнократических режимов правления, но и превращение целых народов в народы-изгой и изгнанники. Распад целого ряда полиэтнических государств в Азии, Африке и Европе долгое время существовавших в рамках единой государственности, дает основание считать, что сепаратизм выходит за рамки проблем не только национальной, но и региональной безопасности.

Примечательно, что в основе целого комплекса вооруженных конфликтов, отличающихся своей наибольшей жесточенностью в Югославии, России (Чечня), Грузии и Азербайджане, лежат именно сепаратистские тенденции. При этом очевидно также и то, что процессы фрагментации и энтропии мирового политического пространства не прекратились, вирус сепаратизма далеко не иссяк, а напротив набирает силу и трансформируется в комплекс новых межэтнических, межконфессиональных, а также межцивилизационных противостояний. Все большей реальностью становится то, что дезинтеграция, заданная процессом распада целого ряда федеративных государственных образований и, прежде всего, СССР, преобразований в Центральной и Восточной Европе получает свое дальнейшее развитие по принципу маятника.

Таким образом, становление нового мирового порядка осуществляется в условиях не только глобальной коммуникации, но и определенного хаоса «национальной самобытности», что предполагает потенциальную возможность кризиса самоидентификации различных этноконфессиональных групп населения

Очевидно, что судьба национального государства во всех его проявлениях и глобализация как мировой процесс, образуют весьма сложное и противоречивое переплетение. Речь идет, прежде всего, о социальной и внешней политике национального государства. Так, в частности, экономическая глобализация, наряду с новыми формами увеличения богатства и рационализации производства подталкивает к росту нищеты и порождает

пугающие последствия. Не менее противоречиво осуществляется и политическая глобализация.

В эпоху глобализации понятие государственности изымается из узких территориальных рамок и развивается в сторону постмодернистской глобальности, система международно-политических координат строится теперь не на основе логики национального отталкивания-притяжения, а вдоль оси «частное - общее», «глобализация (интеграция) - глокализация». Более того, глобализация и национализм идут рука об руку: по мере того как мир становится все более унифицированным, этнические меньшинства ощущают нарастающее беспокойство. Иначе говоря, можно предположить наличие прямой связи между приобщением страны к новому, глобальному миропорядку и подъемом националистических и сепаратистских движений.

В этом плане национальное государство теряет привычные ориентиры развития, рецепты лечения социальных язв перестают действовать, демократия ощущает приступ парализующей «усталости». Как реагировать? Выбрать путь автаркии или все же пересмотреть позиции и сущность национального государства как локального института?

Очевидно, что идти требуется по второму пути. Изоляционизм должен быть полностью исключен и в экономике, и в политике. Автаркические методы могут дать лишь иллюзорную передышку, отложив на небольшую перспективу решение тех проблем, которые никуда не исчезнут. Выход - нахождение национального консенсуса о путях и методах укрепления позиций данного государства в конкурентном поле глобализации. Каждое общество должно суверенно выбрать пригодное для себя соотношение элементов статики и динамики, традиции и новации, необходимое для успешного встраивания в соответствующую, рационально и сознательно выбранную нишу в глобализирующемся мире.

Выработка позиции по отношению к происходящим процессам зависит как от индивидуальных и социально-исторических характеристик (национальной самобытности), так и от интересов и стремлений игрока на поле информационного обмена. «...Каждая желающая стать полноценным глобальным конкурентом страна должна сама определять значимые для себя

результаты и сравнивать фактически достигнутое не столько с результатами деятельности других стран, сколько с собственными планами».

Глобализация процессов дезинтеграции, их высокий деструктивный потенциал позволяют предположить, что сепаратизм становится общемировой тенденцией преобразования государственных образований. Окончательные результаты влияния сепаратизма, по всей видимости, нельзя определить в обозримой перспективе, но в то же время определить наиболее «болевы точки» данного процесса представляется возможным. И в этой связи нельзя не обратить внимание на еще один аспект, связанный с процессами глобализации, выражающийся в усилении роли внешней диаспоры на сепаратистские процессы в сложноорганизованных государственных образованиях.

Речь идет о том, что сепаратизм в значительной мере питает внешняя диаспора, которая всегда склонна оказывать эмоциональную и финансовую поддержку наиболее интригующим и рискованным проектам на «исторической родине». Тем более, что большинство симпатизирующих никогда на этой родине не жили и жить не собираются.

Диаспора с иммигрантским статусом, как, например, албанцы в США и Германии, ведет себя еще более определенно, снабжая денежными переводами и добровольными комбатантами лагерь сепаратизма в стране исхода. Кое-где диаспора, имея высокий статус в стране проживания, может навязывать свою версию ситуации в стране сецессии и даже влиять на политику государств, добиваясь нужных резолюций, правовых актов и ассигнований. Так это было в случае с армянами и албанцами в США, с албанцами в ряде стран Европы, с черкесской и чеченской диаспорами в Турции и Иордании.

Современные диаспоры столь мощны, что могут прекратить конфликт, а могут вести его десятилетиями, обеспечивая воюющие стороны деньгами и поддерживая политически. Классический пример - тамильская диаспора в Индии и в странах Запада, которая финансирует (1 млн. долл. в месяц) вооруженных тамильских сепаратистов в Шри-Ланке уже более 20 лет. Косовские и чеченские сепаратисты получали оружие также отчасти за счет средств диаспоры.

Если к этому добавить, что деньги и симпатии американских ирландцев помогают держаться сепаратистам Ольстера на протяжении многих

десятилетий, то получается, что самая могущественная страна мира является откровенным экспортером сепаратизма в его наиболее неприемлемой для мирового сообщества форме - форме насильственных (вооруженных или террористических) действий против легитимных стран и правительств.

В случае с Чечней на стороне чеченского вооруженного сепаратизма оказались: мощная коалиция российской радикальной демократии (верящей в советский этнонационализм), либеральный Запад (желающий «досамоопределить» Россию), исламский Восток (расширяющий линии своего «цивилизационного пространства») и экспертно-информационное сообщество, замороженное эстетикой первой войны на территории бывшего политического и ядерного монстра.

Только с началом XXI века в позиции официальных лиц США и других ведущих государств мирового сообщества произошло переосмысление относительно того, что талибан и Аль-Каида являются однопорядковыми явлениями, а сепаратистский режим в Чечне – филиалом международного терроризма. Но для этого необходимо было пройти через испытание 11 сентября 2001 г.

Зарубежный опыт преодоления сепаратизма

Последнее десятилетие XX века и начало XXI столетия, как выше было отмечено, являют собой новый этап мощного подъема национальных и сепаратистских движений во всем мире. При этом процессам сепаратизма оказались подвержены как, так называемые, благополучные государства (Канада, Великобритания, Франция, Испания и др.), так и традиционные горячие точки планеты (Шри-Ланка, Индия, Кипр, страны Африканского континента – Сомали, Чад, Эфиопия, Мозамбик и т.д.). В результате на сегодняшний день нет таких континентов и стран, где бы проблема обеспечения территориальной целостности и внутривнутриполитической стабильности в той или иной степени себя не проявила. Особую остроту в последнее время, естественно, не без помощи извне приобрели конфликты на территории Югославии, в Ираке, а также в ряде стран постсоветского пространства. Указанное выше обстоятельство объективно заставляет правительства

государств, в наибольшей степени подверженных дезинтеграционным процессам, равно как и в целом мировому сообществу, вырабатывать и реализовывать систему мер, направленных на преодоление данных процессов и минимизацию их деструктивных последствий. В процессе данного противодействия деструктивным дезинтеграционным процессам, развивающимся, в том числе и на основе сепаратистских тенденций, наряду с мирными, политическими реализуются и силовые методы урегулирования обстановки, в том числе и посредством использования в той или иной форме вооруженных сил государств. Это в свою очередь дало многочисленные примеры преодоления сепаратизма, что позволяет в определенной мере проанализировать его в интересах возможного применения в современной российской политической практике.

Достаточно интересным в этом плане является опыт политического урегулирования кризисных ситуаций, возникших на почве межэтнической напряженности в ряде стран Западной Европы. Опыт преодоления сепаратизма в данном регионе примечателен тем, что он имеет наиболее давнюю традицию, истоки которой восходят к периоду образования здесь национальных государств, завершившемуся уже к началу XX столетия. Практика преодоления сепаратизма в данном регионе, таким образом, охватывает практически двухвековой период, в течение которого происходила ее эволюция от преимущественно военно-силового пресечения сепаратистских процессов и движений к ненасильственным компромиссным мерам урегулирования межэтнических конфликтов, вплоть до создания условий для управления процессами дезинтеграции. И хотя военно-силовой аспект преодоления сепаратизма не исключается политическим руководством государств данного региона, тем не менее, он не является основным способом обеспечения территориальной целостности и внутривнутриполитической стабильности и реализуется только лишь тогда, когда этого действительно требуют интересы обеспечения национальной безопасности и применение других мер воздействия невозможно или неэффективно. Именно поэтому дезинтеграционные процессы, периодически имеющие место в рамках государственноорганизованных обществ Западной Европы не несут в себе такого сильного разрушительного потенциала, как в Югославии, а также на территории постсоветского

пространства, где процессы преодоления сепаратизма трансформировались в целую серию локальных войн.

Примером своего рода управляемого процесса преодоления сепаратизма явился, например, распад Британской империи, произошедший хотя и не без потерь для британской государственности, но в то же время не имевших таких социальных потрясений как в Югославии и на постсоветском пространстве. Это стало следствием осознания государственными деятелями Великобритании невозможности силой удержать свои заморские колонии, что привело к выводу о необходимости сделать данные образования своими союзниками, и лишь формально зависимыми от британской короны, предоставив реальную независимость. Именно на основе данной компромиссной модели дезинтеграции в последующем произошло формирование Британского Содружества доминионов. При этом следует осознавать, что сам по себе распад Британской империи, владения которой были разбросаны по всему земному шару, продолжался на протяжении более, чем двухсот лет. Более того, изначально британцы также пытались силовым путем предотвратить распад своей империи - сложного полиэтнического, поликонфессионального и междивизиационного образования посредством вооруженного подавления движения за обретение самоуправления и независимости. Примерами этого стали попытки подавить восстание в британских колониях Северной Америки во 70-ых годах XVIII века, а также ирландское движения за самоуправление в середине XIX века. Обе эти попытки были неудачными для Великобритании. И уже в результате обретения независимости Северо-Американскими соединенными штатами британское правительство вынуждено было воспринимать аналогичные проблемы более взвешенно и, в конечном итоге, выработать ту модель достаточно управляемой дезинтеграции, при которой ее бывшие колонии, обретая фактический суверенитет, добровольно признавали верховенство (номинальное) Британии. Именно поэтому в таких суверенных государствах как Австралия, Канада – до сих пор главой государства является британская королева, а в качестве атрибутов государственной власти практически повсеместно используется британская символика. В конечном итоге руководству Объединенного королевства удалось не столько предотвратить сепаратистские тенденции, сколько сделать этот процесс

управляемым. Важнейший итог который был достигнут при этом, заключался в сохранении психологического состояния нации, то чем успешно в отечественной истории пренебрегали на протяжении последних несколько сот лет.

Другой пример британского опыта преодоления сепаратизма связан с Ирландией, где уже в середине XIX века развернулось широкое национальное движение за предоставление самоуправления данной провинции. В русском языке эти процессы получили название «гомруля» (homerule). Правящие классы Великобритании не пошли на уступки, за что и поплатились: ирландцы, в конце концов, потребовали независимости и стали добиваться ее вооруженным путем. В результате в 1915 году Ирландия обрела полную независимость.

Между тем, несмотря на приоритетность политических мер преодоления дезинтеграционных процессов военно-силовой подход к урегулированию внутривнутриполитических конфликтов руководством Великобритании не исключается. Так, в конце 1968 года внутривнутриполитическое положение Великобритании обострилось в связи с событиями в Ольстере, которые привели к серьезному политическому кризису в стране. В августе 1969 года в Северную Ирландию решением правительства Великобритании были введены британские войска. С тех пор, т.е. более 35 лет, английская армия находится в Северной Ирландии. За это время были проведены юридические мероприятия, обеспечивающие большую степень свободы ее действий. Закон 1970 г. об охране общественного порядка предусмотрел ответственность за сопротивление войскам. Закон 1972 г. о Северной Ирландии ввел в армии иммунитет от исков за любые акции, предпринятые во время разгона демонстраций, допросов, арестов, тюремного заключения, и запретил привлекать солдат к судебной ответственности в связи с их действиями в Северной Ирландии. Постепенно армия выдвинулась на первый план в охране общественного порядка. Закон 1973 г. о чрезвычайных мерах в Северной Ирландии наделил чрезвычайными полномочиями уже не должностных лиц полицейского аппарата, как это было прежде, а саму армию. Ей были даны самые широкие права по поддержанию порядка, в частности, право производить аресты, совершать обыски в помещениях, входить в дома, вести

допросы задержанных и пр. За командованием сохранялось руководство полицейскими силами.

Военные методы решения североирландского кризиса чередовались с попытками создания конституционных законодательных структур после того, как в 1972 г. был распущен североирландский парламент и введено прямое правление из Лондона. Ольстерская проблема не решена до сих пор, хотя надежда на ее урегулирование появилась уже в начале 1995 года, когда стороны, включая Ирландскую Республику и Великобританию, согласились пойти на компромисс. В результате ведущая сепаратистская организация ИРА обязалась свернуть террористические акции на территории Великобритании в обмен на предоставление большей автономии Северной Ирландии.

Великобритания, была, пожалуй, единственным сложным по своему составу государственным образованием, которое сумело на волне сепаратизма преобразовать бывшие свои колониальные владения в союзные доминионы. Другие же, не менее сложные в прошлом государственные образования, такие как Испания, Нидерланды, Португалия и др., сделав ставку исключительно на силовой аспект подавления национальных освободительных движений и воспринимая свои инациональные территориальные владения только лишь в качестве колоний, закономерно утрачивали в них позиции, вернувшись в конечном итоге к своим историческим границам.

Британский опыт не был учтен также и руководством Франции в послевоенный период. Втянувшись в войну в Индокитае, и едва не потерпев поражение от ультранационалистов в Алжире, Франция в конечном итоге потеряла и Алжир и Индокитай. Выводы из данной ошибочной политики были сделаны лишь с начала 70-х годов в бывших колониальных владениях Франции в Центральной Африке, где ее позиции остаются прочными и по сей день. Более того, нередко Франция привлекается в качестве своеобразного арбитра во внутренних африканских проблемах и конфликтах (Чад, ЦАР и др.). Руководство последних в частности обратилось в 2002 году с просьбой к французскому правительству оставить их в составе французского сообщества.

Тем не менее, в отличие от Великобритании политическая практика преодоления сепаратистских процессов во Франции по-прежнему отличается доминированием военно-силовых и репрессивных форм и методов. Во многом

это объясняется тем обстоятельством, что во Франции сепаратистские процессы сопровождаются террористическими актами. И поэтому позиция французского руководства в данном случае исходит из того, что как подчеркнул президент Франции Ж.Ширак «Ни одна цель, даже борьба за свободу, не может оправдать терроризм.»³³.

Наиболее остро во Франции стоит вопрос с корсиканским терроризмом, проявляющимся на сепаратистской основе. Здесь ежегодно происходит минимум до половины всех терактов, фиксируемых во Франции. Их отличительной чертой является слабая мощность взрывных устройств, и они очень редко направлены против людей, если не считать внутренних разборок между различными националистическими группировками. В основном эти теракты призваны создать на острове обстановку общей неуверенности. Попытки правительства применять политику кнута и пряника никак не приводят к положительным результатам. Усложняет ситуацию то, что Корсика остаётся наименее развитым регионом Франции и идеи национализма здесь срастаются с клановым укладом жизни. Не менее глубокие корни сепаратизм имеет и в других регионах Франции. В этом плане уместно будет упомянуть бретонский и баскский сепаратизм. Пик этих движений пришёлся соответственно на 60-70 и на 70-80 годы XX столетия. Но если в Бретани сепаратизм принимает в последние годы всё более мягкие формы, то в баскском случае он практически также как и на Корсике перешёл в терроризм.

Именно поэтому французское правительство расценивает проблему преодоления сепаратизма в рамках решения другой не менее значимой проблемы борьбы с терроризмом. В русле решения данных проблем после серии террористических актов, которые прокатились по Франции в середине 90-х годов XX столетия правительством Франции был принят к реализации чрезвычайный план борьбы с терроризмом «Вижипират». В рамках этого плана принимались усиленные меры безопасности практически во всех государственных учреждениях и общественных местах. Впервые этот комплекс мер был задействован во время в Персидском заливе в 1991 году. В зависимости от конкретной ситуации план «Вижипират» имеет несколько вариантов действий спецслужб и частей вооружённых сил- №1; №2; №3. Осуществляется

---

³³ Быков А.В., Милушкин С.Е. Французская Республика: опыт борьбы с терроризмом.

план «Вижипират» под руководством МВД. Им, в частности, предусматривается усиление контроля за учреждениями, открытыми для общественного пользования, патрулирование потенциально опасных объектов совместными нарядами армии, жандармерии и полиции, повсеместную проверку документов и т. п. Такие превентивные проверки осуществлялись на основании закона 1993 года, который разрешает их с целью «предупреждения посягательств на общественный порядок, в частности, на безопасность или имущества»³⁴.

В борьбе с терроризмом, полагают французские специалисты, можно не только в полной мере задействовать антитеррористическое законодательство (например, закон об усилении репрессивных действий, но и не пренебрегать чрезвычайными мерами. Речь идёт об интернировании подозреваемых лиц, использовании личного состава армии в охране правопорядка, создании специальных судов. Кроме мер направленных на совершенствование законодательства и введению правовых ограничений с профилактическими целями (визовая политика, усиленные проверки документов, ужесточение законодательства в отношении иностранцев, процедура депортации), были серьёзно усилены спецслужбы и репрессивный аппарат, а также увеличены расходы на их содержание.

Кроме того, в последние годы во Франции был принят целый ряд законов профилактического свойства. С середины 1980 годов введена более жёсткая визовая регламентация, значительно ограничивающая въезд во Францию из большой группы стран; были отменены безвизовые режимы для многих государств, за исключением стран ЕС и Швейцарии, отказы в предоставлении визы для въезда во Францию теперь могут быть немотивированными. Дополнительные ограничения внесены в правила пребывания иностранцев на территории Франции. После образования Шенгенской зоны стран ЕС эти правила в отношении граждан третьих стран были ещё более ужесточены. В целом же государственные власти Франции в чрезвычайных условиях могут действовать в рамках так называемого «закона нормальности», спектр действия которого достаточно широк. После 1945 г. в случае использования вооруженных сил внутри страны стало традиционным введение чрезвычайного положения.

---

³⁴ Быков А.В., Милушкин С.Е. Французская Республика: опыт борьбы с терроризмом.

Это происходило в ходе войны в Алжире, а также в 1984 г. - в период политических беспорядков в Новой Каледонии.

Таким образом, как показывает анализ опыта преодоления сепаратизма во Франции, комплексный подход к вопросам преодоления внутривластной нестабильности и обеспечению территориальной целостности государства.

Определенный опыт преодоления сепаратизма накоплен и в других европейских странах, в частности в Бельгии и Испании, где проблемы территориальной целостности из-за действия политических структур так называемых национальных меньшинств стоят достаточно остро. Показателен в этом плане пример баскского сепаратизма, инициируемого не только радикальными националистическими группировками ЭТА, но и активно поддерживаемого правительством страны Басков, хотя именно здесь был реализован комплекс мероприятий, направленных на обретение данной провинцией (наряду с Каталонией и Галисией) предельно широкой автономии в рамках провозглашенной Конституцией 1978г. новой формы территориальной организации политической власти, трактуемой как «государство автономий (самоуправляющихся сообществ)». Это одна из важнейших новаций конституции, направленной на разрешение исторической необходимости - объединения всего национального и культурного многообразия Испании в новую политическую единицу. В частности, это новое устройство должно было удовлетворять целям политической автономии Каталонии и Страны Басков в рамках новой демократической конституции. Конституция создала для этого основы необычной схемы политической децентрализации, основанной на праве входящих в Испанию «национальностей и регионов» на автономию, но не в ущерб единству испанской нации и не в ущерб солидарности между ними (ст. 2). Новая форма территориального устройства предполагает вертикальное распределение государственной власти между центральными институтами власти (центром) и территориальными институтами (так называемыми *comunidades autonomas*, автономными сообществами).

Наряду с принципами автономии, единства и солидарности в основе конституционной схемы политической децентрализации лежит еще один принцип - принцип «ранжирования» (*ordering*), или принцип «ограниченной свободы». В данном случае положения Конституции Испании заложили основы

и учредили процедуры, позволяющие различным территориям, не выходя за рамки конституции, достигать той степени автономии, к которой они стремились. При этом Конституция не содержит четких положений регламентирующих полномочия органов власти государства и автономии, а лишь содержит абстрактные правила, определяющие границы территорий, имеющих право на автономию, и предоставляет им самим инициативу провозглашать себя автономными сообществами через утверждение статута автономии. Это в частности регламентировано ст. 143, в которой отмечается что: «При осуществлении права на автономию, признаваемого в ст. 2, пограничные провинции с общими историческими, культурными и экономическими характеристиками, островные территории и провинции с исторически региональной самобытностью смогут получать автономию и провозглашать себя автономными сообществами в соответствии с положениями настоящего Акта и соответствующими Статутами».

Таким образом, с одной стороны, процедура, посредством которой определенные территории провозглашают себя автономными сообществами и достигают автономии, - это составление и утверждение Статута автономии. С другой стороны, конституция, руководствуясь вышеупомянутым принципом «ранжирования», предлагает разные пути для достижения автономии и разные пути получения статута автономии. Для территорий, в прошлом проголосовавших на плебисците за проект Статута автономии и имевших в момент принятия конституции временный режим правления (Каталония, Страна Басков и Галисия), Конституция предусматривает особую процедуру. Это означает, что в отличие от других территорий они могут проявить инициативу касательно получения автономии посредством простого соглашения большинства депутатов своих высших коллективных «предавтономных» органов. После того как инициатива проявлена, Конституция предусматривает для таких территорий ускоренную процедуру принятия Статута (ст. 151.2): парламентская ассамблея, формируемая из депутатов и сенаторов от провинций, входящих в территорию, желающую стать независимой, составляет проект; этот проект совместно обсуждают Конституционный комитет конгресса депутатов и делегация составившей его Ассамблеи; в результате пишется окончательный согласованный текст; после того как текст согласован, он выносится на

референдум, и, если за него проголосует большинство жителей каждой провинции, текст должен был ратифицирован (без каких-либо поправок) большинством голосов на пленуме обеих палат парламента.

Таким образом, Статут - необычный органический закон, необычный как по процедуре составления, так и по своей функции, но еще и потому, что процедура его изменения должна определяться самим Статутом, и потому, что содержание его определено конституцией. Согласно конституции (ст: 141), статуты должны содержать в себе:

- а) название сообщества;
- б) определение его границ и территории;
- в) названия и организационную структуру его учреждений;
- г) их предполагаемые полномочия.

Последний пункт данного перечня требований к Статуту требует особого внимания, поскольку именно в нем заложены основы взаимодействия органов власти государства с администрацией автономных сообществ. В этом плане обращает на себя внимание тот факт, что в разработанной испанской конституцией схеме территориального устройства отсутствуют отношения главенства и подчинения между государством и автономными сообществами; Конституция гарантирует последним правомочия, которыми они пользуется свободно, по своему усмотрению, не выходя за рамки Конституции и Статута. Таким образом, это отношения не главенства и подчинения, а интеграции и состязания, где нет системы контроля, существующей в чисто административных системах при децентрализации власти. Законодательные акты автономных сообществ контролируются только Конституционным судом. Деятельность автономных администраций и их нормативные акты находятся под состязательной юрисдикцией административных органов. Центральной государственной власти разрешено вмешиваться только в крайнем случае - если автономное сообщество нарушит конституцию, центральная власть может принять меры, чтобы заставить его эту конституцию соблюдать. Наличие разных сфер юрисдикции создает почву для соперничества и конфликтов между государством и автономными сообществами. Конфликты, связанные с полномочиями, предоставленными конституцией и Статутом, разрешаются

Конституционным судом посредством специальной процедуры, называемой «конфликтом юрисдикции».

Очевидно, что сегодня провинции Испании населенные, так называемым национальными меньшинствами, претендующие и имеющие ту или иную степень автономии имеют такие законодательные и политические институты, которые позволяют их автономиям ни в чем не уступать автономиям любых из субгосударственных единиц, входящих в состав неунитарных государств - будь то немецкие земли, итальянские административные области, канадские провинции или бельгийские общины. Между тем проблемы сепаратизма в самой Испании, несмотря на реализацию указанных выше мер, по-прежнему остаются острыми. О чем свидетельствует, например, инициированный правительством Страны Басков в январе 2004 г. процесс выхода автономии из-под юрисдикции Испании. Это, в свою очередь, подтверждает вывод о том, что реализация только лишь политико-правовых мер, направленных на расширение полномочий автономных образований, является не вполне достаточным условием преодоления сепаратистских процессов и тенденций.

Не менее острыми являются проблемы сепаратизма и в другой благополучной западноевропейской стране – Бельгии, в которой со времен провозглашения ее независимости проявляются две формы этнической идентификации и мобилизации: фламандская и валлонская. Следует отметить, что само образование Бельгии в 1830 году изначально несло в себя конфликтный потенциал, поскольку в рамках единого государства были объединены различные этнические группы населения при изначально доминировании франкоязычной группы. В результате старейшим этническим движением является фламандское, которое ведет свое происхождение от движения за равноправие языка. Этническая приверженность (идентификация) проявилась в создании фламандских национальных партий и целого ряда обществ для защиты собственно фламандских интересов, в первую очередь этнокультурных. В 1962-1963 гг. фламандское движение выиграло важнейшую битву: нидерландский стал единственным официальным языком во Фландрии, французский - в Валлонии и немецкий - в небольших областях Восточной Бельгии.

В результате четырех последовавших реформ государственной системы (1970-1971, 1980-1981, 1988 и 1993 гг.) Бельгия в конечном итоге стала федеративным государством, в соответствии с Конституцией 1993 года. При этом она являет собой федерацию совершенно особого рода в следствие закрепленного Конституцией сложнейшего этнотерриториального устройства. Составляющими ее частями являются области и сообщества. С одной стороны, Бельгийскую федерацию образуют три территориальные области - Фландрия, Валлония и Брюссель. С другой стороны, федерацию составляют и три сообщества - Фламандское, Французское и Немецкое, являющиеся аналогом этнокультурной автономии.

Фламандское сообщество включает жителей Фламандской области и нидерландоязычных брюссельцев. Во Французское сообщество включаются жители Валлонии - за исключением обитателей ее немецкоязычной части, - а также франкоязычные брюссельцы. Наконец, Немецкоязычное сообщество состоит из жителей немецкоязычной территории, которая входит в состав Валлонии. Области наделены целым рядом полномочий, связанных с территорией, таких, как общественные работы, транспорт, обустройство территории. Сообщества в свою очередь осуществляют полномочия, относящиеся к сфере человеческого общения, культуре и образованию.

Таким образом, в результате преобразования Бельгии в федерацию, в основе которой лежит не только этнотерриториальная, но и этнокультурная автономия в значительной мере преодолены основные противоречия, связанные с обеспечением равноправия основных этнических групп населения. В то же время, проблемы обеспечения территориальной целостности государства по-прежнему остаются актуальными. При этом наиболее значимой проблемой существующей федерацией является статус самой столицы, которая с одной стороны расположена на территории Фландрии (точнее - Брюссельская область со всех сторон окружена Фламандской областью). При этом Фламандское сообщество, осуществляющее определенные полномочия в Брюсселе провозгласило Брюссель своей столицей. В свою очередь и Французское сообщество также провозгласило Брюссель своей столицей. Таким образом, в новой федеральной государственной структуре Бельгии Брюсселю отведено особое место. Для жителей всей страны - Брюссель выполняет

функции единой столицы, являясь крупнейшим транспортным узлом, местопребыванием посольств, штаб-квартиры НАТО и Европейского союза, здесь же функционируют органы управления фламандского и французского сообществ. Все это в значительной как стимулирует дезинтеграционные процессы в стране, особенно среди определенной части фламандского сообщества, так и сдерживает их негативное деструктивное развитие.

В целом, бельгийский опыт федерализации страны, как один из способов снятия межэтнической напряженности и сохранения территориальной целостности государства заслуживает своего внимательного анализа и применения в соответствующих условиях. В этом плане преимущество бельгийской модели политического преодоления сепаратизма заключается в стремлении органов государственной власти использовать все возможные меры для сглаживания межэтнических противоречий, посредством предоставления ведущим этническим группам населения автономии, как этнокультурной, так и территориальной.

Завершая анализ опыта ряда европейских государств по преодолению сепаратизма, следует констатировать, что гибкость системы автономий, реализованная в рассмотренных выше государствах, в значительной мере явилась условием их территориальной целостности и внутривнутриполитической стабильности, несмотря на то, что сепаратистские процессы и тенденции в данных государствах имеют давнюю традицию и не искоренены вплоть до настоящего времени. Именно в гибкости автономий заключается главное преимущество федеративных систем Бельгии и Испании, по сравнению с российской системой национально-государственного устройства. Более того, данная система гибких автономий содержит в себе огромные потенциальные возможности, позволяя автономиям эволюционировать в сторону расширения при мирном и эффективном многостороннем взаимодействии с государством в перспективе объединенной Европы.

Несколько иным образом решение проблемы преодоления сепаратизма реализуется в другой части света – Северной Америке, и в частности в Канаде, испытывающей на себе более чем какое-либо иное государство континента давление сепаратистских тенденций и процессов.

В этом плане обращает на себя внимание близость подходов, методов и принципов, вдохновлявших в конце XX в. канадских и российских сепаратистов. Подобно России, Канада исключительно разнообразна: в пространстве, покрывающем шесть часовых поясов, представлена пестрая палитра экономических, политических, общественных устремлений и целей. Роль регионализма здесь настолько велика, что канадские исследователи даже говорят о наличии нескольких самостоятельных политических культур, весьма непохожих друг на друга³⁵. При этом, согласно имеющимся данным, большинство канадцев ощущают себя, прежде всего, жителями тех или иных провинций, а потом уже канадцами, что также характерно для жителей целого ряда национальных автономий Российской Федерации.

Непосредственным генератором сепаратистских процессов в Канаде являются политические организации и структуры провинции Квебек, выступающие от имени доминирующего населения франкоязычного населения провинции. Подобно национальным движениям, развернувшимся в 1990-е годы в российских автономиях, квебекские сепаратисты изначально провозглашали своей целью ликвидацию экономической и культурной несправедливости. И поэтому деятельность их на начальном этапе была поддержана самим федеральным правительством. Так уже в 1964 г. квебекское правительство добилось «специального статуса» в федеральных программах, который лег в основу так называемого кооперативного федерализма. Тогда же провинция впервые потребовала права самостоятельно подписывать международные соглашения. К середине 1960-х годов стало очевидно, что у разговоров о новой федерации, восстановлении исторической справедливости, суверенитете в рамках единой Канады есть недвусмысленный подтекст, поскольку логика «тихой революции» предполагала преобразование канадской федерации в конфедерацию независимых государств³⁶.

В течение последующих тридцати лет Квебек настойчиво расшатывал федеративную систему. В провинции форсированными темпами создавались атрибуты собственной государственности. К началу 1970-х годов

---

³⁵ Simeon R., Elkins D. 1974. Regional Political Cultures in Canada. - Canadian Journal of Political Science, vol. 7, № 3. -P. 397-437.

³⁶ Johnson W. 1994. A Canadian Myth: Quebec between Canada and Illusion of Utopia. Montreal. -P.24.

Законодательная ассамблея Квебека была переименована в Национальную ассамблею, а с официальных бланков исчезли всякие упоминания о провинции Квебек. Одновременно зазвучали призывы заменить парламентское устройство президентским, а министерство по связям с федерацией переименовать в министерство по межправительственным связям. Исходившие от федеральных властей упреки в том, что законодательство Квебека систематически нарушает федеральную конституцию, лидеры провинции парировали предложениями переписать последнюю (в России, как известно, с похожими инициативами выступали президенты ряда республик.). Квебекские лидеры активно пропагандировали принцип «ассоциация - суверенитет», под которым подразумевалась политическая самостоятельность в сочетании с экономическим союзом с «остальной Канадой» (что-то вроде «ассоциированного членства» в Российской Федерации, о котором до недавнего времени любили рассуждать в Татарстане), и требовали его конституционного закрепления. «Новый федерализм, рождающийся в Канаде, должен исходить из того, что один из субъектов федерации будет пребывать в совершенно особых условиях. Новый режим должен предоставить Квебеку полную административную и законодательную власть в тех областях, где другие провинции могут довериться федерации»³⁷, На практике это должно было найти отражение в удовлетворении следующих требований:

- все налоги, собираемые в Квебеке, поступают в распоряжение местных властей;
- все действующие в Квебеке законы принимает Национальная ассамблея;
- все международные соглашения, затрагивающие Квебек, заключаются с участием квебекского правительства и ратифицируются парламентом провинции³⁸.

При этом Квебек собирался и впредь пользоваться преимуществами валютного и таможенного союза с Канадой, а также взаимной «прозрачностью» границ.

---

³⁷ Johnson W. 1994. A Canadian Myth: Quebec between Canada and Illusion of Utopia. Montreal. –P.70.

³⁸ Там же.

Аналогия в этом плане российским реалиям последнего десятилетия вполне очевидна, что является свидетельством всей серьезности ситуации и потенциальной возможности отделения Квебека от Канады. Это особенно стало очевидным после проведенного в провинции в 1995 году референдума, когда лишь незначительное количество голосов предотвратило распад страны³⁹.

Канада в данном смысле просто уникальна: в мире, пожалуй, нет других стран, где к сепаратистам относились бы столь же мягко. Они это осознают и в полной мере этим пользуются. «Правительство никогда не пыталось удержать нас от реализации сепаратистских замыслов, - признавал один из бывших лидеров Квебекского блока. - Власти любой другой страны в подобной ситуации наверняка использовали бы собственную версию закона о военном положении или же пошли бы на иные жесткие меры, направленные на поддержание порядка. Но благодаря демократическим институтам того самого государства, которое мы пытались разрушить, наше движение, напротив, получало возможность беспрепятственно делать свое дело»⁴⁰.

Отрицание силовых методов лежит в основе главного парадокса канадского федерализма. С одной стороны, никто, за исключением самих сепаратистов, не спорит с тем, что последствия отделения Квебека будут катастрофическими; с другой - принципы демократии считаются до такой степени незыблемыми и священными, что малейшие сомнения в их разумности кажутся неприличными. Естественно, при таком подходе на первом плане оказываются не столько реальные последствия отделения, сколько его процедурные моменты: требование, чтобы в пользу сепарации высказалось солидное большинство, недопустимость одностороннего провозглашения независимости, длительный «бракоразводный процесс» с Канадой и т.д. К числу таких вопросов относится и вопрос территориальной целостности самого Квебека. Дело в том, что гипотетическая независимость французской Канады отнюдь не означает, что границы нового территориального образования, внезапно появившегося на карте мира, полностью совпадут с границами нынешнего Квебека. По словам канадского министра по вопросам

---

³⁹ За независимость Квебека тогда высказались 2.308.360 избирателей, против - 2.362.648.

⁴⁰ Bertrand G. 1996. Enough is Enough. An Attorney's Struggle for Democracy in Quebec. Toronto. -P. 24.

федеративных отношений С.Диона, «едва ли кто-то возьмет на себя смелость утверждать, что границы независимого Квебека будут теми же, которые гарантированы сегодня канадской конституцией»⁴¹. Эта провинция неоднородна по своему этническому составу; достаточно сказать, что 12% ее населения составляют англоязычные канадцы, причем проживают они компактно, образуя довольно крупные анклав, свободные от французского языка и французской культуры. Если сепаратисты вдруг преуспеют в своих усилиях по развалу страны, английская часть долины реки Оттава, западный Монреаль и английские городки, расположенные на востоке провинции, также поставят вопрос о суверенитете. Об этом, напомню, недвусмысленно заявлялось накануне квебекского референдума 1995 г., когда муниципалитеты с преобладанием английского населения в массовом порядке принимали резолюции, в которых просили федеральное правительство гарантировать их пребывание в составе Канады, «несмотря на результаты какого бы то ни было провинциального референдума»⁴².

К этому следует добавить и то, что индейцы и эскимосы, проживающие на территории Квебека, тоже не приемлют идею независимости французской Канады, так как считают, что Оттава более благосклонно относится к их самоуправлению, нежели квебекские власти. Осенью 1995 г. в ходе голосования о будущем Квебека коренные жители весьма недвусмысленно заявили о своей позиции: 96,3% индейского и 95% эскимосского населения провинции высказались против независимости. Столь бесспорное единодушие позволило канадскому правительству в лице министра по делам коренных народов заявить, что индейцы и эскимосы - не «скот», который можно запросто передавать из-под одной юрисдикции в другую⁴³. А в свете того, что они претендуют примерно на 40% территории провинции и именно на их землях расположен крупнейший гидроэнергетический комплекс Квебека, «индейская проблема» сулит квебекским властям немалые неприятности.

Иными словами, как справедливо отмечает канадский исследователь Ч.Доран, сепаратистам в конце концов придется столкнуться с парадоксом

---

⁴¹ Young R. 1995. The Secession of Quebec and the Future of Canada. Montreal. –P.103.

⁴² Young R. 1995. The Secession of Quebec and the Future of Canada. Montreal. –P.75.

⁴³ Young R. 1995. The Secession of Quebec and the Future of Canada. Montreal. –P.30.

суверенитета: «Если Канада делима, то почему Квебек должен оставаться неделимым? А если Квебек все-таки неделим, то на каком основании сама Канада должна соглашаться на его обособление?»⁴⁴. Таким образом, любой непредвзятый анализ канадского кризиса должен учитывать и такую альтернативу, как появление на территории нынешнего Квебека не одного, а нескольких государственных образований. Подобный вариант, естественно, делает политическое будущее Канады еще более неопределенным.

Таким образом, политическое руководство Канады, так же как и органы власти западноевропейских государств демонстрируют стремление к политическому урегулированию этнотерриториального кризиса. Но при этом отнюдь не исключается и военно-силовое решение данных вопросов. Так, когда в октябре 1970 года радикальная националистическая организация «фронт освобождения Квебека», выступавшая за отделение и полную независимость этой провинции от Канады, совершила ряд террористических акций. В связи со сложившейся в Квебеке ситуацией тогдашний премьер-министр Канады П.Трюдо, используя положения Закона о мерах военного времени (принят в 1914 году), ввел в крупнейшие города провинции регулярные войска. В провинции было объявлено чрезвычайное положение, ограничены гражданские права и свободы, подверглись задержанию и аресту около 500 человек. Меры федерального правительства были поддержаны большинством населения Канады.

В настоящее время вместо Закона о мерах военного времени в Канаде действует Закон о чрезвычайных мерах, вступивший в силу в июле 1988 года. Этот закон применяется в случае возникновения «национального чрезвычайного положения», определяемого как «срочная и критическая ситуация временного характера, которая ставит под угрозу способность правительства Канады сохранить суверенитет, безопасность и территориальную целостность страны и которая не может быть нормализована в соответствии с любым другим законом Канады».

Зарубежная практика военно-силового разрешения внутривнутриполитических кризисов и конфликтов

---

⁴⁴ Doran Ch. 1996. Will Canada Unravel? - Foreign Affairs, vol. 76, № 5.

В целом же возможности использование военной силы для пресечения и подавления сепаратистских процессов, а также деструктивных проявлений иного рода, угрожающих внутривнутриполитической стабильности и территориальной целостности государства рассматриваются правительственными кругами как крайняя мера, реализация которой должна в полной мере быть мотивирована и соответствовать конституционным принципам и национальному законодательству.

Как свидетельствует мировая практика, при наличии острых внутривнутриполитических кризисов и конфликтов правящие круги той или иной страны могут пойти на использование силовых структур, в том числе вооруженных сил. В ряде государств использование вооруженных сил для решения подобных проблем законодательно закреплено, в других - обосновывается введением чрезвычайного положения.

В странах с традиционно демократическим устройством чаще возникают ситуации, при которых защищать права и свободы большинства власть вынуждена путем силового воздействия на экстремистское меньшинство. В таких странах имеется опыт подавления массовых беспорядков с малыми потерями. «Война с повстанцами, партизанами, бандформированиями, - подчеркнет в 1962 году Президент США Дж.Кеннеди, - это другой тип войны, новый по своей интенсивности и старый по происхождению. Война, где вместо наступления используется просачивание, где победа достигается распылением и истощением сил противника, а не его уничтожением. Она требует новой стратегии и тактики, специальных сил и новых форм боевых действий».

При этом в развитых демократических государствах армейские подразделения используются для поддержания правопорядка под общим командованием должностных лиц, руководящих полицией (министров внутренних дел или юстиции, префектов и др.). Причем выдаются им полицейское оружие и спецсредства, и действовать они должны строго в соответствии с принципами правопорядка: лишать правонарушителей возможности к сопротивлению и бегству, но не уничтожать их как врагов на войне.

К силам обеспечения внутренней безопасности за рубежом принято относить собственно полицию, некоторые армейские структуры, наиболее часто привлекаемые к подавлению массовых беспорядков, а также воинские формирования, имеющие, как правило, двойное подчинение: министерствам внутренних дел (юстиции) и обороны. Последние зачастую выполняют функции трех видов: борьба с уголовной преступностью, военно-полицейская и участие в территориальной обороне.

В большинстве зарубежных стран внутренние конфликты не носят характера гражданской войны, и для обеспечения безопасности при их разрешении применяются специальные подразделения двух типов – так называемые полицейские службы оперативного вмешательства и части полиции ВС.

Создание службы оперативного вмешательства было обусловлено отсутствием у территориальных органов полиции возможностей для эффективной нормализации обстановки в период массовых беспорядков. В настоящее время она состоит из особых мобильных подразделений, имеющих армейскую структуру и оснащенных вооружением, специальным транспортом и средствами связи.

Так, в службу оперативного вмешательства, например, Италии входят моторизованные отряды «челере», «мобиле» и кавалерийские эскадроны. Во Франции служба оперативного вмешательства состоит из «республиканских рот безопасности», каждая из которых является тактической единицей. Аналогичным образом организованы соответствующие службы и в других государствах. Деятельность их характеризуется использованием самых разнообразных тактических методов и технических средств.

Подразделения службы «оперативного вмешательства» в основном используют по распоряжению государственных или региональных властей. Результаты проведения данной службой крупных операций рассматриваются на заседаниях комиссий национальных парламентов или региональных представительных органов. Такой порядок дает определенную гарантию защиты граждан от полицейского насилия.

Особое место в системе сил правопорядка, обеспечивающих безопасность в периоды внутренних социальных конфликтов, принадлежит полицейским

формированиям ВС. Эти формирования имеют двойную подчиненность – министерствам внутренних дел (юстиции) и обороны, так как помимо борьбы с уголовной преступностью осуществляют функции военной полиции, призыв в армию, ведут учет призывников и способствуют реализации мобилизационных планов. Кроме того, на названные формирования возлагаются задачи территориальной обороны, проведение операций по нейтрализации воздушных и морских десантов противника (в случае войны), эвакуация и оказание помощи населению при стихийных бедствиях, а также охрана объектов оборонного значения.

В данной связи следует подчеркнуть: не случайным является и то, что функции по борьбе с общественными правонарушениями во многих государствах возложены на формирования, входящие в ВС. На первый взгляд – парадоксально, ведь вмешательство армии в «гражданскую сферу» формально противоречит основополагающим положениям демократии. Но в данном случае прагматические установки, вероятно, превалируют. Очевидно, что собственно полиция, по существу «открытая» для различных идеологических влияний и общественного контроля, где служебные отношения отличаются традиционным либерализмом, с точки зрения правящих кругов выглядит менее надежно в экстремальных ситуациях, чем армейские структуры.

Да и история показывает, что именно полиция ВС столетиями оставалась наиболее управляемым звеном правоохранительной системы, в том числе и в периоды резкого обострения социально-политической обстановки. Однако следует подчеркнуть, что применение собственно армейских частей для обеспечения безопасности в разрешении внутренних конфликтов в большинстве демократических государств, как правило, не практикуется. Это обусловлено двумя основными принципами. Во-первых, вмешательство армии в качестве орудия насилия в жизнедеятельность общества противоречит функциональным принципам демократии. Во-вторых, в развитых странах эффективно действует механизм мирного разрешения экономических, национальных, религиозных и иных конфликтных ситуаций, что позволяет избежать крупномасштабных противоправных проявлений, а для пресечения отдельных экстремистских действий используются обычные полицейские подразделения.

Исключение составляют, пожалуй, лишь США и Великобритания, где традиционно имеет место применение армейских структур для проведения операций по подавлению антизаконных выступлений. Но надо учитывать и то, что в США, в отличие, например, от Франции, Италии, Испании, Германии и других стран, не существует специальных полицейских служб, предназначенных для борьбы с массовыми беспорядками и установления стабильности. В этой связи определенный интерес, на наш взгляд, представляют взгляды военных теоретиков США на проблему использования ВС во внутригосударственных вооруженных конфликтах.

В соответствии с данными разработками, ВС США могут привлекаться как для выполнения внутригосударственных операций на своей территории, так и для урегулирования внутривнутриполитических (внутренних вооруженных) конфликтов на территории соседних и других государств, входящих в сферу национальных интересов США.

В вооруженных силах США имеются специальные наставления и уставы по «борьбе с внутренними беспорядками» и «подавлению гражданских бунтов». Действие уставов и наставлений регламентируется Сводом законов США.

Основная роль в проведении внутренней силовой политики отводится национальной гвардии США. В соответствии с федеральной конституцией национальная гвардия в мирное время находится в подчинении губернаторов штатов, на территории которых дислоцируются ее части и подразделения. Власти каждого штата используют их для «защиты жизни граждан и охраны их собственности». Решение о том, следует ли использовать части национальной гвардии, в каких случаях и в каком количестве, принимается губернатором штата. Однако при больших масштабах насилия президент США, как верховный главнокомандующий, вправе отдать приказ вмешаться регулярным армейским частям.

Правовые основания для подобных акций исполнительной власти вытекают из положений Конституции США (ст.4, раздел 4), обязывающих федеральные власти гарантировать штатам, входящим в союз, «республиканскую форму правления и защиту от внутреннего насилия».

Другой правовой источник - конкретные положения законодательства. Это - право президента по просьбе губернатора и законодательного собрания штата

взять под непосредственное командование национальную гвардию и по своему усмотрению задействовать регулярные федеральные войска (параграф 331, гл.15, т. 10 свода законов США).

Кроме того, президент вправе действовать аналогичным образом и без согласия властей штата - когда, по его мнению, беспорядки перерастают в «восстание», создающее «незаконные препятствия» функционированию государственной власти и исполнению федеральных законов (параграф 332, гл.15, т. 10 свода законов США). В американской правовой доктрине это экстраконституционное полномочие президента оправдывается ссылкой на то, что по конституции президент обязан «заботиться о том, чтобы законы добросовестно исполнялись» (ст.2, раздел 3).

Закон предписывает, что перед принятием решения об использовании военной силы президент должен издать публичное распоряжение («прокламацию»), содержащее требование к участникам восстания «прекратить всякого рода сборища и мирно разойтись по своим жилищам» в рамках указанного им «ограниченного времени» (параграф 334, гл.15, т. 10 свода законов США).

Особо бурными событиями в США был отмечен 1967 г., в течение которого произошло 164 вооруженных выступления. В Нью-Йорке при подавлении восстания было убито 26 человек и 1500 ранено. В Детройте губернатор штата ввел чрезвычайное положение. На подавление вспыхнувшего здесь восстания, в котором участвовало до 30 тыс. человек, было брошено более 8 тыс. национальных гвардейцев и 4700 парашютистов регулярных войск. В ходе боев было убито 43 человека, ранено более 300, свыше 7 тыс. человек арестовано.

В подавлении волнений в негритянских гетто в 1967 г. в общей сложности участвовало более 32 тыс. национальных гвардейцев и военнослужащих регулярных войск.

По данным американских экспертов, за последние 20 лет президент США, а также губернаторы штатов более 400 раз прибегали к использованию подразделений национальной гвардии для подавления массовых беспорядков (наиболее крупные из них - волнения на расовой почве в столице США Вашингтоне в мае 1991 г., «бунт» негритянского населения в Лос-Анджелесе в

апреле 1992 г.). Армейские подразделения были пущены в ход 5 раз, в том числе для разгона крупных выступлений в негритянских районах Вашингтона в 1968 году.

Что же касается различного рода сепаратистов (техасских, гавайских и прочих), то в их в США без всяких оговорок сажают в тюрьму, а сепаратистские группы отслеживают и подавляют самым жестким образом. При этом мировое сообщество ни разу не выразило своего отношения к таковой форме непропорционального насилия по отношению к американским сепаратистам. Надо заметить, что ни разу мировое сообщество не пыталось обвинить США в нарушении прав человека, либо требовать прекращения силовых действий и допущения на территорию страны международных наблюдателей.

Что лишний раз свидетельствует о том, что проблемы национальной безопасности государства являются прерогативой органов государственной власти, и решать их необходимо сообразуясь с собственными национальными представлениями, а не в русле эфемерных общедемократических ценностей, навязываемых американской администрацией иным государствам.

В настоящее время в связи с изменениями военно-политической обстановки в мире и опасности внутренних конфликтов, по мнению армейских специалистов, появились более широкие возможности использования вооруженных сил в урегулировании внутригосударственных кризисных ситуаций в интересах «совершенствования физической и социальной структуры общества».

В результате этого с конца 80-х – начала 90-х гг. наметилась тенденция некоторого смещения акцента деятельности ВС США в направлении решения внутригосударственных задач по установления стабильности непосредственно на своей территории. Все это предполагает участие их не только в ликвидации последствий стихийных бедствий, экономических катастроф, но и оказании помощи местным властям путем силового установления порядка и законности.

В доктринально-установочном аспекте отражением вышесказанного явился введенный в действие в ВС США специальный устав FM 100-19, FM 7-10 «Внутригосударственные операции», разработанный в 1993 г.

Командованием учебных и научных исследований по строительству ВС США при участии командования морской пехоты⁴⁵.

Основными целями ВС при выполнении внутривнутриполитических задач на территории США являются установление законности и порядка (прежде всего подавление массовых гражданских выступлений), пресечение террористических актов и помощь местным властям в их повседневной деятельности.

Для реализации этих целей могут быть привлечены в соответствии с конституцией США и законодательством штатов, как силы Национальной гвардии (любого штата), так и федеральные войска для усиления последней. При этом задачей федеральных войск является обеспечение исполнения законов США, если штат противится или препятствует этому или осложняет осуществление правосудия в соответствии с этими законами, а также подавление мятежей, внутренних беспорядков, пресечения незаконных собраний и заговоров, если эти действия ущемляют конституционные права граждан, а власти штата не могут обеспечить их защиту.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что организация и опыт использования сил безопасности за рубежом в интересах стабилизации обстановки во многом специфичен и может использоваться в России с большой коррекцией. Что же касается их применения во внутренних конфликтах, то следует подчеркнуть, что активные силовые действия армейских структур практикуются наиболее часто в слаборазвитых странах с нестабильной оперативной обстановкой и обусловлены наличием серьезных социально-политических, экономических и расовых конфликтов. Применение же вооруженных сил в развитых государствах ограничено и в большей степени связано со спецификой и традициями, существующими в этих странах.

---

⁴⁵ См. Доклад министра обороны президенту и Конгрессу США. –М.:МО РФ, 2002.

Глава 2. Сепаратизм и опыт его преодоления в России

Сепаратизм и основные направления национально-государственной политики России в дореволюционный период

В процессе исследования проблемы преодоления сепаратизма крайне важным представляется обращение к отечественному историческому опыту разрешения данной проблемы. Такая необходимость обусловливается, прежде всего, тем, что сам по себе исторический опыт содержит потенциал ценностей, исследование которого имеет огромное значение для анализа современных политических процессов, а также выработки системы мер по управлению ими в интересах обеспечения национальной безопасности государства.

Все это в полной мере справедливо для анализа эволюции сепаратизма в российской политической истории в силу того, что именно сепаратизм в истории России оказывал наиболее деструктивное влияние на развитие ее государственности, неизменно являясь сопутствующим элементом ее наиболее драматических периодов, как то: разрушение Российской империи и развал Советского Союза. Данное исключительно важное значение сепаратизма в истории России, пожалуй, наиболее образно выражено словами известного немецкого военного историка и участника почти всех сражений начала XIX века К. Клаузевица, который, определяя ключевое положение России в мировой политике, писал, что «Россия, не такая страна, которую можно действительно завоевать и оккупировать силами современных европейских государств, этого не сумел сделать даже Наполеон со своим многочисленным войском. «Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действиями внутренних раздоров»⁴⁶.

О том, что сепаратизм на протяжении столетий сопровождал развитие России и был одним из наиболее эффективных средств, разрушавших основы ее государственности, свидетельствует и тот факт, что именно сепаратистские тенденции и процессы являлись наиболее значимым средством воздействия на Россию со стороны ее наиболее откровенных противников. Показательно в этом

---

⁴⁶ См.: Клаузевиц К. О войне. – М.: Международная академическая издательская компания «Наука», 1995. – С.223.

плане отношение к России основоположников марксизма, в ослаблении позиций которой они видели залог преобразования мира с позиций развития классовой борьбы. При этом основоположников научного коммунизма, декларировавших идеи равенства и социальной справедливости нисколько не смущал тот факт, что под властью других ведущих европейских государств того времени: Австро-Венгрии, Голландии, Испании и Португалии, Османской Порты и ряда других государственных образований находилось значительно больше народов, населявших, в том числе и европейский континент. Не являлась, по признанию классиков марксизма, «тюрьмой народов»⁴⁷ и владычица морей Великобритания, более чем какое-либо иное государство мира, обладавшее в тот период заморскими территориями, а также Североамериканские соединенные штаты, в основу государственного устройства которых был заложен институт рабовладения. Таким образом, предвзятость Маркса и Энгельса в отношении России была более чем очевидной и практически воспроизводила позицию официальных лиц ряда ведущих государств того времени, для которых Россия хотя и не представляла собой какую-либо военно-политическую угрозу, но тем не менее, являлась конкурентом в решении важнейших мировых проблем. Достаточно откровенна в этом плане угроза, прозвучавшая в канун Крымской (Восточной) войны в словах премьер-министра Великобритании лорда Пальмерстона о том, что «России не следует забывать о своих наиболее уязвимых местах: Польше, Грузии и Черкессии (под которой понимался весь Северный Кавказ)», где имели место наиболее сильные сепаратистские устремления в XIX веке. Практическая же реализация данных установок на «освобождение народов» из-под власти России нашла свое развитие, как в дипломатических демаршах, так и в открытых вооруженных конфликтах. Так, например, обосновывая задачи Восточной войны вскоре после вступления в нее союзников, Пальмерстон писал: «Лучшей и самой эффективной гарантией европейского мира в будущем явилось бы отделение от России некоторых приобретенных ею окраинных территорий: Грузии, Черкессии, Крыма, Бессарабии, Польши и

---

⁴⁷ Впервые применительно к России термин «тюрьма народов» применил А.да Кюстин в книге «Россия в 1839».

Финляндии ...»⁴⁸. В данных словах фактически сконцентрирована парадигма всей европейской политики по отношению к России, в которой сепаратизм рассматривался в качестве важнейшего инструмента достижения политических целей.

При этом сепаратистские тенденции и процессы в самой России являлись или прямым поводом к вооруженному вмешательству, или же средством, которое использовалось против России в процессе вооруженного конфликта. Показателен в этом плане, например, фактически сложившийся военно-политический союз антироссийской коалиции с горцами Дагестана и Чечни в годы Крымской войны. В частности имаму Шамилю, возглавившему в середине XIX столетия антироссийское вооруженное выступление горцев Дагестана и Чечни, которое совпало в своей заключительной стадии с Восточной войной, в 1853 году был присвоен титул генералиссимуса грузинских и черкесских войск. Более того, по окончании войны ему же обещано было присвоить и титул короля закавказского. Цель при этом союзным командованием преследовалась более чем очевидная: заставить Шамиля активизировать вооруженную борьбу против России в интересах решения военно-политических задач самих союзников, посредством отвлечения на себя как можно больше русских войск. Между Шамилем и командовавшим турецким гарнизоном в Карсе английским генералом Вильямсом была установлена переписка, в ходе которой выражалось обоюдное стремление воевать с Россией и установить в ходе этой борьбы союзнические отношения. Имела место также и переписка Шамиля с командующим турецким корпусом генералом Омер-пашой, свидетельствовавшая о том, что Шамиль готов будет к более активным действиям против Кавказского корпуса, как только кольцо русских войск вокруг его резиденции будет ослаблено. Один из наиболее активных деятелей рассматриваемых событий Т.Лапинский, в своей книге «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских» по этому поводу писал, в частности следующее: «Пусть ценный труд откроет глаза населению Западной и Центральной Европы на опасность, которой угрожает каждая новая победа России и всякий дальнейший рост ее могущества священным благам свободы и

---

⁴⁸Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. -М.: Изд-во Московского университета, 1984. -С. 163.

гуманности»⁴⁹. В этих словах, на наш взгляд, выражена не только позиция польского непримиримого националиста, но и декларировалось право использования против России всех возможных средств, в том числе и вооруженного вмешательства во внутренние дела с целью ослабления ее внешнеполитических позиций.

Другой достаточно наглядный пример связан с вооруженным выступлением в Польше в 1863 году, которое союзники по антироссийской коалиции готовились использовать в качестве повода для повторной интервенции против России. Именно для этого в Стамбуле формировался польский корпус для действия на Западном Кавказе совместно с черкесскими повстанцами. Для нужд же самих повстанцев в 1863 году в Лондоне и Стамбуле были развернуты кампания по сбору средств на закупку вооружений. И только лишь скоротечное подавление польского восстания в 1863 году, а также меры, принятые по укреплению черноморского побережья Кавказа, предотвратили планировавшуюся интервенцию против России.

Следует отметить, что аналогичная поддержка внутренних социальных конфликтов на территории России, в том числе и на этноконфессиональной основе, осуществлялась, как в более ранние, так и в более поздние периоды. Это с полным основанием позволяет говорить об устойчивой тенденции инициирования сепаратизма в ряде регионов и в целом дезинтеграции российского политического пространства ведущими государствами мира, всякий раз проявляющейся в периоды обострения внутривосточной обстановки в стране.

Все это свидетельствует о том, что сами по себе истоки сепаратистских процессов конца XIX столетия, следует искать в более ранние периоды развития Российского государства, и связаны они непосредственно с процессами ее территориального расширения и становления в качестве ведущей мировой державы.

Исходной точкой своего развития данные процессы имеют именно тот период, когда на востоке европейского континента появилось государственное образование, заявившее о своих правах на решение важнейших вопросов

---

⁴⁹ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. -Нальчик, 1995. -С.263.

международной политики, а в основу государственного строительства положившее интеграцию различных этноконфессиональных общностей, населявших территориальное пространство, вошедшее в состав России. На протяжении столетий главной доминантой развития российской государственности являлась, таким образом, практика «собирания земель», начавшаяся еще задолго до образования централизованного Русского государства.

При этом одной из характерных особенностей российского социума всегда была чрезвычайная полиэтническая мозаичность. Показательны в этой связи нескончаемые научные споры по поводу этнической истории Древней Руси, где действительно немыслимо трудно разобраться из-за сложного переплетения народов и культур. В дальнейшем степень полиэтничности страны только нарастала: по мере того как Московское государство включало в себя обширное наследство Золотой Орды, отвоевывало восточнославянские земли у Речи Посполитой, продвигалось на бескрайние просторы Сибири; затем уже Российская империя присоединяла Прибалтику, Белоруссию, Правобережную Украину, Молдавию, Кавказ и Туркестан.

Ввиду выше указанных обстоятельств российская государственность просто не могла исторически сложиться иначе, кроме как в форме надэтнической империи. Вплоть до конца XVII века Россия была вполне традиционным государством, особенность которого заключалась в совмещении элементов европейского феодализма и восточного общества (Древняя Русь с преобладанием первых европейских элементов, а Московское государство – уже явно вторых, восточных), что делало Русь очень похожей на ее цивилизационную предшественницу – Византийскую империю. Постепенно, к XVI-XVII вв. Московская Русь уже оформилась в «нормальную» полиэтническую империю в ее классическом виде с «цесарем» - царем во главе.

Большое значение в историческом развитии России сыграл факт духовной и идеологической преемственности религиозной идеи государства, сформировавшейся в Византии, и формирования на этой основе концепции «Москва - Третий Рим», провозглашенной монахом Филофеем в письмах к Великому князю Василию III и царю Ивану Грозному. Точка зрения Филофея основывалась на религиозно-провиденцилистическом толковании положений

Святого Писания, определяющих предначертанность перемещения центра христианства из Рима в Византию и из Византии в Москву. Исходя из этого Филофей, и определил «историческую роль Московского государства как центра различных царств православного Востока»⁵⁰. Именно таким образом, был заложен идейно-теоретический фундамент под образование полиэтнической общности, преобразивший, в конечном итоге, и государство и государственнообразующее ядро - русский народ.

Отмечается также преемственность и историческая трансформация другого идеологического имперского постулата «*Pax Romana*», в соответствии с которым все междоусобные войны заканчивались с римским завоеванием, - в *Pax Russia*, также прекращавшей все войны и конфликты на приобретенных ею территориях. Таким образом, одна из важнейших причин территориального расширения России состояла в исторически сложившихся отношениях с соседями, которые или сами стремились к вхождению в состав России или, наоборот, создавали постоянную опасность вторжения. Что касается последних, то о них историк С.М.Соловьев писал, что эти народы «умеют жить только или в постоянной вражде к соседу, или в рабской подчиненности и поневоле их приходится покорять»⁵¹. Отсюда те два пути, которые и формировали Россию как империю: добровольное вхождение, например Грузии на рубеже XVII-XVIII вв., или завоевание, например, Казанского царства в XVI веке.

К числу важнейших причин постоянного стремления к расширению границ Российского государства явилось также и наличие источников опасности на наиболее важных для развития российской государственности направлениях. Пожалуй, наиболее объективно данный процесс охарактеризовал А.Тойнби, выразив данную доминанту российской экспансии в смысловых категориях: вызов-и-стимул. Вызовом российской государственности явился не только «сокрушительный напор со стороны кочевников Великой степи», но и последующее давление извне со стороны западного мира. Ответом на вызовы явилась, с одной стороны, «эволюция нового образа жизни и новой социальной организации, что позволило не просто выстоять, но и достичь полной победы

---

⁵⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований //Полис. –1994. -№1. –С.179.

⁵¹ Соловьев С.М. Публичные лекции о Петре Великом. - М.,1884. - С.77.

над кочевниками ... изменив лицо ландшафта и преобразовав, в конце концов, кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни». С другой стороны, как считает А.Тойнби, «давление на Россию со стороны Польши и Швеции в XVIII веке было столь яростным, что оно неминуемо должно было вызвать ответную реакцию. Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы постоянно травмировали русских и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям ... Понадобилось чуть более столетия, считая с подвигов Петра, чтобы Швеция лишилась всех своих владений на восточных берегах Балтийского моря, включая свои исконные земли в Финляндии. Что же касается Польши, то она была стерта с политической карты»⁵². Таким образом, постоянная угроза военной безопасности России фактически стимулировали территориальную ее «ответную» экспансию.

Сам же факт территориальной экспансии России, преподносимый в качестве ее имперского синдрома, является идеологемой, в основе которого лежит ни что иное, как реализация принципа презентизма, предполагающего сознательную интерпретацию исторических фактов и событий через призму современных политических стандартов. Это осознанно предопределяет искажение сущности российской государственности и закономерности ее развития, в процессе которого имеет место акцентирование внимания и преувеличение ошибок, неизбежных в процессе государственного строительства, и, напротив, - принижение ее роли в становлении уникальной полиэтнической, поликонфессиональной и даже междивизиационной общности в виде Российской империи. При этом не учитывается, что само расширение или же территориальная экспансия вплоть до середины XX века являлись основным императивом исторического развития всех ведущих государств того времени. В этой связи, очевидно, следует разобраться с самим термином «империя», предполагающим по своей сути негативное содержание, ассоциируемое исключительно с колонизаторским характером политики, что не совсем, на наш взгляд, верно отражает сущность данного явления. Этимология данного термина (от латинского *imperium*) по своей сути предполагает власть.

---

⁵² Тойнби А. Постигание истории. –М.:Прогресс, 1990. -С.148.

Поэтому государственное образование имперского типа, как считает К.Плешаков, это «скорее интернациональная хозяйственно-административная паутина, посредством которой реализуется вся полнота власти»⁵³. Неслучайно данное явление своё развитие получило именно в римский период Древнего мира, олицетворяя жесткое применение власти на местах из одного центра.

Таким образом, став сложным конфессиональным и полиэтничным государственным образованием, Россия обречена была стать империей. Но империей особого рода, поскольку, как вполне обоснованно считает В.В.Ильин, «имперостроительство шло в России не по этническому, конфессиональному, а по космополитическому, веротерпимому признаку, что исключало мессианское подавление нерусских народов и позволяло России за всю свою историю не дробить, утрачивать, а наращивать, приобретать территории»⁵⁴. Именно поэтому в России «собрание земель» не осуществлялось посредством захватнических колониальных войн, как это было характерно для западных цивилизаций. Этим также объясняется и тот факт, что мало кто из присоединенных к России этнотерриториальных образований был завоеван в процессе вооруженной борьбы (за исключением государственных образований, сформированных на основе остатков Золотой Орды: Казанского, Астраханского, Ногайского и Крымского ханств, а также Сибири). Практически все составляющие Российской империю государственные образования входили в состав России добровольно или же по условиям договоров с государствами, с которым Россия вела войну в качестве компенсации за военные затраты. Характерный пример этому - присоединение Финляндии по условиям Фридрихсгамского договора (1809 год) со Швецией, под властью которой Финляндия находилась с XIV века. Аналогичным образом к России были присоединены Прибалтика (по итогам Северной войны), Молдавия и Приднестровье, Восточная Польша, Кавказ (по итогам 4 русско-персидских и 6 русско-турецких войн), Семиречье и Туркестан и другие.

Принцип «собрания земель», заложенный в основу государственного строительства, определил и специфику формирования российской

---

⁵³ Плешаков К. Сквозь заросли мифов. Internet.

⁵⁴ Россия: Опыт национально-государственной идеологии /В.В.Ильин, А.С.Панарин, А.В.Рябов; Под ред. В.В.Ильина. –М.:Изд-во МГУ, 1994. –С.10.

государственности, которая определялась тем, что на протяжении столетий Россия формировалась как многонациональное поликонфессиональное государственное образование. Со временем национальные, этнические и конфессиональные рамки были расширены и, в конечном итоге, государственность России приобрела наднациональный характер. В этом плане уместно говорить и о так называемом цивилизационном феномене России, важнейшей чертой которого является дух равноправия всех народов, их равноценности, способности вырабатывать и утверждать свой самобытный путь развития. И.А. Ильин, виднейший российский государствовед XX столетия, данную тенденцию применительно к сфере межнациональных отношений в России отметил следующим образом: «Сколько молодых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла»⁵⁵. Показателен тот факт, что в истории России конфликты на межэтнической и религиозной основе занимают ничтожно малое место. Интернациональный характер российской этики, исключительная веротерпимость, а самое главное - ее бескорыстие, приоритет в служении ближнему создали реальную основу для сближения и единства народов, проживающих на геополитическом пространстве Евразии. И поэтому, как справедливо отмечает профессор О.Бельков, «Россия есть результат исторической работы и развития русской нации в содружестве с многочисленными входящими в нее этническими образованиями»⁵⁶. В этом выражении заключена смысловая доминанта российской государственности, во многом объясняющая ее специфику на протяжении всего исторического этапа ее развития. При этом сама государствообразующая этническая группа во многом обрела черты народов, вошедших в состав единого государственного образования. Л.Н.Гумилев, например, на основе анализа этногенеза населения, проживающего на территории Восточно-Европейской равнины, сделал вывод о том, что произошло объективное формирование субэтнуса - российский народ, вобравшего в себя, наряду с восточной ветвью славянских народов, тюркоязычный этнос и фино-угорскую группу народов, а также целый ряд других народностей Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

---

⁵⁵ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 гг. В 2 т. -Т.1. -М, 1992. -С.257.

⁵⁶ См. Общая теория безопасности (актуальные методологические и социально-политические проблемы /Под ред. А.И.Позднякова. -М.:ВА ГШ, 1994. -С.298.

Из этого следует важнейший вывод, что Российская империя, хотя и проводила колониальную политику, тем не менее, она, как считает Ф.Л.Тройно, была «колониальной державой ... без колониального порабощения»⁵⁷. А это значит, что важнейший побудительный стимул для национально-освободительного движения, как таковой, практически отсутствовал.

Что касается специфики отечественного опыта сепаратистских дезинтеграционных процессов, предопределивших упадок и, в конечном итоге, распад Российской империи, а затем и Советского Союза, то, очевидно здесь проблема все же глубже, чем может показаться на первый взгляд, и также не укладывается в логику национально-освободительных движений.

Так, в частности, раскрывая сущность сепаратистских процессов в Российской империи, необходимо акцентировать внимание на развитии этих процессов в ее наиболее кризисных и конфликтогенных регионах, которые вполне справедливо лорд Пальмерстон отмечал как наиболее уязвимое звено российской государственности. Речь идет о Кавказе и Польше. На характеристике процессов в данных регионах следует обратить особое внимание, поскольку именно тогда были и заложены основы российского и советского сепаратизма XX столетия.

Безусловно, наиболее кризисным и конфликтогенным регионом по праву является Кавказ с его более чем сложным полиэтническим и поликонфессиональным составом населения, характеризующийся особой спецификой процессов его вхождения в состав России. Начало данному процессу было положено обращением представителей Кабарды и адыгейских народов, живших на Кубани, в 1555 году к русскому царю Ивану Грозному с просьбой принять их в свое подданство и защитить от постоянных нашествий со стороны турок и татар. Царь Иван Грозный принял их в свое подданство и тогда же женился на дочери верховного кабардинского князя Марии Темрюковне. Владения кабардинских князей простирались до реки Сунжа. Поэтому русские войска и поставили здесь, на реке, свою крепость, где поселились русские казаки. На Тереке расселились казаки, названные «терскими», а в междуречье Терека и Сунжи, на Терском хребте, называвшемся

---

⁵⁷ Тройно Ф.Л. Кавказская война и судьбы горских народов //В кн. Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции.

тогда «Гребень», поселились «гребенские» казаки. Цель, которая преследовалась при этом московским правительством, с одной стороны, заключалась в возможности контролировать на ранней стадии все передвижения в регионе турецких войск и крымских орд, а с другой, - обеспечить военно-политическое присутствие России в данном регионе.

Традицию установления тесных военно-политических отношений с народами Кавказа, предусматривавших протекторат России над ними, продолжил и сын Ивана Грозного царь Федор, в годы правления которого аналогичные договоры были заключены с кахетинским царем Александром II и с представителями чеченских общин. Так, в частности в 1588 году владелец Ауха («Окочанская земля») - Ших-мурза направил к русскому царю официальное посольство и получил жалованную грамоту на подданство и правление. После убийства Ших-мурзы в 1596 году его политическими противниками 160 семейств чеченцев-окочан бежало в русскую крепость Терки и основали здесь слободу. «Если в XVI веке, - пишет Я.Ахмадов, - мы имеем первые письменные соглашения чеченских обществ и князей с Русью, то в XVII веке количество подобных соглашений растет. В конце XVIII века произошло событие, которое в последнее время устойчиво замалчивалось и игнорировалось по конъюнктурным соображениям. Речь идет о том, что 21 января 1781 г. представители Чечни явились к кизлярскому коменданту Куроедову и официально приняли подданство России. Между царскими властями и чеченцами был составлен акт, определявший условия этого подданства. В преамбуле договора отмечалось: «Мы ... большие чеченские, хаджаульские старшины и народ добровольно, чистосердечно, по самой лучшей нашей совести объявляем... что, чувствуя от ее императорского величества щедрые милости и мудрое управление, прибегаем под покровительство, выспрашиваем всевысочайшее повеление о принятии всех старшин и народ по-прежнему в вечное подданство». Договор состоял из 11 статей, главные из которых относились к характеру подданства России над Чечней, к русско-чеченским отношениям в целом. Подписание акта о российском подданстве состоялось в ауле Чечен»⁵⁸.

---

⁵⁸ ЦГАДА. ф. 23, оп. 1, д. 13, ч. 6, л. 275. Впервые некоторые положения этого договора были приведены в работе П. Г. Буткова (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с

В целом можно констатировать, что политика России на Кавказе, равно как и в других регионах носила не завоевательский, а, в значительной мере, интеграционный характер, основанный на добровольном вхождении различных территорий в ее состав. Об этом в полной мере свидетельствуют архивные документы, представленные в архивных сборниках русско-дагестанские отношения, отношения России с Кабардой, Осетией и другие исторические материалы. Если уж говорить о военно-силовой составляющей данной политики, то справедливо будет отметить, что Россия не завоевывала Кавказ, а отвоевывала право на него у других региональных держав - Ирана и Турции, поскольку де-юре регион фактически являл собой владения этих двух государств и никоим образом не являлся автономным.

Аналогичным образом в состав России вошло и Закавказье. Так, свои права на Грузию, Армению и Азербайджан Россия отстаивала в двух войнах с Персией (1804-1813 и 1826-1828 годов) и двух - с Турцией (1806-1812 и 1828-1829 годов). К 1813 году, после вхождения в состав России Грузии и Азербайджана, присоединения территории Восточной Армении, практически весь Кавказ оказался под властью России. Турция и Иран отказались от своих притязаний на регион. Обращает на себя внимание тот факт, что если вхождение в состав России Армении, а точнее ее восточной части, произошло, как результат войн с Ираном и Турцией, тем не менее, достаточно спокойно и без каких-либо осложнений и эксцессов. Другие же этнотерриториальные образования, составившие в конечном итоге территории современных Грузии и Азербайджана, в состав России входили на протяжении более 100 лет. Так, в частности вхождение в состав России Грузии растянулось практически на 60 лет, ее территории в виде отдельных царств и княжеств присоединялись в разное время и при различных обстоятельствах, в том числе и посредством подавления вооруженного сопротивления самих грузинских феодалов. Точно таким же образом, одновременно и при различных обстоятельствах в состав Российской империи входили и азербайджанские ханства. Роль России, таким образом, заключалась в интеграции самих этносов в единое социально-

---

1722 по 1803 год. -СПб., 1869. -Ч. 2, с. 72-73). Полностью документ опубликован был опубликован В. Б. Виноградовым и С. Ц. Умаровым (Виноградов В.Б., Гриценко Н.Б. Навеки в России. -Грозный, 1981. -С. 45-47).

политическое образование. Со временем процесс добровольного вхождения в состав России кавказских народов с течением времени все более трансформировался в устойчивую тенденцию интеграции их в единое российское пространство, в котором происходила также и их собственная интеграция (Грузия). Более того, данная интеграция фактически стимулировала их этногенез и формирование этнического самосознания.

В целом сущность же российской политики на Кавказе, начиная с Ивана Грозного, заключалась в том, что руководство России, осознавая значимость региона для обеспечения безопасности ее южных рубежей, тем не менее, не торопилась, а на протяжении столетий присматривалась и строила свои отношения на экономической и политической основе с государственными образованиями региона. Лишь найдя опору в пророссийской ориентации Армении, Кабарды, Кахетии, Имеретии, Осетии и ряда других крупнейших региональных этнотерриториальных образований, начала процесс экспансии, который в последующем приобрел характер постепенного, целенаправленного вовлечения народов региона в сферу экономических, торговых, культурных, а затем и военно-политических интересов России. Концептуальное выражение политика России приобрела в период правления Петра I, программа которого предусматривала прорыв военно-политической и экономической блокады на кавказском направлении. Планы Екатерины II были еще более грандиозны и предусматривали уже реализацию так называемого греческого проекта, посредством которого императрица планировала воссоздать на европейской территории Турции греческую империю под протекторатом России. Политика Павла I знаменовала откат по всем направлениям и отказ от экспансии России, в том числе и на кавказском направлении. Но при этом Павел в историю российско-кавказских отношений вошел как автор одного из первых планов федеративного обустройства региона Северного Кавказа. Конечно же, данный план был утопичен для своего времени. Между тем, это был первый опыт разработки основ федеративной политики России, аналога которому в мире еще не было.

Таким образом, на протяжении столетий политика России на Кавказе была достаточно сдержанна и целенаправленна. Ее главный смысл заключался в обеспечении военной безопасности России на данном направлении. Что и было

реализовано с его присоединением. Примечательна в этом плане оценка данного события русским военным историком, генералом Р.Фадеевым, по мнению которого присоединение Кавказа к России было столь же значимо, как и присоединение в XVI в. Казанского и Астраханского ханств. Говоря же более конкретно о значении Кавказа, Р.Фадеев в книге «Шестьдесят лет Кавказской войны», отмечал: «для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которой заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря - Черное и Каспийское»⁵⁹.

С присоединением Кавказа была не только ликвидирована военная угроза, на протяжении столетий исходившая от Турции и подвластного ей Крымского ханства, но и ликвидирован источник работорговли, являвшийся прямым следствием распространенной в регионе набеговой системы жизни горцев. Все это имело по настоящему цивилизационное значение не только для России, но и для всех народов, населяющих Кавказ⁶⁰. Характерно, что особую роль России в регионе признавали даже самые непримиримые ее противники, каковыми по праву следует считать основоположников научного коммунизма. Так, в частности, по словам Ф.Энгельса, «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁶¹. В этих словах, несмотря на откровенную ненависть к России, заключена вынужденная оценка ее национально-государственной политики.

Следует отметить, что таковой (протекционистской) политика России была не только на Кавказе, но и на других направлениях ее территориальной экспансии: западном направлении, особенно в отношении Польши, Прибалтики, Финляндии, дальневосточном, центрально-азиатском, а также в отношении других государственных образований, чье современное существование является следствием именно имперской политики России.

⁵⁹ См.: Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. –СПб, 1889. -С. 11.

⁶⁰ По свидетельству Н.А.Смирнова, начиная с XVI в. турки и крымский хан ежегодно вывозили с Кавказского побережья более 12 тыс. рабов. См. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. -М., 1958. -С.21.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 241.

Так, в частности, по отношению к Польше, а точнее ее восточной части (Варшавское герцогство), активно поддержавшей Наполеона в войне 1812 года, не было предпринято никаких репрессивных мер. Более того, в 1815 году, когда Варшавское герцогство по решению Лайбахского конгресса отошло к России, оно манифестом Александра I получило Конституционную хартию и статус королевства. С 1818 года в Польше стал избираться (шляхтой и горожанами) законосовещательный Сейм, созывавшийся в 1820 и 1825 гг. Его функциями являлось обсуждение законопроектов, вносимых в него от имени императора и короля или Государственного совета. Законодательной инициативой Сейм не обладал. Исполнительная власть в королевстве сосредоточивалась в руках наместника царя, при котором в качестве совещательного органа действовал Государственный совет.

Данная форма организации государственной власти в российской части Польше существовала вплоть до 1830 года, когда после подавления вооруженного антироссийского восстания был издан «Органический статут», отменивший польскую конституцию, а Польша объявлялась неотъемлемой частью империи. Управление ею стал осуществлять административный совет во главе с наместником императора. При этом была провозглашена несменяемость судей и учреждено городское самоуправление.

Таким образом, вплоть до начала восстания 1863 года Польша все же обладала определенной автономией в управлении как на уровне муниципалитетов, так и на уровне провинции, которые определяли ее суверенитет, пусть даже и ограниченный, но значительно выделявший ее в сравнении с другими территориями Польши, аннексированными в свое время Австрией и Пруссией. Заметим, что подобные атрибуты автономии имели в тот период лишь штаты в США. Аналога же польской автономии в центральных российских губерниях в рассматриваемый период не было.

Еще более значимыми атрибутами государственности обладало и Великое княжество Финляндия. Присоединив Финляндию, российский император Александр I уже в 1815 г. своим манифестом предоставил невиданную по тем временам автономию, включая наличие собственных органов законодательной власти в лице Сейма, а также Основного закона Финляндского княжества - Конституции. Показательно, что соответствующий манифест,

предусматривающий наличие в Финляндии собственной конституции, был объявлен не на русском, а на французском языке. Причиной этого стало, как считал М.М.Сперанский, то, что просто присоединение Великого княжества Финляндии могло оскорбить национальные чувства финнов, поэтому им было предложено «связать Великое княжество с особой императора»⁶². Тем самым русским правительством планировалось, с одной стороны, предотвратить возможные сепаратистские тенденции в Финляндии, предоставив ей автономию, а с другой – княжество должно было стать, по мысли М.М.Сперанского, «испытательным полигоном» идей федерализма, которые в дальнейшем должны были найти свое развитие и практическое претворение и в остальных губерниях России

В целом Финляндия, в отличие от Польши, достаточно органично вписывалась в структуру Российской империи, имея при этом первой среди всех остальных субъектов империи не только Конституцию, но и правительство. При этом сама Финляндия именовалась Великим княжеством Финляндским, а русский император являлся Великим князем Финляндским и был главой исполнительной власти. Законодательная власть принадлежала сословному Сейму, а исполнительная (с 1809 г.) - Правительствующему Сенату из 12 человек, избранных Сеймом.

Великий князь Финляндский (российский император) являлся главой исполнительной власти, утверждал законы, принимаемые Сеймом, назначал членов высших судебных органов, наблюдал за отправлением правосудия, объявлял амнистии, представлял княжество Финляндское во внешних сношениях.

Сейм созывался каждые пять лет и состоял из двух палат, представляющих четыре сословия, - рыцарство и дворянство, духовенство, горожан и крестьян. Решение Сейма считалось принятым, если оно принималось тремя палатами. Принятие или изменение основных законов требовало решения всех четырех палат. Сейм имел право законодательной инициативы и право петиций перед императором, он устанавливал новые налоги или решал вопросы о новых источниках государственных доходов. Без

---

⁶² Тэпс Д. Концептуальные основы федерализма. –Спб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. –С. 11; Пресняков Е.А. Российские самодержцы. –М.,1990. –С187.

согласия Сейма не мог быть принят, изменен или отменен ни один закон. Сенат состоял из двух главных департаментов - хозяйственного и судебного. Первый ведал гражданским управлением страной, второй являлся высшей судебной инстанцией Финляндии.

По существу Финляндия обладала всеми теми атрибутами государственности, свойственными полноправному субъекту Федерации (при том, что самой Федерации в тот период не существовало), и находилась под личным протекторатом императора. Другие же органы государственной власти России не имели возможности каким-либо образом влиять на социально-политические процессы в этом регионе. При этом уровень жизни финского населения значительно превосходил общероссийский. Об этом свидетельствует, по крайней мере, тот факт, что одновременно с Конституцией (1815 год) финским крестьянам была дарована вольность, то есть отменено крепостное право, а ее элита, прежде всего, военно-политическая, органично вошла в общероссийскую. Это объясняется тем, что в вопросах военной безопасности Финляндия, расположенная на стратегически важном для России направлении играла роль ее важнейшего форпоста на северо-западе. И поэтому консолидация финского общества в общероссийскую систему в основном шла по линии военно-политической интеграции, посредством привлечения представителей ее элиты на военную службу.

Таким образом, административное устройство Российской империи, несмотря на самодержавный характер политического режима, было по своей структуре пестрым и многоуровневым. А власть метрополии на окраинах была лишь символической. Правительство России предпочитало не вмешиваться во внутренние дела провинций, довольствуясь при этом признанием им лояльности национальных элит.

Наиболее наглядный пример этому развитие так называемого «остзейского вопроса» в середине XIX века. Прибалтика или, как ее называли в России «Остзейский край» в период с 1801 по 1876 гг. включала в себя три провинции: Лифляндию, Эстляндию и Курляндию, соединенные в отдельное генерал-губернаторство. Характерным признаком ее являлось функционирование в крае особого режима, отличающегося от системы общероссийской государственности доминированием немецкого языка,

лютеранства, а также особым сводом законов, судопроизводством, управлением и т.д. При этом титульное население края по существу подвергалось насильственной ассимиляции со стороны представителей немецкой общины, доминировавшей в крае.

В этом и заключалась суть «остзейского», или, как его обозначали в правительственных документах, «балтийского», вопроса, сводившаяся к коллизии, связанной с двухмиллионным коренным населением края - латами и эстами, которых, с одной стороны, «онемечивали» остзейское меньшинство и лютеранская церковь, а с другой - стремились обрусить и прорусски настроить центральная власть и православная церковь.

Пик обсуждения этого вопроса пришелся на вторую половину 60-х годов XIX в. по ряду причин. Во-первых, именно в это время ясно обозначились политико-культурные противоречия романо-германского и славянского миров, наметилось противостояние немецких (пруссских) и русских политических интересов. Во-вторых, внутри России с новой силой проявилось влияние так называемой «немецкой партии» при дворе, которая, всячески поддерживая остзейских немцев, да и вообще иностранцев в карьерных и имущественных делах, тем самым, по мнению многих, пренебрегала государственными интересами России. В-третьих, в эпоху реформ (1860-1870 гг.), либерализации общественной жизни и наметившегося подъема международного престижа России, укрепления ее целостности и роста правового порядка во внутреннем управлении диссонансом звучали требования остзейских немцев о расширении автономии края, который, по сути, выпадал из правового поля общероссийского законодательства, так как система «остзейского права» утверждала приоритет местных законов над общими, а препятствия, чинимые деятельности в крае православной церкви, издевательства местных баронов над «туземцами», подчеркнуто пропруская ориентация интеллигенции, предпочитавшей получать образование в германских университетах и не «замечавшей» русской культуры значительно осложняли обстановку в регионе. Все это закономерно будоражило общественное мнение России, опасавшегося, как писал Ю.Ф. Самарин, «признания балтийского германизма за политическую национальность»; успехов германизации «туземцев», сближения их с немцами против «русских начал» за создание особого остзейского «государства в

государстве»⁶³, т.е. всего того, что и составляло цель программы действий остзейцев.

Что касается практической программы, то все русские оппоненты остзейских немцев сходились на следующих требованиях: утвердить русские государственные начала в Прибалтике - управление по общероссийскому образцу, общерусское законодательство, русский язык в качестве государственного; уравнивать в Прибалтике в правах с немцами коренное население края, в первую очередь, русских; провести земельную реформу в крае: наделить крестьян землей по русскому образцу реформы 1861 г.; включить в программы школ преподавание русского языка с тем, чтобы подготовить в будущем обрусение края; реформировать суд - ввести институт присяжных и выборы местных судей по русскому образцу; осуществить реформу городского управления; поддержать православие в крае.

Данная проблема (символического присутствия в органах управления) в целом была характерна и для других национальных окраин России. В этом заключался, с одной стороны залог лояльности местной элиты, которую устраивал данный статус-кво, с другой – слабость позиций России в управлении национальными окраинами, что постепенно формировало условия для превращения ее в конфедеративное государство.

Лишь на рубеже XIX и XX веков царизм начал проводить политику так называемой «русификации окраин», суть которой сводилась к введению в школах преподавания русского языка, а также переводу документации на русский язык. Но даже эти робкие попытки укрепления единого социально-культурного пространства встретили решительное сопротивление со стороны местных элит, особенно в Армении, Польше, Финляндии и других национальных окраин России. Поэтому революция 1905-1907 годов, пошатнувшая устои российского самодержавия, сняла данный вопрос вообще с повестки.

Из общей сложившейся системы национально-государственного устройства, характеризующейся слабостью центра-метрополии в национальных окраинах выделяется своим особым статусом Украина. Следует отметить, что Украина также обладала, практически с момента своего вхождения в состав

---

⁶³ См.: Самарин Ю.Ф. Соч. Т.8. С.140-174.

России, автономией, своими органами управления. Основу украинской автономии заложили так называемые Мартовские статьи (1654г.)⁶⁴, определившие взаимоотношения между Украиной и Россией и автономию Украины.

Спецификой административно-территориального устройства Украины являлась жесткая привязка к исторически сложившимся войсковым формированиям, которые одновременно являлись и ее государственными формами: полки и сотни стали территориальными административными единицами.

Все должностные лица трех урядов - генерального, полкового, сотенного - избирались на общих собраниях: войсковой, полковой, стеной радах. Генеральный уряд состоял из гетмана и генеральной старшины. Высшим распорядительным органом была Войсковая и Генеральная рада, позже превратившаяся в Раду генеральной старшины.

В руках гетмана сосредоточивались функции власти и управления: он командовал войском, располагал высшей судебной властью, пересматривал решения генерального судьи, издавал универсалы, в которых устанавливались общие правовые нормы.

Контроль за деятельностью украинских властей с 1663 г. осуществлял Малороссийский приказ, в 1722 г. превращенный в Малороссийскую коллегия, надзирающую за судебными и административными органами (гетманом, генеральным судьей и войсковой канцелярией).

В 1734 г. гетманская власть была упразднена, казацкое войско поставлено под командование русского фельдмаршала, а управление Украиной передано царскому резиденту. Но уже в 1747 г. был издан указ о восстановлении гетманства на Украине (при Елизавете Петровне), вновь расширилась автономия Украины, в подчинение гетману была передана Запорожская Сечь.

В 1764 г. (при Екатерине II) гетманство вновь упраздняется, для управления Украиной создается новая Малороссийская коллегия во главе с президентом, вводится должность Генерал-губернатора Малой России

---

⁶⁴ На основании Мартовских статей 1654 г. вся территория Украины состояла из трех частей: левобережной Украины, разделенной на полки; слободской Украины, разделенной на пять полков; Запорожской Сечи - наиболее автономной части Украины.

(коллегия состояла из четырех украинцев и четырех русских, при этом должности президента и прокурора не могли занимать украинцы).

Войсковая и Генеральная рада представляли собой собрание украинских властей, верхушки городских жителей из числа шляхты и казачества. Со временем сужалась ранее неограниченная компетенция Войсковой рады: она стала созываться только для избрания гетмана и генерального уряда. В связи с этим Войсковая рада заменяется Радой войсковой старшины, в которой участвовали войсковой старшина и полковники.

Генеральная старшина составляла генеральный уряд. В его состав входили: генеральный обозный, ведавший организацией и снабжением войска, два генеральных судьи, генеральный подскарбий, ведавший финансами, генеральный писарь, управляющий делами, генеральный хорунжий, генеральный бунчужный, два генеральных есаула. Хорунжий, бунчужный и есаулы были высшими военными чинами. При каждом из генеральных чинов действовали собственные канцелярии.

Местное управление на Украине также совпадало с военным делением. После ликвидации польских органов местного управления (1686 г.) полковые власти подчинили себе не только казаков, но и крестьян и мещан (в городах и местечках).

В 1783 г. на Малороссию (Украину) распространяется действие Учреждения о губерниях 1775 г. В 1796 г. (при Павле I) было восстановлено прежнее судоустройство, существовавшее до 1783 г., и лишь в 1864 г., в результате административной реформы, территория Украины была разделена на губернии. Таким образом, практически до 1864 года Украина, так же как и большинство других национальных окраин, обладала автономией в управлении. Центральная же власть осуществляла в основном контрольные и распорядительные функции.

В целом же рассмотрение основных направлений национально-государственной политики России на примерах наиболее сложных по своему этноконфессиональному составу регионов свидетельствует о том, что ее основным содержанием являлось не покорение, а вовлечение народов, присоединяемых территорий в общероссийское политическое пространство, предоставление им права и возможности развиваться наравне с другими

российскими народами, в том числе и государствообразующим народом – русским.

Более того, по многим своим показателям экспансионистская политика России носила откровенно мессианский характер, поскольку, присоединяя те или иные этнотерриториальные образования, Россия больше отдавала им, чем забирала у них. Данную особенность наиболее образно выразил в свое время даже председатель СНК СССР Рыков отмечая, что «колониальная политика, например, Великобритании, заключается в развитии метрополии за счет колоний, а у нас колоний за счет метрополии»⁶⁵.

В мессианстве и протекционизме и заключалась логика экспансионистской политики России. При этом мессианство России проявлялось буквально во всех сферах жизнедеятельности народов, начиная от обеспечения их военно-политической безопасности и заканчивая созданием условий для сохранения их самобытности, этнокультурных традиций и обычаев. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в настоящее время большинство народов входивших в разное время в состав Российского государства говорит на своих языках, а не на языках сопредельных им ранее держав, исповедует свою религию, а не официальную религию метрополии - христианство, также является следствием российской мессианской политики.

Таким образом, сущность национально-государственной политики России в дореволюционный период определялась интеграцией народов, населяющих ее территорию. При этом во всех регионах в различное время и различными способами присоединенными к России, сохранялся традиционный для них уклад жизни и управления, главным условием которого являлась, как выше было отмечено, лояльность элит высшей власти. Во всех же остальных вопросах управления местные национальные элиты были абсолютно суверенны. Поэтому в большинстве своем национальные окраины, за исключением, наиболее уязвимых компонентов российской государственности (Польши, Северного Кавказа и Закавказья) оставались стабильными и не были поражены сепаратистскими процессами.

Развитие сепаратизма в России в начале XX века происходило под активным воздействием внешних факторов, среди которых были, с одной

---

⁶⁵ Цит. по: Национальная политика России: история и современность. С. 303

стороны, завершившийся процесс образования западноевропейских государств и, с другой, - получившая широкое распространение в различных идейно-теоретических концепциях идея реализации права наций на самоопределение. Наложившись на сложную социально-политическую обстановку в стране в период революционных преобразований, эти два фактора сыграли решающую роль в зарождении и эволюции сепаратизма в большинстве национальных окраин России.

По нашему мнению отмеченные выше положения о корнях, сущности, проявлениях сепаратизма в России, помимо исторического аспекта, важны и сегодня с позиций их учета в строительстве новой российской государственности, обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.

Реализация принципа национального самоопределения в период революционных преобразований в России в начале XX века

Российская империя формировалась и существовала на протяжении столетий как сложное этноконфессиональное и традиционное государство. Именно поэтому идея образования национальных государств не находила широкого распространения среди народов ее населяющих. Данная специфика развития российской государственности определялась тем, для России, как и для других государств Восточной Европы, благодаря более длительному сохранению феодальной власти, многонациональное государство было более свойственно, чем мононациональное.

Тем не менее, являясь одним из ведущих европейских государств, Россия, не могла сколь угодно долго оставаться вне влияния европейских событий, в том числе и касающихся нациестроительства. Так же как и в других странах в предреволюционной Российской империи возник целый ряд националистических партий и радикальных движений в национальных окраинах, пытавшихся организовать широкомасштабную антирусскую пропаганду. Несмотря на это потенциал национализма в предреволюционный

период был достаточно слабым, потому адепты сепаратизма, как правило, не имели среди населения значимого успеха.

К тому же пребывание в составе Российской империи давало очевидные преимущества его населению по сравнению, например, с османским или иранским подданством. С одной стороны, это определялось возможностью приобщения к материальным благам европейской цивилизации. С другой - отсутствием притеснения по этническому или религиозному признаку. Все это обеспечивало высокую степень лояльности. И поэтому не только для подданных восточнохристианского вероисповедания - украинцев, белорусов, бессарабов, грузин, армян, - но и для представителей «восточных» этносов российский император был абсолютно легитимным традиционным монархом⁶⁶.

Справедливости ради, следует отметить, что антироссийские выступления, тем не менее, имели место. Особенно характерно это было для Польши, в которой антироссийские выступления стимулировались исторической памятью о былом величии Речи Посполитой.

Оставался нестабильным и Северный Кавказ, где основной формой социального и национального протеста выступало так называемое абречество, направленное в равной мере, как против местных феодалов, так и русской администрации на Кавказе.

Имели место и другие вооруженные выступления против центральной власти, особенно в ареалах компактного расселения мусульманских народов, но все они носили эпизодический и локальный характер, были обусловлены социально-экономическими причинами и не преследовали сепаратистские цели.

С полным размахом сепаратистские процессы развернулись лишь после 1917 г., когда, как отмечает историк Э.Карр, практически все нерусские народы охватила подлинная массовая фрустрация по поводу своей идентичности⁶⁷.

Этому способствовал кризис российской государственности, явившийся следствием неудач на фронтах первой мировой войны. Последовавшие за тем социальные катаклизмы в виде февральской революции и ликвидации монархии, как института власти, предопределили крушение складывавшейся на протяжении веков и уже стабилизировавшейся модели взаимоотношений между

---

⁶⁶ См. Карр Э. История Советской России. – М.Прогресс, 1990. –С.251.

⁶⁷ Там же.

империей и народами, входящими в ее состав. Этот момент был использован этническими элитами, восполнившими не слишком значительный в то время объективный компонент этнической деструктивности - иначе говоря, полное отсутствие у целого ряда народов исторически сложившегося этнического самосознания как такового - сознательным мобилизационным компонентом⁶⁸.

В еще большей степени, зарождающиеся этнонационалистические тенденции, были использованы при захвате государственной власти радикальным революционным крылом российской социал-демократии. Сделав ставку на радикальное решение вопроса о власти в стране, российская социал-демократия верно оценила ситуацию в том плане, что наиболее уязвимым элементом всей государственной конструкции Российской империи был именно национальный вопрос и соответственно его использование будет в значительной мере способствовать ниспровержению самодержавия.

В целях использования разрушительного потенциала национализма в программные документы РСДРП был внесен лозунг о самоопределении наций, в качестве одного из основных доктринальных направлений революционной деятельности. Так, право на национальное самоопределение было провозглашено в «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии», принятом на учредительном съезде партии в 1898 г. Партийная программа, принятая на II съезде РСДРП в 1903 г., также содержала признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

Дальнейшее развитие концепции самоопределения наций шло по двум направлениям.

Первое, ориентированное на Запад, и соответственно на западную социал-демократическую традицию, предполагало достижение данной цели в рамках национально-культурной автономии. По мнению австрийских социал-демократов О.Бауэра и К.Реннера (идеологов данной концепции), «лица различной национальности, независимо от места жительства, должны были организовываться под руководством национальных советов для осуществления задач в области образования и других культурных целей»⁶⁹. При этом

---

⁶⁸ Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности и этнический радикализм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. -2001. - №4.

⁶⁹ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. –СПб., 1909.

политическое и экономическое единство многонациональных государственных образований должно было, по мнению О.Бауэра и К.Реннера, оставаться неизменным.

Вторым направлением развития концепции самоопределения наций явилось обоснование безусловного права наций на самоопределение вплоть до отделения.

Наиболее авторитетным сторонником данной концепции являлся В.И.Ленин, который, будучи убежден, в том, что партия станет слабее, если будет разделена по национальному признаку, полагал, что это относится и к государству. Поэтому В.И.Ленин боролся против устройства по этому принципу, как партии, так и государства. В начале 1903 г., накануне II съезда партии, он осуждал армянскую социал-демократическую группу за ее требование «федеративной республики» для России в целом и «автономии относительно культурной жизни» - для кавказских народов. Пролетариат, утверждал В.И.Ленин, не нуждается в «национальной автономии». Он заинтересован только в двух вещах: с одной стороны, в «политической и гражданской свободе и полной равноправности», с другой - в «праве на самоопределение для каждой национальности» (что означало право отделения)⁷⁰.

Данная посылка строилась на двусторонней характеристике нации, сделанной И.В.Сталиным по поручению В.И.Ленина в работе «Марксизм и национальный вопрос»⁷¹. С одной стороны, по мнению И.В.Сталина, нация являлась исторически сложившейся формой государственной организации в период буржуазной революции и как таковая пользовалась неотъемлемым правом на самоопределение в виде отделения от существующего многонационального государства. С другой стороны, конечная цель социализма состояла в том, чтобы вместо деления мира на «национально-отграниченные общества» установить «принцип интернационального сплочения рабочих». То есть, другими словами, в интересах последующего объединения наций, на принципах пролетарского интернационализма, необходимо было по замыслу

---

⁷⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. – М. Политиздат, 1970-1983. -Т. 7. -С. 104.

⁷¹ Сталин И.В. Сочинения. – Т. 2. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. -С. 290–367.

идеологов национальной политики РСДРП, предварительное размежевание наций в результате буржуазно-демократических революций.

В апреле 1916 г. основные положения сталинской статьи вошли в тезисы В.И.Ленина, озаглавленные «Социалистическая революция и право наций на самоопределение». В первом тезисе утверждалось, что «все объективные предпосылки осуществимости социализма» уже созданы. А поскольку «победоносный социализм» принесет в качестве решения первой задачи полную демократию, ему придется также осуществить «право на самоопределение угнетенных наций, т.е. право на свободное политическое отделение»⁷².

Главная новизна ленинской позиции по данному вопросу заключалась в том тезисе, где утверждалось, что мир подразделяется на «три главных типа стран». Во-первых, «передовые капиталистические страны Западной Европы и Соединенные Штаты». «Буржуазно-прогрессивные национальные движения здесь давно закончены». Во-вторых, Восточная Европа «и особенно Россия». Здесь именно «XX век особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу». В-третьих, «полукOLONиальные страны, каковы Китай, Персия, Турция, и все колонии». Здесь «буржуазно-демократические движения частью едва начинаются, частью далеко не закончены»⁷³.

Таким образом, в тот момент, когда В.И.Ленин искал пути перехода от буржуазного к социалистическому этапу борьбы за национальное самоопределение, он внес также новое уточнение в анализ буржуазного этапа борьбы. Это было прямым следствием тех взглядов, которые он выразил тогда в известной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»⁷⁴, в которой он проанализировал пути превращения конкурентоспособного буржуазного капитализма XIX века в эксплуататорский буржуазный империализм XX века. Борьба за национальное освобождение была по существу буржуазно-демократической борьбой. В своей характерной для XIX века форме она была борьбой против остатков феодализма и автократии, и в этой форме она еще не

---

⁷² Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение: (Тезисы). -М.: Прогресс 1980. -26 с.

⁷³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. -Т. 27. - С. 252-266.

⁷⁴ Там же. -С. 299-426.

завершилась в странах второго типа, то есть в Восточной Европе «и особенно России». В своей характерной для XX века форме она представляла собой борьбу колониальных и полуколониальных стран третьего типа - уже не против феодализма и самодержавия старого образца, а против буржуазного империализма. Таким образом, была заложена основа действенного союза между национальными движениями стран второго и третьего типов, между жертвами старой автократии XIX века и нового империализма XX века, между Восточной Европой и Азией. Как позднее писал по этому поводу В.И. Ленин «думать о том, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т.п. гнета, - думать так, значит отрекаться от социальной революции»⁷⁵. На данной основе предстояло строить теорию и практику решения вопросов национального самоопределения народов России.

Показательно, при этом, что в ходе практической реализации концепции права наций на самоопределение, только Польша и Финляндия потребовали полной национальной независимости. В каждой из этих провинций был развитый и многочисленный национальный господствующий класс (в Польше - землевладельческий и феодальный, в Финляндии - торговый и буржуазный), который возглавлял национальное движение и был способен управлять делами нации. До 1917 г. обе страны требовали скорее национальную автономию, чем национальную независимость. Данное ограничение объяснялось неверием в реальность более далеко идущей альтернативы, а также страхом перед назревающими революционными потрясениями, с которыми самостоятельно лидеры националистических движений боялись не справиться. Однако поскольку революция вспыхнула в самой России, этот сдерживающий момент исчез, и в национальных провинциях стали стремительно расти требования независимости.

Инициатива предоставления независимости данным окраинам России принадлежала Временному правительству. При этом подход к предоставлению независимости был не одинаков. В частности Временное правительство,

---

⁷⁵ Там же. -Т. 30. -С. 54.

достаточно легко согласилось на предоставление права на отделение Польше. Это объяснялось тем, что к этому времени Польша была полностью оккупирована Германией, и державы Тройственного Союза уже гарантировали независимость марионеточному польскому правительству. Исходя из этого, Временное правительство выпустило воззвание, заявляя о своей готовности также признать независимость Польши, однако окончательное право «дать свое согласие на изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши»⁷⁶ оставлялось за Учредительным собранием⁷⁷.

Точка в решении «польского вопроса» была поставлена сразу же после Октябрьской революции, когда новое правительство отменило все «кабальные» договоры, заключенные царским правительством, в том числе и в отношении Польши. Тем самым оно безоговорочно признало независимость Польши⁷⁸.

Результатом же столь безоговорочного признания независимости стало то, что новообразованное польское государство буквально сразу заявило о своей антисоветской позиции. При этом, находясь под протекторатом стран Антанты, польское правительство смогло создать и оснастить собственные вооруженные силы, посредством которых и была совершена агрессии против Украины и Белоруссии, чью территорию польские политики, считали «исконно польской».

Таким образом, пойдя на признание независимости Польши, советское правительство, совершило крупнейшую ошибку в вопросах обеспечения национальной безопасности государства, осознание которой произошло буквально сразу же.

Вопрос о предоставлении независимости Финляндии для советского правительства был более сложным в силу того, что здесь еще находились

---

⁷⁶ Милюков П.Н. История Второй Русской революции. - София, 1921. -Т. I. - С. 64.; Воззвание см. в: Революция и национальный вопрос. Документы и материалы. - М., 1930. -Т. 3. -С. 57-58.

⁷⁷ См. Карр Э. История Советской России.

⁷⁸ В августе 1918 года в декрете, отменившем длинный список прежних соглашений с Германией и Австро-Венгрией, содержалась следующая статья: «Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, - отменяются настоящим бесповоротно» См. Собрание узаконений РСФСР за 1917-1918 гг. - № 64, ст. 698. -М., 1919.

русские войска, командование которых не разделяло позицию советского правительства о предоставлении независимости данной провинции. Созданное же большевиками финское советское правительство не смогло удержать власть и под давлением местных белогвардейских формирований под командованием К.Манергейма было вынуждено капитулировать. С целью предотвращения последующих вооруженных выступлений сторонников советской власти в Финляндии К.Манергеймом было подписано соглашение о размещении на ее территории немецкого экспедиционного корпуса, который с одной стороны, стал играть роль гаранта финского суверенитета, а с другой – создавал непосредственную угрозу Петрограду в случае эскалации военных действий.

Таким образом, поспешность в реализации положений концепции права наций на самоопределение в отношении двух своих национальных провинций: Польши и Финляндии, при всей альтруистичности, крайне негативно отразилась на самой России и никоим образом не способствовала даже созданию дружественного окружения, не говоря уже о более значимых интересах.

Тем не менее, принцип национального самоопределения, включая право на отделение, был настолько неоспорим, что у Советского правительства не оставалось иного выхода, кроме как признать независимость и других появившихся государственных образований.

Трудность заключалась, прежде всего, в том, что идеи этнонационализма еще не были развиты в достаточной степени. Окончательно реализовали «право на самоопределение» только вполне «европейские» Польша и Финляндия, в которых уже ранее сложились гражданские нации, и которые в составе Российской империи всегда были довольно чужеродными телами. Сепаратизм во всех остальных регионах раньше или позже (в Прибалтике, Западной Украине и Белоруссии, Молдавии - в 1939-1940 гг.) был решительно пресечен под лозунгами «пролетарского интернационализма» и «социалистического федерализма».

В целом процессы «разделения» и «воссоединения» народов бывшей Российской империи происходили достаточно напряженно. Важнейшим фактором в этом плане явилась развернувшаяся гражданская война и иностранная интервенция.

Наиболее характерно данные процессы проявились на Украине, которая также как и две выше рассмотренные национальные провинции находилась в центре внимания российской социал-демократии. Так в частности в 1917 г. В.И. Ленин часто, говоря о Польше и Финляндии, упоминал Украину как нацию, чье требование независимости большевики безоговорочно признали⁷⁹. В июне 1917 г. в своей статье он осудил Временное правительство за то, что оно не выполнило своего «элементарного демократического долга», поскольку не объявило, что оно «за автономию и за полную свободу отделения Украины»⁸⁰.

Между тем на Украине условия для самоопределения коренным образом отличались от тех, которые имели место в Польше и Финляндии, где посредством протекционистской политики царского правительства уже сложились так называемые гражданские нации. Имели место здесь и политические организации, возглавившие национальные движения. Наиболее крупными из которых, например, в Польше являлась «патриотическая» польская социалистическая партия Ю.Пилсудского.

В Финляндии, хотя и не было столь мощной политической партии, консолидировавшей общество на основе идеи независимости, тем не менее опыт почти векового автономного функционирования в составе Российской империи позволил сформировать устойчивые институты местного и провинциального управления. Главное же, что объединяло эти две наиболее европейские провинции России, было наличие гражданского общества, в котором идея независимости нашла широкую поддержку населения.

Из всего этого перечня на Украине, как и во всей России, наблюдался лишь рост вдохновленной идеалами либеральной демократии интеллигенции, которая довольно охотно объединялась с украинским национализмом. Но эта группа являлась небольшой и не могла сколько-нибудь значимо влиять на население. Не имея, таким образом, твердой поддержки внутри страны, представителям украинской национальной элиты пришлось искать иностранных покровителей, обращаясь последовательно за помощью в вопросах независимости к австрийцам, французам, немцам и, наконец, к полякам. Эти методы, в конце концов, дискредитировали национальное

---

⁷⁹ Карр Э. История Советской России. – М.: Прогресс, 1990.

⁸⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. -Т. 32. -С. 350-352.

движение, чьи деятели с такой готовностью продавали себя иностранным державам. За этими внутренними слабостями и трудностями украинского национализма стоял факт не только экономической зависимости Украины от российского рынка и экономического значения Украины для Российского государства, какой бы ни была его политическая система, но и историческая память украинского народа, для которого сам факт соглашения С.Петлюры с польским правительством означал предательство национальных интересов, поскольку национальные чувства украинского крестьянства стимулировались, прежде всего, враждебностью к польским помещикам.

Выбор населением Украины был сделан в пользу советской власти, которая не только смогла предоставить украинскому населению мирные условия, но и правительство, более терпимое, чем любое из тех, какие ей довелось узнать за эти годы. Данное развитие событий, а также откровенно антисоветская позиция сменявших друг за другом украинских национальных правительств поставило перед руководством Советской России вопрос о дальнейшем развитии украинской государственности, где альтернативой являлось или включить Украину непосредственно в Советскую Россию или пытаться удовлетворить украинские национальные устремления путем создания самостоятельной Советской Украины. Вторая альтернатива диктовалась принципами, которые были во всеуслышание провозглашены перед революцией, а также ленинским твердым убеждением, что максимальное разделение во имя самоопределения наций - вернейший путь к окончательному душевному согласию. Тем не менее данная позиция не нашла поддержки ни у руководства советского правительства в Москве, ни у советского украинского правительства сформированного в Харькове, которое выступало за интеграцию России и Украины.

Таким образом, сепаратизм на Украине, проявившийся в деятельности национальной интеллигенции продемонстрировал свою несостоятельность, а его опора на внешнюю военную помощь, в том числе и извечного противника - Польшу дискредитировало саму идею национального самоопределения. Поэтому дальнейшее развитие украинской государственности было объективно связано с ее последующим воссоединением с Советской Россией.

Аналогичным образом развивались и процессы создания национального государства в Белоруссии. Как отмечалось выше, сепаратистские процессы в Белоруссии на протяжении всего периода ее нахождения в составе России практически ни проявлялись. Поэтому формирование белорусской государственности происходило по украинскому образцу. Создание Белорусской ССР в феврале 1919 г., почти одновременно с Украинской ССР, представляло собой дальнейшее применение политики разъединения во имя самоопределения наций. При этом в Белоруссии проблема была проще, чем на Украине, поскольку имелась лишь начальная форма белорусского националистического движения. Установившаяся власть несколько раз переходила из рук в руки. Пока наконец в феврале 1918 г. наступающие немецкие войска не свергли последнее советское правительство и, желая в свою очередь отдать дань модной теории самоопределения наций, учредили собственную Белорусскую раду.

Никакие дальнейшие практические вопросы в отношении белорусской государственности не возникали до тех пор, пока германские армии, находившиеся за пределами границ, установленных в Брест-Литовске, не начали распадаться в ноябре 1918 г. Тогда потребовалось принять постановление о власти на освобожденной территории. Так же как и на Украине, нужно было выбирать между ее включением в состав России и созданием отдельной Белорусской республики. Те же соображения привели к тому же решению. 1 января 1919г. «временное Рабоче-Крестьянское Правительство Белорусской Советской Независимой Республики» провозгласило в Минске свою власть и объявило «продажную буржуазную Белорусскую Раду» вне закона. Ровно месяц спустя в Минске собрался I Белорусский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а 4 февраля 1919 г. он утвердил Конституцию Белорусской ССР и сформировал новое белорусское правительство.

Еще одно отличие белорусской модели самоопределения от украинской заключалось в том, что в течение весны 1919 г. составлялись планы создания федерации двух одинаково молодых и почти одинаково слабых республик - Белорусской и Литовской⁸¹. В апреле 1919 г. в связи с польским наступлением, в

---

⁸¹ Сталин И.В. Соч. –М., 1952. -Т. 4. –С. 228-229.

ходе которого, была занята часть белорусской территории вопрос о Литовской ССР отпал. В результате продвижения советских войск на территорию Польши в 1920 г. Белорусская республика была освобождена. Тем не менее, польско-советское перемирие, заключенное в октябре 1920 г. лишило Белоруссию западной части ее территории⁸².

Таким образом, выше были рассмотрены два направления реализации принципа национального самоопределения, первое из которых привело к полному отделению и образованию независимых Польши и Финляндии, а второе – на опыте Украины и Белоруссии – посредством отделения к дальнейшему воссоединению с Россией.

Общность этих двух направлений определялась достаточно сильным внешним влиянием, каковым являлась оккупация Польши, Украины и Белоруссии немецкими войсками, сменившаяся затем протекторатом над западными национальными окраинами России со стороны стран Антанты, для которых сама Россия представляла собой «пустыню», которую необходимо освоить. О чем свидетельствует, например, карта, изданная «будущей Европы», которую поместил издатель лондонского еженедельника «Truth»⁸³.

Таким образом, первая мировая война, замышлявшаяся в интересах передела мира, безусловно, своих целей достигла, став мощным стимулом распада полиэтничных государственных образований. Для России ее участие в первой мировой стало следствием не только социальных катаклизмов в центре страны, но и сепаратизма ее национальных окраин. В этом плане и союзники России по Антанте, и противостоящий ей Тройственный Союз были солидарны в достижении данной цели.

Третье направление реализации принципа самоопределения предполагало создание так называемой буферной зоны, способной защитить Советскую Россию от враждебного внешнего влияния. По данному сценарию осуществлялось сецессия от России трех прибалтийских республик: Эстонии, Латвии и Литвы.

---

⁸² В соответствии с советско-польским договором, заключенным в Риге 18 марта 1921 г.

⁸³ Нарочицкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. -М.: Международные отношения, 2003. –С.189.

Положение с Эстонией и Латвией представляло собой нечто среднее между ситуацией, сложившейся с Финляндией, с одной стороны, и Украиной и Белоруссией - с другой. Обе прибалтийские провинции имели крошечные размеры, и население соответственно - 1250 тыс. и 1750 тыс. человек, но языки, отличающиеся друг от друга, не родственные ни германским, ни славянским, ставили их в особое положение. Обращает на себя внимание тот факт, что небольшого масштаба, но подлинное националистическое движение выросло в обеих странах в результате протеста против преобладания немецких купцов, промышленников и землевладельцев. Это движение было гораздо более слабое и не так прочно установившееся, как соответствующее движение в Финляндии, но более сильное и более исполненное решимости, чем на Украине. В обеих странах Советская власть была провозглашена в тот момент, когда свершилась Октябрьская революция, но ее вскоре смели наступавшие германские армии. Вслед за крушением Германии в ноябре 1918 г. в Риге и Таллинне были созданы буржуазные национальные правительства. Но их существование было недолгим. 29 ноября 1918 г. в Нарве было объявлено о создании Эстонского Советского правительства, а через 3 недели последовало провозглашение Латвийского Советского правительства. Однако в сложившейся ситуации решающим фактором оказалось повсеместное наступление британских военно-морских сил. Эстонская Советская республика в результате этого прекратила свое существование в январе 1919 г. Латвийская Советская республика продержалась в Риге в течение пяти месяцев, а затем была свергнута при поддержке британской военно-морской администрации.

В дальнейшем, после того как Советское правительство покончило с блокадой Петербурга войсками генерала Н.Юденича⁸⁴, оно пересмотрело свою политику в отношении буржуазных правительств Эстонии и Латвии. Данные правительства оказались значительно сильнее и сплоченнее, чем предполагалось, а их враждебность к Н.Юденичу свидетельствовала о том, что к Советской республике они в целом относятся без неприязни. Поскольку же в сферу советской политики начинала входить внешняя торговля (блокада

---

⁸⁴ В октябре 1919 г. генерал Н.Н.Юденич при поддержке Англии предпринял с эстонских баз наступление на Петроград, которое чуть-чуть не достигло цели. Так как Н.Юденич ставил своей задачей восстановление Российской империи в пределах ее прежних границ, его действия не встретили одобрения со стороны правительств Эстонии и Латвии.

Антанты была снята в январе 1920 г.), представлялось в какой-то мере целесообразным считать порты Риги и Таллинна ничьей землей, расположенной между капиталистическим и советским мирами. Таким образом, советским правительством было решено следовать в первую очередь финскому, а не украинскому образцу, отказаться от планов создания Эстонской и Латвийской Советских республик и признать буржуазные правительства в качестве высших органов власти, осуществляющих право на национальное самоопределение. Договоры о мире были заключены с Эстонией 2 февраля 1920 г. и с Латвией 11 августа 1920 г.

Третья прибалтийская республика, Литва, с небольшими отклонениями следовала по пути Латвии и Эстонии. Несмотря на то, что Литва незначительно превосходила Латвию или Эстонию по территории и численности населения, она была почти исключительно аграрной страной; в ней отсутствовал пролетариат, было мало интеллигенции. В силу общей сложившейся социально-экономической и политической ситуации в данном регионе, советское правительство не придавало особого значения проблемам создания литовской государственности. Более того, как выше было отмечено, рассматривался даже вопрос о создании унии Белорусско-литовской республики, реализации которого в последующем помешало немецкая, а затем и польская оккупация. Недооценка значения создания литовской государственности, а также неблагоприятные итоги советско-польской привели в конечном итоге к подходу в вопросах о независимости Литвы по принципу от противного. Если бы Литва не обрела независимости, она бы попала в сферу польского влияния, между тем как независимость Литвы могла бы стать бельмом на глазу Польши. Поэтому советская сторона была заинтересована в данном случае в том, чтобы по возможности максимально осуществить принцип национального самоопределения и предоставить Литве, также как и Польше независимость.

Таким образом, процесс отделения Эстонии, Латвии и Литвы свидетельствовал о вынужденном признании их независимости правительством Советской Россией под нажимом угрозы военной интервенции. С другой стороны, слабость и невозможность противостоять в вооруженной борьбе по всему периметру границ заставили советское правительство пойти на

компромисс в вопросе о предоставлении независимости прибалтийским республикам.

Все это свидетельствовало о том, что сепаратизм, находился еще в зачаточном состоянии, и отделение национальных окраин России осуществлялось под мощным воздействием как внешних факторов (иностранной интервенции), так внутренних факторов – социальных катаклизмов и резкой сменой политических режимов. Пришедшее к власти в стране руководство было озабочено в большей мере проблемами самосохранения, чем обеспечения территориальной целостности. Это в свою очередь побуждало его идти на все возможные компромиссы.

Реализация принципа «права нации на самоопределение» на западных окраинах привела к образованию до конца 1920 г. независимых несоветских республик в Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве, а также к созданию Украинской и Белорусской Советских республик, установивших тесные, но неопределенные отношения с РСФСР.

На востоке страны решение этого вопроса было менее четким, что отчасти объяснялось сложностью местной обстановки, а отчасти – изменениями, происходившими в ходе гражданской войны. Тем не менее, повсюду осуществлялся единый общий принцип, в соответствии с которым для всех национальных окраин России советским правительством была открыта возможность для принятия альтернативных решений: отделение, федерация, автономия или полное объединение.

Реальное осуществление того или иного вида самоопределения определялось как внутривнутриполитическим, так и социально-экономическим положением регионов, а также действием целого ряда факторов традиционного этнокультурного характера. Так в частности, специфика сепаратистских тенденций в Поволжье, а также восточных и южных окраинах России определялась резко отличающимся социально-экономическим уровнем населения этих регионов. Например, около 10 млн. населения восточных окраин все еще вели кочевой образ жизни. По своему уровню жизни и культурному уровню эти народы далеко отстояли от русского народа и народов западных окраин.

Другим важнейшим фактором, определявшим специфику внутривосточных процессов в данном регионе являлось доминирование ислама, являвшегося более молодой для народов России религией по сравнению с православием, обладавшим в следствие этого большими мобилизационными возможностями. При этом ислам повсюду оставался незыблемым институтом, оказывающим более сильное сопротивление новым верованиям и новым обычаям, чем православная церковь.

Привлечение национальных элит на сторону советской власти обусловило популистски провозглашенное право наций на самоопределение. Это лозунг для национальных элит данных регионов был настолько привлекателен, что, даже не понимая его сути, большинство представителей национальной элиты сделало выбор в пользу советской власти.

Неслучайно поэтому взрывной процесс образования новых независимых государств в Поволжье после Октябрьской революции рядом авторов прямо рассматривается как следствие тактического союза, намеренно заключенного большевиками с этнонационалистами ради достижения стратегической цели - захвата власти⁸⁵. Этот союз для руководства Советской России носил тактический характер, поскольку вскоре ожидалась мировая революция, для которой революция российская должна была послужить лишь запалом, а затем должно было якобы последовать стирание всех этнических различий во всем мире. Но мировой революции так и не произошло, и Россия осталась наедине со своими проблемами, да еще и во враждебном окружении. Как оказалось, тактический ход стремившейся к власти партии имел весьма далеко идущие и роковые для страны последствия.

Сам процесс суверенизации народов Поволжья и Центральной Азии советским правительством осуществлялся в два этапа.

На первом этапе был провозглашен принцип национального самоопределения, который в данном случае выражался не столько в предоставлении независимости, сколько автономии. При этом советское правительство, отстаивая этот принцип более энергично и последовательно, чем Временное правительство, вначале завоевало решительную поддержку

---

⁸⁵ См: Чешко С.Е. Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. - М., 1996. - С. 68-87.

национальных движений восточных народов. Но когда те же представители советского правительства прямо или косвенно бросили вызов существующему порядку, национальные лидеры стали проявлять лояльность к силам контрреволюции. Однако подобные шаги привели к тем же последствиям что и на Украине. Ни один из «белых» генералов, возглавлявших борьбу против Советского правительства, не сочувствовал идеям национального самоопределения восточных народов бывшей Российской империи. В результате лидеры националистических движений этих народов оказались перед выбором: или отказаться от идеи национального самоопределения, или поддержать советскую власть.

Таким образом, гражданская война окончательно выявила несостоятельность процесса национальных движений восточных народов, и ускорила продвижение советского руководства по пути перехода от национальной революции к социальной.

Второй этап советской национальной политики, определившийся в 1920 году, был отмечен важными переменами в отношениях между центром и восточными окраинами. До сих пор советская политика была обращена главным образом на Запад, который вначале олицетворял надежды мировой революции, а впоследствии стал источником опасности для существования советского строя. Решение проблемы восточных окраин зимой 1920-1921 гг. было результатом окончательной победы в гражданской войне. Поскольку вопрос о власти был решен, предстояло определить новые формы правления.

Большое значение имела конституционная форма урегулирования. Между центральной и местной властью не было никакого соглашения, никакой договоренности по поводу этих территорий. В каждом случае автономия была предоставлена исключительно на основе решения центральной власти. Таким образом, вопрос о статусе был определен в рамках Конституции РСФСР.

Северный Кавказ, еще одна болевая точка российской государственности, долгое время был вне зоны внимания советского правительства. Лишь к октябрю 1920 года, когда было заключено перемирие с Польшей, а войска Врангеля отступали в направлении Крыма, было объявлено о переходе к новой политике «советской автономии», суть которой была изложена в выступлении И.В.Сталина на Съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 г.

По заявлению наркома по делам национальностей: «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям». При этом было заявлено, что советское правительство не будет препятствовать соблюдению религиозных обрядов и обычаев, поскольку считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Вместе с тем автономия Дагестана, по словам И.В.Сталина «не означает и не может означать отделения его от Советской России»⁸⁶.

Несколько дней спустя во Владикавказе состоялся аналогичный Съезд народов Терской области, имеющих общее название - горцы. На нем также присутствовал И.В.Сталин в качестве представителя центра. Здесь выступление наркома по делам национальностей было посвящено тому, чтобы «объявить волю Советского правительства об устройении жизни терских народов и об их отношениях к казакам». По заявлению И.В.Сталина, «опыт показал, что совместное жительство казаков и горцев в пределах единой административной единицы привело к бесконечным смутам, а выступление казаков в ходе гражданской войны на стороне Деникина побудило советское руководство принять решение о выселении целого казацких общин и поселении на их землях горцев». Таким образом, предложения автономии горцам Северного Кавказа, подкреплялись значительными преференциями в виде земельных угодий, изымаемых у казачества. К тому времени было решено завершить процесс разделения казаков и горцев: река Терек должна была стать границей между Украиной и новой Горской Автономной Социалистической Советской Республикой⁸⁷.

Таким образом, волюнтаристским решением нового политического руководства России была разрушена создававшаяся на протяжении всего XIX века буферная зона в виде казачьих поселений на наиболее опасном для российской государственности кавказском направлении.

---

⁸⁶ Сталин И.В. Соч. -Т. 4. -С. 394-397.

⁸⁷ Там же. - С. 399-403. Этот процесс перемещения народов, отчасти должен был служить наказанием, а отчасти - предостережением против беспорядков в будущем. Официальные документы, выявляющие масштабы, которые принял процесс перемещения, отсутствуют.

Что же касается самой автономизации Северного Кавказа, то здесь процессы национально-государственного строительства были наиболее сложными и ошибки советской правительства, намеревавшегося здесь реализовать модель аналогичную поволжской, имели негативные последствия. Прежде всего, потому, что в памяти народов были еще свежи воспоминания Кавказской войны, а сам регион являл собой наиболее кризисную конфликтногенную зону. Формирование этносов и их национального самосознания находилось в активной стадии. Большим вопросом был и вопрос о земле, в силу чрезвычайно развитой миксации населения и сложившейся территориальной чересполосице. В результате границы политико-административных образований на Северном Кавказе так часто менялись, особенно в 20-ые, 30-ые и 50-ые и 90-ые годы, что лишь немногим более половины территорий автономий никогда не меняло свою административную принадлежность. К этому следует добавить так же и то, что кризисы, стали традиционной характеристикой развития этнополитической ситуации в регионе.

Кризис российской государственности в 1917 г. обозначил и другие уязвимые национальные образования России. Сепаратистские тенденции проявились в тех регионах, в которых ранее отделение от России было немыслимым. Это Закавказье, ситуация в котором была сложной вследствие двойственной природы национальной проблемы. В этом районе проживали и такие высокоразвитые народы, как на западных окраинах, и их требование независимости нельзя было просто отбросить. В то же время здесь жили и народы, находившиеся в дофеодальной форме развития, как на восточных окраинах, которые по своему уровню развития были подготовлены лишь к простейшей форме местной автономии. Помимо значительного числа русских и турецких переселенцев, Закавказье населяло около восьми местных национальных групп, причем численность каждой из трех наиболее крупных из них - грузинской, армянской и азербайджанской - составляла менее 2 млн. человек, а смешение различных народов было причиной частых конфликтов. Этнические границы между тремя основными нациями во многих местах не были четко определены. Примечателен, например, тот факт, что армян было больше в Грузии и Азербайджане, чем в самой Армении. В Тифлисе, столице Грузии, армянского населения было больше, чем в любом другом городе, и

число армян превышало число грузин. В этом и заключался феномен грузинского национализма, принявшего в значительной мере антиармянский характер, что во многом определило развитие политических процессов в регионе.

Так же как и в других провинциях, стимул национальному движению в Закавказье дала Февральская революция. В последующем Временное правительство, связанное неудачами на фронтах мировой войны, а также сложной социально-политической обстановкой в центре страны не могло оказывать сколько-нибудь действенного влияния на процессы в Закавказье. Аналогичным образом и советское правительство в ходе гражданской войны не имело влияния в регионе. Более того, до тех пор, пока в центре России шли сражения гражданской войны, закавказский вопрос не стоял в повестке советского правительства.

Поэтому первое возникшее в регионе государственное образование возглавил Закавказский Комиссариат, практически сразу же принявший курс на дистанцирование от Советской России. Данный курс определялся позицией правящих партий: меньшевиками - в Грузии, дашнаками - в Армении и партией «Мусават» («Равенство») - в Азербайджане.

Слабость же самого Закавказского комиссариата предопределило его распад в ходе мирной конференции в Батуме в мае 1918 г. по поводу заключения мира с Турцией. Решающее значение в этом плане сыграла противоречия между тремя составными частями Закавказской Федерации, а также их различная позиция на переговорах с Турцией. Грузины в вопросе о турецких притязаниях на Батум рассчитывали на безоговорочную поддержку своих партнеров. Однако недовольство Армении Грузией так же явно ощущалось, как и ее недовольство Турцией. Азербайджан же отдавал предпочтение своим турецким соотечественникам и единоверцам, а не своим христианским партнерам. Ревность по поводу ведущей роли, которую Грузия играла в Закавказской республике, была присуща и Армении и Азербайджану.

В результате 26 мая 1918 г. был созван Закавказский сейм, который объявил Федеративную Закавказскую Республику более не существующей. В тот же день грузинское Национальное собрание провозгласило независимую

Грузинскую Демократическую Республику. Через два дня были провозглашены независимые Армянская и Азербайджанская республики.

Независимость новых образований оказалась еще более недолговечной, чем независимость Федеративной Закавказской Республики. В следующие несколько недель турецкие войска заняли большую часть Армении и Азербайджана. Независимая Армения перестала существовать даже номинально, а правительство Азербайджана стало марионеткой в руках турецкого военного командования.

Грузия избежала такой участи, лишь обратившись за помощью и защитой к союзнику Турции - Германии. 28 мая 1918 г. был подписан германо-грузинский договор, по которому Грузия признавала границы, установленные в Брест-Литовске. При этом подразумевалось, что Германия обеспечит Грузии гарантии против турецкого вторжения. Ценой данного протектората Германии стало установление ее контроля над имевшей важное значение закавказской железной дорогой, по которой бакинская нефть отправлялась к Черному морю. Кроме того, Грузия согласилась предоставить на время войны в распоряжение Германии все свое сырье, из которого главную роль играл марганец. Укрепившись благодаря этому союзничеству, Грузия 4 июня 1918 г. заключила мирный договор с Турцией⁸⁸. В Тифлисе был размещен германский гарнизон. 27 августа 1918 г. в Берлине было подписано дополнение к советско-германскому Брест-Литовскому договору, содержащее статью о согласии Советского правительства на признание Германией независимой Грузии. Таким образом, уже летом 1918 г. Закавказье было поделено между Германией и Турцией и ни о какой независимости ее республик не могло быть и речи. Армения была полностью оккупирована Турцией, а Грузия и Азербайджан, находившиеся под протекторатом Германии и Турции, независимость реализовывали лишь в той мере, в какой им это позволялось.

Распад блока держав Центральной Европы и их капитуляция по итогам первой мировой войны осенью того же года привели к тому, что германская и турецкая власть сменилась здесь британской.

---

⁸⁸ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. - Тифлис, 1919. - С. 339-342.

Когда Великобритания вывела войска, в Закавказье вновь образовался вакуум власти, в силу неспособности национальных правительств самостоятельно решать вопросы ни социально-экономического, ни политического характера.

Наиболее слабым звеном в этом плане оказалась Азербайджанская республика. Поэтому азербайджанское правительство, оставшееся у власти после ухода британских войск в апреле 1920 года было свергнуто без особых трудностей в результате восстания в Баку. «Военно-революционный комитет», который действовал от имени революционного пролетариата Баку и трудящегося крестьянства Азербайджана, обвинил бывшее правительство в предательстве и обратился к Москве с призывом заключить «братский союз для совместной борьбы с мировыми империалистами».

Второй этап установления советской власти в регионе совершился в Армении, руководство которой из-за страха и ненависти, с которыми армяне относились к туркам, была традиционно пророссийской независимо от того, какая в ней в данный момент господствовала власть. Поэтому восстановление российской власти в форме Советской власти в Азербайджане оказало на Армению огромное воздействие и в середине февраля 1921 г. революционный комитет призвал на помощь Советскую Россию и передал в руки Красной Армии дело спасения Армении.

В Грузии, оставшейся в конечном итоге, без иностранных покровителей установление советской власти стало делом времени. Поводом для вторжения в Грузию явился пограничный конфликт с Советской Арменией зимой 1921 года. Воспользовавшиеся предоставленным случаем вооруженные формирования советских и грузинских большевиков пересекли границу. Обстановка для грузинского правительства осложнилась тем, что два дня спустя Турция предъявила ультиматум, требуя передачи ей двух районов, Ардагана и Артвина. Правительство Н.Жордания выполнило условия ультиматума, что, однако не было вполне логичным, поскольку судьба самого правительства уже была предрешена. 25 февраля 1921 г. в Тифлисе была провозглашена советская власть и, соответственно, Грузинская Советская Социалистическая Республика.

Установление во всех трех государственных образованиях Закавказья советской власти создало предпосылки для национальной политики в регионе.

Между тем дальнейшие процессы здесь развивались вопреки ленинской позиции, которая была выражена в его письме С.Орджоникидзе от 2 марта 1921 г., в котором Ленин не только утверждал, что необходима «политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам», но даже писал о значении «блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками»⁸⁹. Тем не менее, коалиция с меньшевиками не была осуществлена, из-за жесткой позиции по данному вопросу основных кураторов кавказской политики И.Сталина и С.Орджоникидзе, которые в вопросе о государственности закавказских республик были единодушны: Закавказье должно быть в составе России и само являть собой федеративное образование.

Закавказье явилось последней национальной окраиной бывшей Российской империи, где процессы национального самоопределения в конечном итоге завершились в ходе вооруженного противоборства, тем самым создав предпосылки для дальнейшего развития национальной политики молодого советского государства.

Между тем, вопрос о национально-государственном устройстве страны достиг такой остроты и принципиальности, что был вынесен для обсуждения и принятия решения в повестку XII съезда РКП (б), который в конечном итоге и закрепил ленинскую концепцию в качестве программы национально-государственного строительства. Но претворение на практике, тем не менее, получила именно сталинская, несколько видоизмененная идея автономизации, с которой уже не могли согласиться ряд республиканских партийных лидеров. Речь идет о так называемом «грузинском вопросе». Партийное руководство Грузии в лице Ф.Махарадзе единственное не согласилось на сталинский план, по которому все созданные республики входили в состав РСФСР. В Грузию по данному вопросу была направлена комиссия ЦК под председательством Ф.Дзержинского, которого В.И.Ленин, будучи изолирован в Горках от участия в подготовке союзного договора, лично просил урегулировать конфликт между республиканским и федеральным руководством. И хотя комиссия не смогла в полной мере урегулировать конфликт, компромисс, в конечном итоге, был достигнут и Закавказская федерация выступила совместно с РСФСР, БССР и УССР основателями Советского Союза.

---

⁸⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. -Т. 42. -С. 367.

Можно объяснить, чем была вызвана столь жесткая позиция советского руководства. Прежде всего, произошло переосмысление ранней социал-демократической традиции. Столкнувшись на практике с агрессивной и экспансионистской политикой по отношению к себе ряда вновь образованных суверенных государств - Польши и Финляндии уже не торопилось предоставить всем этноконфессиональным группам максимальную автономность. С другой стороны произошло осознание того, что как только централизованная государственная конструкция будет ослаблена, окраины России под влиянием экспансионистской политики ряда государств будут от нее отторгнуты. Анализ политической обстановки, сложившейся в 1918-1919 гг., свидетельствует о том, что на целый ряд, прежде всего окраинных регионов России имели место притязания практически всех ведущих государств мира, проводивших в данный период наиболее активную политику экспансии. Окраины России уже тогда привлекали интерес ведущих мировых держав, особое место, среди которых занимали США, претендовавшие, например, на объявление протектората Армении и ряда других бывших российских провинций. Для реализации которого, и был разработан, так называемый «план Вильямса» по имени тогдашнего президента США. Более того, по итогам первой мировой войны в отношении России планировалось проведение международной конференции, которая бы определила судьбу национальных окраин России. Тем не менее, по целому ряду причин конференция проведена не была и развитие российского государства происходило в новых условиях.

Таким образом, в начале XX века Россия, наряду с другими крупнейшими и наиболее сложными в национально-государственном отношении образованиями Европы (Австро-Венгрией Турцией), познала на собственном политическом опыте действие процессов сепаратизма, острота которых в самой России была несколько приглушена более глубинными преобразованиями в социально-политической сфере общества, а также появлением нового идентифицирующего признака общностей - классовости. Национальное самосознание народов России, пробужденное декларацией новой властью принципа права наций на самоопределение и его практической реализацией в ходе революций и гражданской войны закономерно приняло форму

этнорадикализма и межэтнических конфликтов, развитие которых ранее в условиях единого централизованного государства было немыслимым.

В целом, как показывает анализ развития событий, сепаратизм в истории российской государственности имел во многом искусственный характер и явился именно тем эффективным средством достижения власти, умелое использование которого позволило не только привлечь национальные движения на свою сторону в ходе Октябрьской социалистической революции, но и удержать власть в ходе гражданской войны и иностранной интервенции, а также приступить к созданию новой модели национально-государственного устройства, воплотившейся в последующем в СССР.

Другая же цель, которую преследовали авторы советской национально-государственной модели, была более прозаична и вполне объяснима с точки зрения достижения и удержания власти: посредством изначальной децентрализации государства и разрушения его традиционных устоев, в последующем создать жестко централизованную государственную систему, основанную на идеологизированных партийно-классовых принципах. К тому же в нашей стране произошло вообще уже нечто абсурдное и не имеющее аналога в мировой практике федерализма - «научно обоснованная» политическая «ранжировка» этносов и, соответственно, связанных с ними административных образований. Вследствие желания буквально везде увидеть ступенчатое прогрессивное развитие народы были поделены на «социалистические нации» и «социалистические народности» (вначале даже установили «ценз численности» для нации, впоследствии, правда, замененный на расплывчатый экономический критерий) и было четко определено, какой народ уже «дорос» до собственной союзной республики, кому разрешается иметь собственную автономную республику, кому - только автономную область, а кто вправе рассчитывать лишь на округ (в начале 1920-х гг. в нашей стране насчитывалось около 5 тыс. мелких национальных образований, в том числе национальных районов и даже... сельсоветов⁹⁰). Тем самым помимо естественной этнической стратификации все этносы были еще искусственно и насильственно стратифицированы.

---

⁹⁰ См.: Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации: Доклад на заседании Президиума РАН 23 февраля 1993 г. М., 1993. С 37.

В результате в процессе реализации данной модели в основу советской государственной конструкции была заложена «мина замедленного действия», суть которой, определялась негативным феноменом синдрома «старшего брата» с его мессианским характером взаимоотношений. Мина взорвалась в конечном итоге при ослаблении своего цементирующего стержня, каковым долгое время выступала классовая идеология, ненадолго сумевшая подменить основные признаки самоидентификация политических общностей: религию, этничность и др. В стремление реализовать заявленные в программе идеи национального суверенитета, предоставив при этом всем этническим общностям различного рода формы государственности, советское руководство пошло на своего рода эксперимент. Суть данного эксперимента заключалась не в удовлетворении потребностей национальных меньшинств в обеспечении их автономии и самоуправления, а в наделении их во многом искусственными формами государственности. Это обстоятельство во многом предопределило перевод данной идеологии в область практической ее реализации - построению заведомо нежизнеспособной модели федеративного государственного устройства. Главный изъян этой утопической национально-государственной конструкции заключался в том, что реализовывалась иллюзорная идея экономического и политического равенства народов, находившихся на разных ступенях своего развития посредством искусственного выравнивания их уровней развития (экономического, культурного, социального и т.д.) с целью создания общества «всеобщего равенства и братства».

Схема была также изначально ущербна, поскольку ставила в неравное положение различные этноконфессиональные общности и таким образом искусственно их противопоставляла друг другу. Это был один из тех исторических экспериментов в отечественной политической истории, когда осознание целей и задач эксперимента, его следствий шло непосредственно в процессе реализации идеи. При этом даже не предполагалось, а исключалось наличие какой-либо альтернативы. Цель была вполне очевидна - разрушить старую российскую государственность, отречься от великодержавности и создать нигде в мире еще не реализованную новую модель государственного устройства. Таким образом, руководители Советского государства на заре его формирования и определения основных политико-правовых установок в сфере

национально-государственного устройства проигнорировали не только опыт и традиции российской государственности, но и уже имевшийся опыт революционных экспериментов над государственностью, что и предопределило развитие последующих процессов сепаратизма.

Истоки и эволюция сепаратизма в советский период российской государственности

Начав реализовывать на практике принцип права наций на самоопределение, советское правительство, следуя заветам В.И.Ленина, создало, казалось бы, все условия для того, чтобы строить равноправные отношения между народами бывшей Российской империи. И хотя ленинская концепция построения союзного государства была существенно скорректирована непосредственно решениями X съезда РКП (б), принявшего за основу формально ленинский, а фактически сталинский план национально-государственного устройства в стране, результаты преобразований в данной сфере были поистине революционными и не имевшими аналога в мировой истории. Симбиоз двух направлений при всем их различии, тем не менее, решал общую главную задачу - разрушение старой конструкции государственного устройства России и воплощение на практике принципа национального самоопределения. Реализация данного принципа по форме являлась продолжением европейской традиции образования национальных государств, но по содержанию и по своей сути это была очередная попытка использования иностранного опыта национально-государственных преобразований без учета отечественной специфики.

При этом позиция руководителей Советской России в процессе радикальных национально-государственных преобразований коренным образом отличалась от общеевропейской традиции нациестроительства, в основу которой было положено формирование общности посредством укрепления государстообразующего этноса. Отличался данный подход и от американской традиции эволюции государственности, в соответствии с которой, основной упор в развитии нации-государства делался именно на так называемое ядро американской нации - WASP. Разработка советской модели федерации России

происходила в виде эксперимента, методом проб и ошибок, без учета возможных негативных последствий. В этом была изначальная ее ущербность.

В итоге если в Европе, реализация данного принципа имела следствием появление моноэтнических национальных государств, а в США – единая полиэтничная нация, то в Советской России принцип национального самоопределения предполагал преобразование унитарного государства в сложную полиэтничную многоуровневую федерацию с элементами конфедеративного устройства. На практике это выразилось в том, что как отметил Э. Хобсбаум, «коммунистический режим принялся сознательно и целенаправленно создавать этнолингвистические территориальные «национально-административные единицы» (т.е. «нации» в современном смысле), - создавать там, где прежде они не существовали или где о них никто всерьез не помышлял, например, у мусульман Средней Азии или белорусов»⁹¹.

Фактически в данном вопросе лидеры Советского государства продемонстрировали пример волюнтаристского подхода к процессам государственного строительства. Что являлось следствием превратного понимания сути государства, которое в отличие от европейской традиции в России понималось как элемент господства и реализации собственных интересов, но не организации политической власти. Закономерным следствием данного подхода явился произвол, открытое игнорирование отечественного опыта государственного строительства, в том числе и негативных его аспектов, а также отсутствие предвидения будущего и напротив приоритетность сиюминутности достижения целей, что только лишь усугубляло проблемы, выводило их на новый, более сложный уровень. Непонимание специфики России как уникального государства-цивилизации на уровне высшей государственной власти предопределило те социальные катаклизмы, которые сотрясали в последующем устои ее государственности.

Применительно к этнополитической ситуации в Советской России данная аналогия проявилась в том, что, получив определенную степень суверенитета, лидеры национальных образований не удовлетворились предоставленной степенью автономии, полагая при этом возможность достижения независимости более высокого уровня вплоть до обретения государственного

---

⁹¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. -СПб., 1998. С. 63-254.

суверенитета. Данная позиция основывалась на признании приоритетности национального суверенитета над государственным, в соответствии с которым источником власти определялся не сам народ (население государства), а определенный этнос, проживающий на данной территории.

В результате практически сразу же после начала преобразований в этой сфере обострились межнациональные отношения в целом ряде регионов страны, явившиеся следствием возникших на данной основе территориальных притязаний одних республик к другим. Что явилось вполне закономерным и более того вполне прогнозируемым явлением. Так, еще до революции видный советский государственный деятель С.Г.Шаумян в отношении территориального вопроса отмечал: «Нации настолько смешались друг с другом, что уже нет национальных территорий, в пределах которых можно было бы с легкостью учредить национальные федеративные или автономные области»⁹². Однако, к сожалению к подобным предостережениям лидеры большевиков не прислушались и после революции начали всю «резать» поживому, пытаясь провести границы там, где провести их было невозможно.

И уже первые преобразования, и последовавшие за тем конфликты между Азербайджаном и Арменией по вопросу территориальной принадлежности районов Карабах, Зангезур, Нахичевань, на которые в равной степени претендовали обе союзные республики, подтвердили правоту Шаумяна. Лишь вмешательство Москвы предотвратило эскалацию вооруженного армяно-азербайджанского конфликта в регионе уже в начале 20-х годов XX столетия. Тем не менее, заложенные таким образом основы межнациональных противоречий развивались на протяжении всех последующих десятилетий.

Аналогичные протестные проявления против проводившейся политики национально-территориального разделения проводились и в других национальных образованиях страны, что нашло свое отражение в целой серии межнациональных конфликтов и открытых вооруженных антисоветских выступлений в регионах с наиболее сложной этнополитической обстановкой, прежде всего на Кавказе и Средней Азии.

Так, например, одним из наиболее значимых вооруженных выступлений на почве неприятия складывавшегося национально-государственного

---

⁹² Шаумян С.Г. О национально-культурной автономии. -М., 1959 С. 25.

устройства явилось крупное вооруженное восстание в ряде горных районов Чечни и Северного Дагестана в сентябре 1920 г., которое возглавили Нажмуддин Гоцинский и внук имама Шамиля - Саид-бей. Значимость данного вооруженного мятежа определялась тем, что оно не только охватило значительные районы Северного Кавказа, но и фактически реанимировало цели и задачи Кавказской войны XIX века. Развитие данных процессов во многом стимулировал процесс распространения на Северном Кавказе пантюркизма - идеологического течения, обосновывавшего единство всех тюркских народов и необходимость их сплочения в единое простирающееся от Балкан до Сибири государство «Великий Туран». Вполне очевидно, что в регионе оно носило откровенно антироссийский характер и преследовало цель отделения Кавказа от России. Неслучайно, именно здесь сепаратизм, получивший мощную идеологическую подпитку, проявился в наиболее острой форме вооруженного антироссийского выступления. В дальнейшем после подавления вооруженного мятежа возглавляемого Н.Гоцинским и Саид-беем антироссийские вооруженные выступления в регионе продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны, трансформировавшись в последующем в деятельность бандформирований.

Межнациональные конфликты, возникшие на основе территориальных притязаний особую остроту обрели и в Туркестане, где в результате произвольного установления границ прежние «киргизы» разделились на казахов и киргизов, а население Туркестана, ранее считавшее себя единым «тюркским» этносом, при полном отсутствии на тот момент соответствующего этнического самосознания было поделено на узбеков, киргизов, каракалпаков, туркмен и т.п. Интересна в этой связи следующая выдержка из письма прокурора Киргизской автономной области от 30 января 1926 г.: «Туземцы недовольны национальным размежеванием. Мой помощник Текеев не так давно на одном закрытом родовом совещании говорил приблизительно такие фразы: «Этот сволочь в очках (т.е. Зеленский, председатель Средазбюро ЦК ВКП(б) разбил на кусочки все тюркское племя, чтобы легче было им управлять»⁹³.

---

⁹³ Цит. по: Национальная политика России: история и современность. -М.,1997. -С. 293.

Возникшие на этой основе вооруженные выступления в своей основе имели, в том числе и просчеты советских руководителей в сфере национально-государственного обустройства региона. Сложность и острота внутривластной обстановки в регионе определялись и активным внешним воздействием на нее, посредством привнесения в регион и реализации идей пантюркизма. Поддержка представителей национально-религиозной элиты Туркестана идеологии пантюркизма, являлась своего рода ответной реакцией на проводимую советским руководством политику разграничения тюркских этносов.

В целом же в Туркестане, идеология пантюркизма инициировала антирусское движение басмачества, которое возглавил Энвер-паша - лидер турецкой националистической организации «Тешкиляти Махсуса»⁹⁴, созданной специально для реализации «стратегии Турана» - слияния в общетурецкое государство Турции, Кавказа, Ирана, Туркестана, Поволжья и Крыма. Таким образом, сам феномен «басмачества» следует рассматривать не только как антисоветское вооруженное выступление части населения Туркестана, а как одно из первых в послереволюционный период проявление сепаратизма на этноконфессиональной основе. Здесь также пожар этноконфессионального сепаратизма продолжался в течение всего последующего периода вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Осознав всю степень опасности, режим вынужден был применить всю мощь репрессивного аппарата для подавления сепаратистских тенденций. В последующем только лишь посредством реализации жесткой тоталитарной модели управления, репрессиями от которых не был гарантирован никто, даже члены политбюро, развитие центробежных тенденций удалось сдержать. Другим направлением пресечения сепаратистских тенденций явилось установление жесткого режима пограничного контроля с тем чтобы исключить или минимизировать влияние внешних источников дестабилизации этноконфессиональной обстановки в национальных окраинах.

Параллельно с этим выработывалась и сама модель государственного устройства, которая на протяжении всего последующего периода претерпевала свои изменения. Так в частности к договору об образовании СССР,

---

⁹⁴ «Тешкиляти Махсуса» - «Особая организация»

подписанному в 1922 году двумя федерациями (РСФСР и ЗСФСР), Украинской и Белорусской советскими социалистическими республиками в 1924 году присоединились новообразованные союзные республики Средней Азии. В 1940 году была создана Карело-Финская ССР. Наконец в том же 1940 году с присоединением республик Прибалтики, были образованы Латвийская, Литовская и Эстонская советские республики, а с присоединением Бессарабии - Молдавская. При этом данные республики сразу же получили статус союзных, ввиду своего приграничного положения.

Тем не менее, жесткое подавление сепаратистских тенденций, а также экспериментирование над национально-государственным устройством не могло продолжаться сколь угодно долго. И поэтому в процессе малейшего ослабления советской государственности и, в первую очередь ее репрессивного аппарата, сепаратистские тенденции развивались с новой силой.

Особым направлением эволюции сепаратизма явились антисоветские выступления в Прибалтике и на территориях Западной Украины. Зарождение и развитие сепаратизма на данных территориях явилось закономерным следствием их присоединения к СССР. В силу этого характер и содержание бандитской деятельности на данных территориях определялись следующими основными мотивами.

Во-первых, утратой национального суверенитета. Для определенной части населения этих территорий вхождение в состав СССР означало восстановление доминирования общероссийской ментальности и прекращение функционирования национальных институтов власти. Не случайно, поэтому основу руководства антисоветского подполья составляли представители национальной интеллигенции (в том числе и из армейской среды), остро воспринимавшие ущемление национальных чувств и являющиеся проповедниками агрессивного национализма.

Существенным было также и то, что деятельность националистических организаций в данных регионах представлялась не только борьбой за государственный суверенитет и национальную независимость, но и борьбой с коммунистическим атеизмом, с безбожниками и врагами церкви. Поэтому сепаратизм в данном случае принимал и конфессиональный оттенок. Вследствие вышеперечисленных причин вооруженная повстанческая борьба,

которую развернули националистические банды, освященная к тому же догмами веры, вовлекла в свои ряды значительную часть населения.

И еще одна особенность, которая характеризует деятельность сепаратистов Прибалтики и Западной Украины в рассматриваемый период заключалась в том, что особую роль в развертывании антисоветской вооруженной борьбы в данных регионах сыграло инспирирование сепаратистской выступлений в регионе военно-политическим руководством иностранных держав с целью дестабилизации внутривосточной обстановки в СССР. При этом важно подчеркнуть, что вся антисоветская деятельность базировалась в 1939-1940 гг. на ожидании вмешательства враждебных СССР внешних сил. Во многом реализации вышеназванной установки способствовала предвоенная военно-политическая обстановка, подготовка фашистской Германии к агрессии против СССР. Использование антисоветского подполья на территории, в частности Прибалтики, серьезно учитывалось военно-политическим руководством Германии при планировании нападения на СССР. Гитлеровское руководство не только поддерживало в предвоенные годы деятельность прибалтийских и западноукраинских бандформирований, но и развернуло активную подготовку диверсионных групп. Для проведения диверсионных акций в полосе наступления 4-й танковой группы в состав подразделений полка «Бранденбург» были включены бывшие граждане прибалтийских государств и жители западноукраинских областей, специально обученные для проведения подрывных акций и саботажа. Группами диверсантов совместно с националистическим подпольем в первые дни войны были осуществлены диверсии на наиболее значимых военных объектах.

На протяжении трёх с половиной лет германское командование через представителей антисоветских бандформирований проводило в Прибалтике мероприятия оккупационного режима. Для этого в каждом населенном пункте были созданы группы активистов с целью оказания помощи немецким оккупационным войскам в контроле за местным населением и охране важных объектов. Также создавались органы «самоуправления», полицейские и карательные отряды по образцу германских. Их основным контингентом явились члены фашистских организаций, бывшие полицейские и офицеры национальных армий, а также представители маргинальных слоев.

Поражение немецко-фашистских войск под Москвой, а затем под Сталинградом заставило немецкое командование пойти на создание национальных воинских частей для использования последних на фронтах против Красной Армии. Были созданы «Литовский», «Эстонский», «Латвийский» легионы СС и другие формирования. Основной их костяк составили члены националистических организаций и бывшие офицеры. В легионы в массовом порядке вступала и молодёжь, главным образом для того, чтобы избежать вывоза в Германию. Один из руководителей националистического подполья Эстонии Херман Сум Берг так оценил характер данной мобилизации: «Мы... вели агитацию в поддержку мобилизации эстонского населения в фашистскую армию. Мы сознательно запугивали народ приходом Красной Армии. Все это вело к тому, что некоторые люди, поверив пропаганде, даже вышли из лесов, где скрывались от мобилизации в немецкую армию. Нам удалось своей продуманной агитацией, которую мы вели по инструкции, полученной из Стокгольма, вовлечь многих эстонцев в германский вермахт и военно-фашистскую организацию «Омакайтсе», к участию в боях против советских войск»⁹⁵.

Аналогичным образом шло развитие сепаратизма и на Украине, начавшееся в 1939 г. сразу после вхождения в состав СССР областей Западной Украины и продолжавшееся практически до середины 50-х гг. Организационной структурой направлявшей деятельность антисоветских организаций являлась «Организацией украинских националистов» (ОУН), главная цель деятельности которой была изложена в ее программе «Национальное освобождение украинского народа и создание независимого украинского государства». В данной программе в частности, отмечалось, что идея «суверенного соборного украинского государства» стала в XX веке «основой нового украинского мировоззрения и нового политического движения, движения националистического». В соответствии с данной программой «великое соборное украинское государство» виделось оуновцам от Карпатских гор до Волги и от предгорий Кавказа до верховий Днепра. В него должны были войти помимо украинских земель и некоторые сопредельные районы Венгрии, Польши, России, Румынии. Никаких федераций или конфедераций с

---

⁹⁵ Бочарников И.В. Исторический опыт ликвидации. -М., 1999 г.

государствами, владеющими этими землями, программа не признавала и заранее отвергала, представляя подобные идеи как попытку «измены национальному идеалу». Уже на I Большом собрании украинских националистов (ВЗУН) было заявлено, что ООН ведет вооруженную борьбу против «четырех государств-оккупантов», захвативших Западную Украину. При этом основным врагом объявлялся Советский Союз.

Сложной в этнополитическом отношении являлась обстановка и на Северном Кавказе. После подавления вооруженного восстания под руководством Н.Гоцинского и Саид-бея сепаратистские антироссийские выступления в регионе приобрели характер систематической дестабилизации внутривосточной обстановки посредством деятельности характерных для данного региона протестных выступлений - восстаний, бандитизма и воровства государственного имущества. Проявления политического бандитизма (по терминологии 20-40-х годов XX века) и продолжалось на протяжении всего предвоенного периода. Так, по данным ОГПУ, с момента установления советской власти на Северном Кавказе и по 1941 г. включительно, например, только на территории Чечено-Ингушетии произошло 12 вооруженных восстаний и выступлений с участием от 500 до 5000 боевиков. За это же время в результате проведения агентурных и чекистско-войсковых мероприятий на данной территории удалось предотвратить 3 крупных вооруженных восстания. Деятельность бандформирований отмечалась и в другом потенциально конфликтном регионе Северного Кавказа - Карачаево-Черкесской области.

Фашистская агрессия против СССР стала действенным фактором активизации антироссийски настроенных националистических сил Северного Кавказа. Главную роль в этом беспокойном районе вновь захватили чеченцы. Они массово уклонялись от призыва в действующую армию, уходили в горы, откуда ради пропитания и одежды совершали грабительские набеги на поезда и селения. Только с 1 января до 22 июня 1941 г. на территории Чечено-Ингушетии был зарегистрирован 31 факт бандпроявлений, а в период с 22 июня по 3 сентября 1941 г. - 40 аналогичных фактов. На 20 октября 1941 г. продолжали активно действовать 10 банд. К декабрю 1941 года чеченские бандформирования активизировались настолько, что для борьбы с ними был создан специальный 178-й мотострелковый батальон оперативных войск НКВД

(в январе 1942 года он был развернут в 141-й горнострелковый полк, предназначенный исключительно для борьбы с бандформированиями в регионе).

Обстановка во многом осложнялась тем, что за годы советской власти были допущены перекосы в коллективизации, репрессии в отношении местных руководителей, духовенства, интеллигенции, которые создавали потенциально конфликтную ситуацию в регионе. Эти обстоятельства оказались в центре внимания немецких спецслужб. «С первых дней Великой Отечественной войны, - доносил в Ставку военный совет Северо-Кавказского военного округа, - резко активизировались националистические элементы на всей территории Северного Кавказа, в особенности в Урус-Мартановском, Ачхой-Мартановском и Советском районах Чечни». С тревогой отмечалось, что местное население в основной своей массе не желает участвовать в войне против немецких захватчиков. Подверженные такому настроению, две трети мужчин, подлежащих призыву, уклонились от него. При этом чеченцы и ингуши выступали с нападениями на соседнюю Осетию, мужское население которой практически поголовно было мобилизовано. Недвусмысленно заявляли, что если в войну вступит Турция, то они вырежут все русское население. Мужчины уходили в горы, где создавали банды, численность которых доходила до 600-700 человек.

Нередки были случаи, когда уже призванные в армию чеченцы и ингуши с оружием уходили в горы, вливаясь в эти отряды. Руководили бандами, как правило, бывшие партийные или государственные работники из местных органов власти. Так, в феврале 1942 года в Шатое и Итум-Кале поднял мятеж бывший прокурор Чечено-Ингушетии Майрбек Шерипов, который объединился с ранее действовавшей бандой Хасана Исраилова. Был создан объединенный штаб и повстанческое правительство. В июле этого же года сепаратисты приняли воззвание к чеченской и ингушской нациям, в котором говорилось, что кавказские народы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство взамен на признание независимости Кавказа.

Перенос линии фронта на территорию Северного Кавказа и появление там фашистских войск вызвало новый всплеск антисоветских и антироссийских настроений среди горцев. Участились нападения на отдельные воинские

подразделения, тылы и транспорты. Стали массовыми случаи террористических актов против военнослужащих и отдельных граждан, диверсий на предприятиях, коммуникациях, линиях связи. Немецкая агентура пыталась координировать действия местных повстанческих отрядов, а также спровоцировать в тылу Красной Армии вооруженные выступления против советской власти. С этой целью распространялись немецкие листовки, в которых стравливались народы Кавказа обещанием каждому из них земли соседей. В листовках систематически напоминалось об обидах столетней давности, причиненных русскими. Чеченцев призывали уничтожить «русских захватчиков» и помогать «Великой Германии». Противник рассчитывал на т.н. «кавказский эксперимент», суть которого сводилась к организации всеобщей борьбы населения Кавказа с советской властью. Используя национально-бытовые особенности населения Чечни, повстанцы угрозами и распространением слухов о неизбежной гибели советского государства спровоцировали вооруженные выступления против советской власти, произошедших разновременно в период с 28.10 по 8.11.1941 г. Только лишь своевременно принятыми мерами эти выступления были быстро ликвидированы. Часть участников выступлений возвратились в свои селения, а большинство, в т.ч. организаторы и руководители, скрылись в горах и перешли на нелегальное положение.

Наиболее высокой интенсивность действий бандформирований и террористических групп на Северном Кавказе была в 1942 г. Так, только на территории четырех районов Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР (Дербентско-Табасаринского, Кайтакского, Хивского и Касушкентского) в сентябре 1942 г. действовало 33 бандгруппы численностью до 500 чел., вооруженные автоматами и другими видами стрелкового оружия. Действия бандформирований имели место и в других регионах Северного Кавказа, в частности в Карачае и Балкарии. Эти районы подвергались временной оккупации германскими войсками, в ходе которой здесь были созданы вооруженные отряды из числа дезертиров и националистов для использования их в борьбе с партизанами, разведчиками Красной Армии, а также в качестве проводников в горной местности. Всего на территории Карачая в период

оккупации его фашистами и несколько месяцев спустя действовало около 65 антисоветских группировок общей численностью до 4 тысяч человек.

Таким образом, во всех трех регионах в предвоенные и, особенно, в годы Великой Отечественной войны осложнилась этнополитическая обстановка, вызванная развитием процессов сепаратизма, принявших форму открытого вооруженного противодействия националистических формирований органам государственной власти СССР. При всем своем различии рассматриваемые процессы объединяла общая сепаратистская направленность, предполагавшая отделение от СССР с последующим созданием собственной государственности. Другим важнейшим признаком, характеризовавшим указанные выступления являлась ставка на внешний источник поддержки антисоветской деятельности - фашистскую Германию, представлявшую для СССР наиболее значимую угрозу.

Это в значительной мере усиливало опасность сепаратистских процессов в данных регионах. В то же время, открытая поддержка оккупантов и участие в карательных акциях в конечном итоге дискредитировали националистические движения не только на оккупированных территориях СССР, но и в глазах мирового сообщества. Именно этим, очевидно, объясняется тот факт, что в послевоенный период деятельность данных организаций практически была свернута и антироссийские настроения в Прибалтике, на Западной Украине и в других регионах носили, как правило, латентный характер.

При этом, очевидно, что одним из важнейших условий победы советского народа в Великой Отечественной войне явился, безусловно, проявленный в годы суровых испытаний интернационализм народов Советского Союза. Это явилось главным просчетом гитлеровских, а также других западноевропейских аналитических центров, предполагавших, что национальное многообразие в СССР является наиболее уязвимым компонентом его государственной конструкции и держится исключительно на политических репрессиях.

Интернационализм, проявившийся в годы Великой Отечественной войны, явился закономерным следствием наличия общей опасности для всех народов СССР и ненависти к оккупантам, проводившим на завоеванных территориях политику расовой дискриминации. Вполне закономерно произошла интеграция общности, объединенной общими суровыми испытаниями и общей идеей

освобождения страны от немецко-фашистской оккупации и последующего преодоления разрухи и других последствий агрессии внешнего врага.

Таким образом, по итогам войны в плане дальнейшего государственного строительства создалась уникальная возможность конструирования единой нации-государства, объединенной общей идеей советского патриотизма и общими целями построения нового общества. Решающее значение в этом плане сыграла, безусловно, Великая Отечественная война, ее ход и особенно результаты. И поэтому, несмотря на попытки пересмотра результатов войны, интеграции народов Советского Союза, их консолидация и создание уникальной в истории полиэтничной и поликонфессиональной общности - советского народа являются очевидными важнейшими ее итогами.

Интернациональное единство являлось, не только краеугольным камнем государственной идеологии, но и основой межэтнических отношений, поскольку в Союзе действительно отсутствовало какое-либо угнетение по национальному признаку, по крайней мере, на уровне центр - союзные республики. Что же касается другого уровня союзные республики - автономии, то здесь периодически все же имели место вспышки межнациональных противоречий, носившие впрочем, локальный характер территориальных, социально-бытовых, но не межэтнических противоречий.

Главной ошибкой советского политического руководства в данном случае явилось то, что данный результат был отнесен исключительно к заслуге КПСС, как «руководящей и направляющей силы советского общества», что в свою очередь, давало повод для дальнейшего экспериментирования над национально-государственным устройством страны в рамках решения, так называемого национального вопроса, суть которого сводилась к постепенному выравниванию образовательного, культурного, жизненного уровня народов.

При этом во главу угла советской национальной политики в послевоенный период, несмотря на «развенчание культа личности» было положено уже цитировавшееся выше сталинское определение нации, основывавшееся на отождествлении этнического и национального, определении этноса и нации через внешние признаки и редукции этнической проблематики к экономике. Данный подход предопределил всю национально-государственную советского руководства, причем именно в этой сфере был продемонстрирован

поразительный популизм и волюнтаризм. Другими словами, советское руководство вновь встало на путь экспериментирования в вопросах национально-государственного устройства без какого - бы то ни было научного обоснования и прогнозирования последствий.

Так в частности в рамках решения данного вопроса, подверженное стремлению добиваться популярности любой ценой, особенно за рубежом, советское руководство в лице Н.Хрущева и его окружения, произвело ряд преобразований в административно-территориальном устройстве союзных республик. В интересах укрепления ряда из них была передана часть территорий из состава РСФСР Украинской (Донбасс и Крым) и Казахской ССР (юг Оренбургской степи). Из состава Украины в свою очередь в состав Молдавской был введен регион Приднестровья. В результате произошла не только перекройка административных границ, но и фактическое перераспределение весьма значительной части населения с тем, чтобы с одной стороны, искусственно увеличить численность ряда новообразованных союзных республик, а с другой, направить наиболее квалифицированный человеческий потенциал для подъема экономик слаборазвитых республик.

Другим направлением реализации политики выравнивания социально-экономического уровня союзных республик явилось инвестирование значительных средств в экономику союзных национальных республик, большинство из которых вплоть до распада СССР так и оставались дотационными. Так, был направлен значительно научно-технический и производственный потенциалы в республики Прибалтики в интересах преобразования данного региона из традиционно сельскохозяйственного в индустриальный. Важнейшая цель, которая при этом преследовалась, создать витрину социалистического общества при том, что само общество функционировало и развивалось в режиме постоянного перенапряжения своих материальных и духовных ресурсов, испытывая значительные трудности социально-экономического характера.

Аналогичным образом значительные материальные и финансовые средства направлялись в другие регионы, следствием чего стали такие грандиозные кампании, как: подъем целины в Казахстане, орошение земель в пустынях Туркмении и целый ряд других акций, имевших не столько

экономический, сколько политический характер демонстрации достижений социализма. Все это, конечно же, способствовало подъему экономик национальных республик, но при этом как из «бездонной бочки» выкачивались ресурсы из самой Российской Федерации, особенно ее центральной части. В результате центр Российской Федерации оказался одним из наименее развитых в социальном отношении регионов, а уровень жизни населения в самой краях и областях был несопоставим с уровнем населения титульного населения республик Закавказья и Прибалтики.

И, наконец, третье направление, хрущевского периода советской национальной политики, касалось реабилитации репрессированных народов, в ходе которой были возвращены гражданские права и разрешено вернуться на историческую малую родину определенной части граждан, репрессированных по этническому признаку. Ход и результаты реабилитации, свидетельствуют о том, что данная акция проводилась в интересах исключительно создания положительного имиджа нового советского руководства и самого Н.Хрущева в рамках политики преодоления «культы личности». Заметим, что данная реабилитация проводилась избирательно и не распространялось на абсолютное большинство граждан репрессированных по этническим мотивам. Произведенное, таким образом «покаяние» хрущевского руководства и перекладывание ответственности за депортацию народов на прежнее руководство в конечном итоге сыграло крайне негативную роль в развитии этносепаратистских процессов в стране. Оно создало прецедент виновности и ответственности не конкретных личностей, а всего государства перед тем или иным этносом. Это с одной стороны позволило уйти от ответственности конкретным исполнителям данной акции, а с другой - заложило синдром коллективной безадресной виновности, как самого государства, так и государствообразующего этноса.

В целом, как показывает анализ данных направлений национальной политики советского государства в послевоенный период, волюнтаризм и популизм высших должностных лиц государства явился основным фактором, определившим дальнейшее развитие советской государственности. И в этом плане вполне очевидным явилась ее парадоксальность, заключающаяся в стремлении одновременно развивать сразу две противоположные тенденции -

интеграцию общества в гражданскую нацию («единый советский народ») и саморазвитие малых этносов «до наций», включая создание союзных и автономных республик.

Осуществление первой тенденции было в принципе обычным нациестроительством, лишь окрашенным в «камуфляжный» классовый цвет «пролетарского интернационализма»⁹⁶. Политическое и экономическое равенство всех граждан независимо от национальности гарантировалось не только Конституцией и законами СССР, но и политикой правящей партии и являлось залогом стабильного развития государства. Тем более, что интернационализм и дружба народов являлись официальной идеологией, в то время как национализм даже на бытовом уровне подвергался преследованиям, в том числе и в уголовном порядке. Само гражданство приобреталось по факту рождения, независимо от знания языка и национальности.

Настойчивая же реализация второй тенденции - это исключительно результат неразличения этноса и нации в теории и на практике. Руководители страны «стали конструировать «социалистические нации», составлять их перечень, закреплять в Конституции»⁹⁷. В результате страна превратилась в действительно «многонациональное» государство, в котором, по мнению А.Манугяна и Р.Суни: «...парадоксально и вопреки ожиданиям коммунистов и большинства западных наблюдателей образовались новые нации, более сильные и более сплоченные, чем исторические этнические сообщества, на основе которых они возникли»⁹⁸.

Таким образом, «диалектическое» совмещение несовместимых политических тенденций привело к росту латентного потенциала этнической деструктивности, накоплению невиданно острых противоречий, которые выплеснулись наружу после ослабления центральной власти на рубеже 80-90-х годов XX столетия. Распад Советского Союза был во многом обусловлен тем обстоятельством, которое Р. Суни обозначил как «реванш прошлого», в результате которого СССР пал жертвой организованного Москвой процесса

⁹⁶ Тишков В.А. Что есть Россия? (перспективы нациестроительства) //Вопросы философии. 1995. № 2.С. 5-6.

⁹⁷ Он же. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений //Советская этнография. 1989 № 5. С. 10.

⁹⁸ Манугян А., Суни Р. Советский Союз: национализм и внешний мир //Общественные науки и современность. 1991. № 3. С. 107.

нациестроительства и фактически ей же выращенного национализма среди нерусских народов⁹⁹.

По сути дела, в рамках единого полиэтнического Советского государства шло скрытое строительство национальных государств, о чем свидетельствует не только наличие суверенитета в суверенитете (которыми обладали Украина и Белоруссия, являвшиеся членами ООН), обладание национальными республиками различными атрибутами государственности, вплоть до государственного языка титульного этноса республики (Грузия, Армения), но и фактическая «суверенность» республиканского руководства, от которого требовалась лишь приверженность идеям марксизма-ленинизма. Во всех остальных вопросах органы власти союзных республик были практически автономны. Сама Советская Федерация в результате всех произведенных преобразований приобретала характер конфедеративного государственного устройства.

Основанная на сомнительной в методологическом отношении «теории нации» советская национальная политика была внутренне противоречивой, а потому тупиковой и обреченной на неудачу. С одной стороны, существовала официальная доктрина дружбы народов, которая, конечно же, не была пустым звуком и в значительной мере способствовала мирному сосуществованию народов СССР на протяжении нескольких десятилетий. С другой стороны, среди малых народов руками властей взращивался латентный этнический национализм, важнейшим направлением которого являлась целенаправленная политика выращивания «национальных кадров» для управления «своей» республикой или автономией. В результате практически во всех союзных республиках благодаря гипертрофированному отношению к национальным кадрам, а также развитым и прочным кланово-племенным связям, власть безраздельно стала принадлежать представителям «титульного» этноса, взявшим таким образом контроль практически над всеми реальными ресурсами в республиках - экономическими, политическими и культурными. В результате был искусственно сформирован феномен советской национальной этнократии,

---

⁹⁹ Suny R The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford. 1993. P. 10).

для которой местнические и клановые интересы, безусловно, превалировали над общегосударственными.

Закономерным итогом данной амбивалентной и противоречивой национальной политики явилось то, что национализм - острейшая для федеративного государства проблема, взорвалась целым комплексом малых локальных вооруженных конфликтов на этнической и конфессиональной основе, закономерно завершившимся демонтажем основных политических, социальных и идеологических конструкций, обеспечивающих функционирование многонационального государства.

Примечательно в этом плане то, что именно в СССР проблема сепаратизма проявилась в наиболее радикальной и острой форме - этнической. Это стало следствием не столько того, что Советский Союз являлся самым многонациональным государством мира со сложной и громоздкой федеративной системой, но и потому, что сама проблема сепаратизма, объективно присутствовавшая в многонациональном государстве была инициирована кризисом межэтнических отношений. К концу 80-х годов XX столетия эти отношения обострились до предела, приняв в конечном итоге форму вооруженных конфликтов.

Процесс распада Советского Союза, дезинтеграция постсоветского пространства и современная отечественная политическая практика позволяют в полной мере проанализировать развитие сепаратистских тенденций в СССР в динамике, на примерах развития обстановки в наиболее кризисных регионах.

В Прибалтике, например, одном из наиболее слабых звеньев советской государственности, сепаратизм находился в постоянной, хотя и в латентной форме. Проявления антисоветских настроений, подогреваемых как зарубежными центрами эмиграции, так и госдепартаментом США (которые так и не признали факт вхождения прибалтийских республик в состав СССР) в основном формировались в среде интеллигенции. В силу замкнутости данного слоя (его обособленности не только на общесоюзном, но и на республиканском уровне), казавшейся незыблемости основ советского государственного устройства, а также сравнительно высокого уровня жизни идеи сепаратизма долгое время не находили поддержки среди населения данных республик. Значимую дестабилизирующую роль в развитии сепаратистских процессов

здесь также сыграли события в Польше, где на протяжении практически десятилетия развивались кризисные социально-политические процессы, основанные на неприятии чрезмерной экономической и особенно политической зависимости от СССР и, напротив, оторванности по идеологическим мотивам от преуспевающих стран Запада. В этом плане значение событий в Польше, как фактора, оказавшего наиболее значимое влияние на дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в сопредельных районах СССР очевидно требует своего отдельного исследования, поскольку речь идет о мощном внешнем источнике кризисности закономерно отразившемся и на политических процессах в СССР.

Более чем, очевидно, что кризисные социально-политические процессы в сопредельной Польше не могли не сказаться соответствующим образом на развитие обстановки в прибалтийских советских республиках. В то же время в самой Прибалтике открытые антиправительственные выступления по примеру Польши в рассматриваемый период были не невозможны, в силу высокой вероятности адекватной реакции на антигосударственные проявления. Поэтому необходимо было найти наиболее уязвимое звено в национально-государственной конструкции Союза, которое бы сыграло роль детонатора в дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране. Таковыми оказались республики Закавказья, столь же национально обособленные от других республик Советского Союза и, прежде всего Российской Федерации и в то же время, обладавшие значительным потенциалом конфликтности и деструктивности. Данное обстоятельство и было использовано как лидерами националистических организаций ряда союзных республик, так и сформировавшейся в годы перестройки «демократической» оппозицией в столице СССР - Москве.

Непосредственно же сами истоки процессов дестабилизации обстановки в Закавказье берут свое начало в Азербайджане, находившимся под мощным идеологическим влиянием со стороны сопредельного Ирана. В данном случае, по нашему убеждению, политические процессы в Исламской Республике Иран, сыграли роль источника дестабилизации обстановки в большей степени, чем упоминавшаяся выше Польша. Тот факт, что на сопредельной территории находилась мощная азербайджанская диаспора, связанная с населением

советского Азербайджана не только узами этнической общности, но и родственными связями в значительной мере стимулировало ирредентистские настроения в республике. Но еще более значимым явился фактор конфессионального ренессанса в Азербайджане, начавшийся под влиянием исламской революции 1979 года в Иране. Показателен в этом плане тот факт, что пришедшее к власти в Иране мусульманское руководство во главе с аятоллой Хомейни фактически объявило войну не только США, поддерживавших свергнутого шаха Пехлеви, но и СССР, который будучи сверхдержавой и осуществляя интервенцию в Афганистан (где также были сильны позиции исламистов), также был объявлен врагом исламского мира. По существу с начала 80-х годов в республике началась скрытая исламизация населения Азербайджанской ССР, которое все больше стало идентифицировать себя, прежде всего, мусульманами, и только затем уже собственно азербайджанцами. Что же касается соотнесения себя с единой общегосударственной общностью - советским народом, то издержки в патриотическом воспитании и слабость союзного центра, оказывавшего все меньшее влияние на политические процессы в национальных республиках, во многом дискредитировали идею общесоюзного гражданства. При этом, если идеи антисоветизма в Азербайджане в рассматриваемый период не получили своего яркого выражения, то лозунг «борьбы с иноверцами» был практически претворен на практике в ходе азербайджано-армянского конфликта. И поэтому неслучаен тот фанатизм, который проявили погромщики в Сумгаите в феврале 1988 года, истоки которого, безусловно, формировались под влиянием внедряемой (из Ирана) в сознание азербайджанского населения республики религиозной нетерпимости.

Непосредственным же детонатором взрыва межэтнических противоречий явилась проблема Карабаха, где на протяжении столетий переплетались судьбы двух народов различного вероисповедания и где, как выше было отмечено, эксперимент 20-х годов с их национально-государственным размежеванием закономерно закладывал основы конфликтности и межэтнических противоречий. Более предметный анализ развития событий дает основания полагать, что карабахская проблема была искусственно раздута, а сами

процессы - фактически спровоцированы руководством Азербайджана и Армении.

Позиция руководства Азербайджана объяснялось необходимостью упрочения своего положения в регионе, население которого более чем на 80% составляли армяне. Представители армянской диаспоры соответственно занимали и все руководящие посты, а также доминировали в социально-экономической сфере автономии. Необходимость изменения баланса в структурах руководящих органах являлась важнейшей задачей азербайджанского руководства, которое осознавало, что без изменения сложившегося баланса в управленческих структурах, не только не удастся укрепить в автономии позиции республиканского руководства, но и предотвратить уже начавшиеся дискриминационные процессы по отношению к азербайджанскому населению.

Что касается позиции руководства Армении, то с одной стороны для него, конечно же, планируемые изменения этнического состава руководства автономии являлись неприемлемыми. Поэтому конфликт между руководством двух союзных республик был вполне предопределен и закономерен. Точкой бифуркации в развитии конфликта и переводе и его в острую фазу вооруженного противоборства явилось событие, казалось бы, не имеющее никакого отношения к этноконфессиональным проблемам региона. Дело в том, что в отношении руководства Армении, начиная с 1988 года, планировались мероприятия аналогичные «узбекскому делу». Динамика развития событий в регионе дает полное основание увязывать данные события с планировавшимися кадровыми перестановками. Так, в газете «Правда» от 5 января 1988 года впервые были опубликованы материалы о недостатках в работе Компартии Армении, что по традиции политической практики того времени являлось своего рода сигналом к кадровым перестановкам. Предотвратить их могли только лишь знаковые политические события. Таковым и оказался события в НКАО, конфликтный потенциал которой был в полной мере использован армянским руководством, посредством инициирования вопроса о восстановлении «исторической справедливости» и присоединения Карабаха к Армении. Примечательно, что в данном случае впервые в советской политической практике вопрос о самоопределении этносов был инициирован не

органами государственной власти, а населением, что поставило в тупик политическое руководство государства, провозгласившего в своих программных документах об окончательном решении национального вопроса в Советском Союзе. Здесь же впервые было поставлено под сомнение и одно из основных положений советской Конституции, гарантировавшей право наций на самоопределение вплоть до выхода из состава СССР.

Рассмотренные выше процессы, имевшие своим следствием первый крупный на территории СССР этнополитический конфликт, закономерным образом инициировали кризисные процессы в других национальных республиках Союза на почве межэтнических противоречий и стремления к повышению статусной роли титульных этносов вплоть до образования независимых национальных государств.

В этом плане примечателен пример Грузии, долгое время остававшимся островком стабильности в Закавказье, и являвшейся своего рода региональным центром, связанным с двумя другими республиками комплексом социально-экономических и политических связей. Данное обстоятельство позволяло руководству Грузии играть роль посредника в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта, поддерживая одинаково добрососедские отношения с противоборствующими сторонами. Тем не менее, находясь в непосредственной близости от очага кризисности, Грузия закономерно подвергалась его дестабилизирующему влиянию и поэтому ее нейтральное положение в очаге нестабильности не могло продолжаться сколь угодно долго, тем более, что в ее приграничных районах с Азербайджаном (Марнеульском и Гардабанском) проживала значительная диаспора азербайджанцев, а в Болнисском и Ахакалакском (сопредельном Армении) - диаспора армян. Что создавало предпосылки к эскалации возможного вооруженного конфликта между данными диаспорами на территории Грузии. Кроме того, начиная с осени 1988 года, постепенно начали формироваться деструктивные процессы уже в самой Грузии, инициированные деятельностью радикальных грузинских националистов, которые, не имея перед собой ярко выраженного объекта противоборства, направили потенциал этнической деструктивности уже на сам союзный центр под лозунгами возрождения истинно «грузинских ценностей и чистоты грузинской нации».

Особую роль в этом плане сыграл и внешний источник инициирования грузинского сепаратизма. Так, например, в период с 16 по 22 ноября 1988 года в Грузии в рамках культурного обмена находилась делегация, возглавляемая министром культуры Эстонии. В ходе визита данной делегации в республике прошла фактическая презентация брошюры «Эстония говорит нет Конституции», в которой излагалась позиция радикального крыла эстонской интеллигенции, взявшей курс на обретение независимости Эстонии. Важнейшим итогом данного «культурного обмена» явилась организованная 22 ноября членами Хельсинской группы во главе с М.Костава и З.Гамсахурдиа голодовка студентов у Дома правительства с аналогичными требованиями.

Тем не менее, несмотря на ярко выраженный национализм в Грузии, призывы лидеров организаций сепаратистского толка в ходе манифестации не смогли вызвать в республике антисоветские настроения. А их призывы о независимости Грузии не воспринимались серьезно. Тем более, что антисоветизм в республике принимал, откровенно антирусский характер, что казалось немыслимым для преобладающей части титульного населения республики в силу наличия многовековых исторических и культурных связей двух народов. Не удалась и попытка грузинских националистов организовать массовые выступления студенчества в память об установлении советской власти в Грузии 25 февраля 1989 г. И лишь 9 апреля 1989 года, после 5-ти дневного массового митинга собранного оппозицией под формальным предлогом выразить протест против решения части абхазской интеллигенции обратиться к союзному руководству с просьбой о выведении Абхазской АССР из состава Грузии и вхождения ее в состав РСФСР грузинским радикалам удалось переориентировать общественное мнение титульного населения республики на антисоветские и антирусские позиции. Так, уже с 8 апреля политические лозунги манифестантов приобрели качественно иное содержание и содержали уже не только и не столько требования пресечь деятельность сепаратистов в абхазской автономии, сколько лозунги антисоветского и сепаратистского содержания, декларировавших идеи выхода Грузии из состава СССР, введение на территорию Грузии войск НАТО и др. Таким образом, в результате данной акции была достигнута важнейшая цель сформировавшейся грузинской оппозиции - консолидация населения во имя реализации

этнократических идей. При этом был найден простой, но эффективный путь их реализации - провокация. Радикальной грузинской оппозиции удалось спровоцировать массовые беспорядки и ожесточенное сопротивление манифестантов органам правопорядка. В данном случае была достаточно эффективно реализована технология «инициирования народного гнева», разработанная спецслужбами США и взятая повсеместно на территории СССР на вооружение националистическими организациями. Но еще более эффективно была реализована другая технология - эскалации кризиса и перевод его в фазу вооруженного конфликта. Главное что преследовалось в ходе реализации данных технологий - создать образ врага и направить в его адрес весь негативный конфликтный потенциал населения. Таковым в данном случае объявлялось союзное руководство, которое не только не в состоянии обеспечить территориальную целостность Грузии, но и якобы оказывает поддержку абхазским сепаратистам. Взрыву этносепаратизма в республике во многом способствовало наличие жертв по итогам пресечения несанкционированного митинга 9 апреля 1989 года. И хотя до сих пор материалы расследования тбилисских событий Тбилиси так и не обнародованы, тем не менее, представляется возможным констатировать, что жертвы, так же как мифологизация самих событий были в первую очередь необходимы, конечно же оппозиции, которая использовала данный факт для в интересах инициирования «народного гнева», который был направлен в необходимое для этнорадикалов русло, а также дискредитации органов власти (и союзных и республиканских) и силовых структур, прежде армии. Именно поэтому основными виновниками событий 9 апреля были определены военнослужащие во главе с командующим КЗакВО генерал-полковником И.Н.Родионовым, применившие, по мнению подготовленной соответствующим образом общественности неадекватное насилие по отношению к мирному населению. Особую роль в этом плане сыграли СМИ (и республиканские, и общесоюзные), которые растиражировали крылатую фразу о том, что «дюжий десантник гнал за 70-летней старушкой и на 3-ем километре добил ее саперной лопатой». При этом авторов данной идеологемы нисколько не смутил ни сам факт ее абсурдности, ни очевидный вред наклеивания ярлыка «каратели» на военнослужащих. Примечательно, что сама фраза «неадекватное насилие», в последующем на протяжении 90-х годов

XX столетия характеризовавшая российскую политику в ходе проведения контртеррористических операций на Северном Кавказе появилась именно тогда в 1989 году.

Не вызывает сомнения и то, что данная акция планировалась, как знаковое событие. Об этом свидетельствуют не только содержание лозунгов, но и тех практических мероприятий, которые осуществлялись этнорадикальной оппозицией по подготовке и осуществлению силового противодействия органам правопорядка и войскам, привлеченным для пресечения беспорядков. Все это свидетельствует о том, что события, произошедшие в Грузии в начале апреля 1989 года, являли собой не просто массовые беспорядки на этнической основе, а открытое проявление этносепаратизма.

В последующие годы данное выступление на официальном уровне было признано как одно из первых проявлений возрождения национального самосознания, демократизации общества, а его организаторы в самой Грузии были объявлены национальными героями. Главный же итог произошедших событий заключается в том, что грузинскими этнорадикалами была продемонстрирована возможность и способность мобилизовывать на реализацию этнократических идей огромные массы людей, а также возможность успешного противостояния органам государственной власти.

Феномен Грузии и в целом всего Закавказья в данном случае заключался в апробации и реализации первых сепаратистских устремлений, повлекшее за собой дальнейшую эволюцию сепаратизма в остальных национальных республиках Союза, где сначала осторожно, а затем по нарастающей и все более настойчиво стали озвучиваться антисоветские, антирусские и в целом сепаратистские лозунги.

Вслед за Грузией, например, идею незаконной оккупации озвучили националисты Молдавии, Тувы, а затем и прибалтийских республик; идею «самостийности» - этнорадикалы Украины; «восстановления прав репрессированных народов» - представители крымских татар, турок-месхетинцев и ряда народов Северного Кавказа; «недопущения вымирания малочисленных народов» - народные депутаты от национальных образований Крайнего Севера и Дальнего Востока. Национальная идея, таким образом, стала для представителей национальных элит средством политического

самоутверждения, так как она играла огромную мобилизующую роль. В условиях назревшего социально-экономического и политического кризиса, эта идея придавала дополнительный смысл участию в политической деятельности огромного числа людей, воспринимавших «центр» не иначе как основное препятствие для своего процветания. При этом соображения политической и экономической целесообразности, а также объективная оценка истории межэтнических отношений отступили на второй план, и развитие событий определялось иррациональной логикой противостояния союзному центру. Идея обретения независимости стала, таким образом, доминирующей в программных заявлениях сепаратистских организаций и их лидеров. Сами же сепаратистские процессы обрели характер «цепной реакции», поражая в своем развитии все большее количество национальных образований СССР.

Обращает на себя внимание в этой связи динамика развития сепаратизма в национальных образованиях, наиболее значимыми этапами, эволюции которого автор, выделяет следующие.

1. Возрождение родного языка и элементов этнической культуры.

Практика зарождения и эволюции сепаратистских процессов на территории СССР показала, что исходной точкой политической деятельности всех без исключения националистических образований являлось ни что иное, как борьба за возрождение своего родного языка, незаслуженно, по их мнению «вытесняемого как из административно-государственного управления, так и из сферы бытового общения».

Возрождение родного языка и элементов культуры, как наиболее приемлемые и понятные большинству граждан цели политических преобразований явились импульсом для пробуждения национального самосознания и стимулом для их консолидации по этническому признаку.

Укрепление чувства этнической общности, наращивание этнической идентичности.

Важнейшей чертой данного этапа является искусственное разделение населения на коренных жителей национального образования (титульный этнос) и пришлых (мигрантов). Последние соответственно должны вести себя как «гости» на территории, на которой они проживают. Данную идеологию должны были воспринимать априори все жители того или иного национального

образования (республики) и, особенно представители титульного этноса. В противном случае они объявлялись врагами нации и подлежали, также как и мигранты, лишению гражданских прав.

3. Этническое самоутверждение через усиление этноцентризма и формирование этнонационалистических политических организаций.

В ходе данного этапа эволюции сепаратистских процессов наиболее явственно реализовывался древнейший принцип разделения населения по признаку: кто не с нами, тот против нас. Это, в свою очередь явилось важнейшим стимулом для представителей титульных этносов в процессе их самоидентификации и вынужденной поддержки националистических организаций, а также лозунгов, идей и целей ими декларируемых.

Данное требование в процессе эволюции сепаратизма становится в конечном итоге основой политической деятельности националистических организаций и основным программным лозунгом в реализации этнократических идей. Что, в конечном итоге и определили феномен «массовости» националистических движений и организаций.

Этому во многом способствовала и сама практическая деятельность лидеров сепаратистских организаций по мобилизации представителей титульного этноса на реализацию насущных и бесспорных целей и потребностей.

Так, например, с безобидными на первых порах экологическими целями в Чечено-Ингушетии в 1988 году был создан Народный фронт (во главе с Хож-Ахмедом Бисултановым), который ускорил в автономии появление на свет нацдвижений и партий. В ноябре 1990 года по инициативе Народного фронта был проведен первый общечеченский съезд (конгресс), на котором, в качестве гостя, присутствовал и Д.Дудаев, возглавивший в сентябре 1991 года уже Исполком ОКЧН, под эгидой которого в республике фактически и был осуществлен государственный переворот.

Справедливости ради следует отметить, что аналогичные «фронты» были созданы практически во всех союзных республиках, а также в ряде областей самой РСФСР (Новгородской, Ярославской и др.). Характерно при этом то, что в самой Российской Федерации деятельность этих фронтов координировалась американским Институтом поддержки демократических реформ, штаб-квартира

которого, находилась в Свердловске. И, если в самой России деятельность данных организаций носила только лишь антисоветский характер, то в национальных республиках - уже откровенно националистический и антироссийский.

4. «Языковая суверенизация» и вытеснение (ущемление) других языков, в том числе посредством законодательных механизмов.

Характерной особенностью сепаратистских процессов начала 90-х годов XX столетия стало законодательное утверждение статуса государственного языка титульного этноса. До этого таковым статусом (наряду с русским) обладали лишь грузинский и армянский языки в соответствующих республиках. С начала же 90-х годов XX столетия государственными языками в национальных советских республиках стали соответственно: эстонский, латышский, литовский и молдавский. Позднее, уже после распада СССР, данный процесс институализации языков титульных этносов в качестве государственных начался и в республиках Средней Азии. При этом только лишь утверждением государственного статуса языка титульного этноса данный процесс не ограничился. В ряде национальных образований таких, как: Азербайджан, Узбекистан, Молдавия, лидеры националистических организаций, пришедшие к власти в данных республиках, в последующем инициировали и процесс замены алфавита. Таким образом, в указанных выше республиках произошел переход с кириллицы на латиницу в национальных алфавитах.

Дальнейшие шаги этнорадикалов были связаны в целом с вытеснением русского языка из сферы административного управления, бытового общения и, самое главное - из образовательного процесса от начальной до высшей школы. В результате важнейший интегрирующий признак многонационального государства - русский язык был в одночасье поставлен «вне закона», обучение на котором не должно было поощряться и поддерживаться органами власти. Точно также «вне закона» были поставлены и родные языки других нетитульных этносов, проживающих в рамках той или иной национальной республики.

Именно так, например уже в 1988 году грузинские радикалы заявили о том, что все обучение в республике должно осуществляться исключительно на

грузинском языке, а представители русской, абхазской, осетинской, лезгинской и других этнических диаспор, при желании обучать своих детей на родном языке, должны это делать в частном порядке.

Аналогичным образом ущемление русского языка происходило и в других национальных образованиях, в том числе и на уровне некоторых автономий самой Российской Федерации. Главная цель, которая при этом преследовалась разрушить основу полиэтничного единства - средство общения, каковым для всех народов многонационального государства являлся русский язык.

5. Активное отторжение всего чуждого, иноязычного, создание «образа врага» в лице метрополии и «пятой колонны» из представителей другого этноса, проживающего среди стремящегося к суверенизации народа, - превращение этноцентризма в шовинизм и переход этнонационализма в стадию радикализма.

В рамках данного этапа эволюции сепаратизма происходило не только искусственное противопоставление одних этнических групп населения другим, но и конструирование (воссоздание) образа «врага» в лице иных этносов и их представителей как обобщенного типажа носителя исторической вины и ответственности за мнимые или реальные ущемления титульного этноса. Для этого, как правило, использовались и соответствующим образом интерпретировались те или иные факты из истории межнациональных (межгосударственных) отношений с тем, чтобы направить негативный конфликтный потенциал, пораженного националистическими идеями населения в соответствующее русло. Именно таким образом, например, происходила эскалация конфликта в Нагорном Карабахе, в ходе которого, например, с одной стороны, доминирующей идеей стала ответственность турок и близких им по этно-конфессиональным признакам азербайджанцев за геноцид армян 1915 года, а с другой, - ответственность самих армян за вытеснение азербайджанской диаспоры из Зангезура - исторической области их проживания. Аналогичным образом происходило инициирование и эскалация конфликтов и межэтнической напряженности и в других национальных республиках Союза и, прежде всего в Прибалтике, в Крымской и западных областях Украины, Молдавии, в Средней Азии, а также в ряде национальных автономий России (Якутии, Туве, Татарстане).

Примечательна в этом плане, например, появившаяся на рубеже 80-90-годов в учебниках национальных школ топонимика, основанная на присвоении реально существующим географическим объектам наименований в соответствии с вымышленными или давно утраченными их значениями. Посредством этого произвольно воссоздавались образы «Великой Албании»¹⁰⁰, «Великой Армении» и «Великой Грузии», которые, как оказалось, и владели в разные исторические периоды времени обширными территориями Кавказского региона. При этом характерно, что речь шла об одних и тех же территориях, расположенных на пространстве от Каспийского до Черного моря, на которые пусть даже гипотетически (на уровне учебников по истории) стали претендовать все три закавказские союзные республики. Аналогичные пропагандистские акции на северо-западном направлении проводили и литовские националисты, для которых величие их второй родины - Речи Посполитой - также заключалось в обладании пространством от моря (Балтийского) до моря (Черного). Тот факт, что вся данная территория в конечном итоге оказалась в составе Российского государства (будь-то в имперский или советский период его развития) закономерным образом определяло и источник всех «национальных бед и обид» - Россию. Она же вследствие вышесказанного в одночасье обрела в программных документах националистических организаций, образ «государства-оккупанта», проводившего и проводящего политику «этноцида» на территории исконного проживания титульных этносов. При этом представители русскоязычной диаспоры, стали ассоциироваться с носителями имперского сознания и именно в этом заключалась их историческая, по мнению лидеров националистических организаций, вина.

6. Формулирование конкретных целей борьбы - от нетерриториальной культурной (экономической) автономии до полной государственной независимости.

Последовательным этапом в развитии сепаратизма явилась трансформация политических лозунгов и целей националистических организаций. Если ранее, на этапе их становления декларировались в основном цели национально-культурной автономии или же свободной экономической

---

¹⁰⁰ На территории современного Азербайджана.

зоны (Прибалтика), то с учетом вышесказанного требования различного рода националистических движений и организаций постепенно радикализировались, а сами процессы все более обретали характер межэтнических конфликтов, вплоть до вооруженных. Лозунги и декларации возрождения национального языка и культуры последовательно начали замещаться требованиями предоставления большей автономии в управлении национальными образованиями. При этом развитие межэтнической напряженности достигло своего апогея, особенно после событий в Фергане и Ошской долине. Все это делало проблематичным последующее стабильное развитие многонационального советского государства. Выходом из создавшегося положения, по мнению лидеров сепаратистских организаций, могло быть только отделение национальных республик от СССР или же подписание ими нового союзного договора, в котором бы оговаривались новые, особые для них условия участия в Союзе. В противном случае, лидеры сепаратистских организаций, предполагали воспользоваться декларированным Конституцией правом наций на самоопределение.

В рамках реализации данного этапа эволюции сепаратизма получили широкое распространение требования о разделе союзной собственности, в том числе финансовых и экономических ресурсов единого государства. В этот же период началось формирование параллельных государственным органам управления и военнизированных отрядов, которые и должны были обеспечить реализацию на практике идею суверенитета этноса, вплоть до участия в вооруженном конфликте. По сути дела в рамках данного этапа начался откровенный шантаж органов власти союзного государства.

7. «Война законов» с центральной (федеральной) властью, экономическая суверенизация.

Содержание данного этапа определялось, начавшимся повсеместно, в том числе и на территории Российской Федерации, процессом внесения изменений и дополнений в Конституции национальных республик, суть которых заключалась в декларировании приоритетности республиканских законов над общесоюзными, действие которых в случае их не соответствия республиканским могло быть приостановлено.

Таким образом, уже во второй половине 1990 года органы власти большинства союзных республик объявили суверенитет и верховенство республиканских законов над общесоюзными. Общесоюзные законы, равно как и Конституция СССР, решением органов власти национальных республик перестали действовать на их территориях. Верховному Совету и Президенту СССР лидерами национальных республик было рекомендовано привести союзное законодательство в соответствие с республиканскими нормативными актами.

Последовательно начался процесс и изменения их государственной символики (государственных гербов, флагов, названий и т.д.). Параллельно с этим из названий ряда национальных республик исчезли наименования «советская» и «социалистическая». В экономическом плане данный процесс суверенизации проявился во введении в обиход различного рода визиток и купонов, предоставлявших право покупки товаров только для жителей данного региона (республики). Таким образом единая общесоюзная валюта постепенно теряла свой статус единого платежного средства, что являло собой начало энтропии единого экономического и политического пространства, в значительной мере стимулировавшей и сепаратистские процессы.

8. Осуществление фактической суверенизации контролируемой территории, обращение к международным институтам в поисках признания и поддержки своего права на самоопределение.

События августа 1991 года стал фактически кульминацией развития сепаратистских процессов в стране, после которых уже стало очевидным невозможность сохранения единого союзного пространства. Но при этом еще ранее собственного суверенитета фактически добились республики Прибалтики, которые уже в 1990 году сумели с помощью Центра все более заигрывавшего с руководством национальных союзных республик инициировать рассмотрение пакта Риббентропа-Молотова. Глубинный смысл этой акции заключался в обосновании нелегитимности присоединения Прибалтики к СССР. Не менее значимую роль в обретении прибалтийскими республиками государственного суверенитета сыграло и руководство Российской Федерации, в лице избранного президента Б.Ельцина, подписавшего с лидерами балтийских республик правовые акты о признании

им суверенитета данных государств и об установлении между Российской Федерацией и прибалтийскими республиками межгосударственных отношений.

Вслед за республиками Прибалтики аналогичные процессы начались и в Грузии, где по итогам выборов в Верховный Совет республики к власти пришел лидер радикальных националистов З.Гамсахурдиа, также провозгласивший курс на безоговорочное отделение Грузии от СССР. Но еще более чувствительный удар был нанесен со стороны руководства Украины, лидер которой Л.Кравчук, сначала инициировал принятие Верховным Советом республики Декларации о суверенитете, а затем и проведение республиканского референдума по данной проблеме.

9. Провозглашение полной независимости, национализация федерального имущества, международно-правовое признание в качестве субъекта международных отношений - юридическая суверенизация.

На данном этапе развития сепаратизма в СССР происходила фактическая институализация независимых органов управления. Важнейшим событием этого периода явились Беловежские соглашения лидеров трех славянских республик: Белоруссии, Российской Федерации и Украины о денонсации союзного договора 1922 года. Таким образом, Советский Союз как политическая реальность перестал существовать. В этом плане сами Беловежские соглашения и последовавшие затем процессы национализации союзного имущества, в том числе и относящегося к сфере обороны и безопасности государства явились заключительным этапом реализации сепаратистских процессов.

Одновременно с этим происходил и процесс международно-правового признания бывших советских республик посредством установления с ними дипломатических отношений целым рядом государств и, в первую очередь США (европейских постсоветских республик) и Турцией (Азербайджана и республик Средней Азии). Данный процесс происходил в течение всего 1992 года. Введение национальных валют фактически завершило распад СССР с точки зрения единого политико-экономического пространства.

10. Создание этнократической модели политической системы.

В наиболее целостном виде данная модель была реализована в прибалтийских государствах, где дискриминация русскоязычного населения (в

Латвии русских - 48%, в Эстонии - 40%) была возведена уже в ранг официальной политики с цензами оседлости, ограничениями в прописке и гражданстве. Все принятые в постсоветских государствах законы о гражданстве и государственном языке, ущемляющие права русского населения, являются частью осмысленной политики этноцида русских, проводимой местными элитами, стремящимися превратить свои республики в «национальные». Так, например, среди эстонской политической элиты принято считать, что должна быть восстановлена демографическая структура довоенной Эстонии: 90% эстонцев, 8% - неэстонцев. В публикациях посвященных данной теме, в частности утверждается: Эстонию должны покинуть 200-250 тыс. человек»¹⁰¹. Будучи в тот период президент Эстонии Л. Мери, например, открыто заявил: «Мы предпочли бы вернуться в Эстонию, что существовала 52 года тому назад... Существует предел количества русских, которых наше государство, насчитывающее 900 тысяч эстонцев, может абсорбировать»¹⁰². Аналогичная ситуация развивается в настоящее время и в Латвии, где процесс закрытия школ с обучением на русском языке принял характер государственной политики.

Аналогичная политика, проводится и в Туркмении, а также в западных областях Украины, в Грузии и других бывших союзных республиках.

Таким образом, дезинтеграция, явившаяся закономерным следствием сепаратистских процессов в Советском Союзе. Практически все компоненты указанной схемы в том или ном виде нашли свое отражение в процессе развития дезинтеграционных процессов в Советском Союзе и поэтому представленную схему можно считать своего рода универсальной для анализа рассматриваемого явления.

В процессе анализа эволюции сепаратизма в конце 80-90-х годов обращает на себя внимание и сам механизм реализации сепаратистских устремлений. Важнейшей спецификой которого, явилась синхронизация сепаратистских процессов, происходивших фактически по единому сценарию в большинстве союзных республик. Это в свою очередь дает основание определить не только наличие единого координирующего центра, но и также

---

¹⁰¹ См.: Левицкий Л. Найти деньги для мигранта // Известия. 1992. 12 июня.

¹⁰² Бетел Н. Президент Эстонии Леннарт Мери: «Я жалею, что мы так хорошо обращаемся с русскими» // Известия. 1993. 22 дек.

наличие разработанной и согласованной стратегии разрушения многонационального Союза, посредством инициирования и стимулирования сепаратистских процессов.

Среди наиболее общих мер, реализованных в процессе становления и развития сепаратизма на территории СССР, представляется возможным выделить следующие:

подрыв идеологической основы советской государственности путем подмены общегосударственных ценностей национально-этническими;

активизация деятельности диссидентствующей интеллигенции с использованием, при этом наиболее критической массы общества - студенчества.

использование объективного социально-экономического кризиса и эскалация кризисной обстановки искусственным путем;

направление недовольства на конкретного «виновника» кризисов посредством создания образа «врага» (чужого) в общественном сознании населения;

массовые акции протеста, направленные на реализацию этнократических целей (в том числе и ценою возможных жертв, необходимых для обоснования нелегитимности инонационального правящего режима и эскалации кризиса);

нарушение системы управления, посредством создания параллельных структур власти и выведение из подчинения официальных властей правоохранительных органов и важнейших структур обеспечения жизнедеятельности;

контроль над силовыми структурами, а при невозможности этого - их дискредитация;

установление этнократических режимов правления в национальных республиках. Политические режимы новых независимых государств в основу своей деятельности определили именно те механизмы, основным критерием которых явилось олицетворение их суверенитета, независимости и непохожести. Что явилось в свою очередь обоснованием правомерности становления и функционирования именно этнократических режимов и реализованной на практике принципа революционной целесообразности в его этнической интерпретации.

Данный механизм разрушения советской государственности с учетом национальной специфики также последовательно реализовывался во всех союзных республиках и поэтому развитие самих сепаратистских процессов вполне логично укладывался в схему разрушения единого полиэтничного государства и вполне правомерно представлял собой достаточно хорошо подготовленную и скоординированную, по мнению автора, политическую акцию общегосударственного масштаба.

При этом решающим, ключевым моментом в эволюции сепаратизма стала позиция нового руководства РСФСР, которое инициировало принятие Верховным Советом республики 12 июня 1990 года Декларации о суверенитете. Тем самым был фактически провозглашен курс на независимость, то есть отделение от СССР уже самой его основы - Российской Федерации. Именно в этот период сепаратизм в Советском Союзе институализировался и на союзном, и региональном уровнях, получив поддержку не только от этнократических элит национальных республик и органов власти Российской Федерации, но и руководства союзного государства, против которого и был направлен негативный сепаратистский потенциал. И если, националистическим движениям в национальных республиках еще можно было каким-то образом противостоять, обладая властными ресурсами государства, то сепаратизма основы своей государственности - Российской Федерации - Советский Союз, конечно же, выдержать уже не мог. Поэтому, 12 июня 1990 года следует с полным основанием считать поворотным моментом в эволюции сепаратизма в Советском Союзе, предопределившим последующую эскалацию сепаратистских процессов, в том числе и в самой Российской Федерации.

Таким образом, сепаратизм в советский период российской государственности СССР, зародившись на волне пробуждения этнического самосознания, во многом искусственно инициированного, под предлогом возрождения национальной культуры и сохранения традиций и обычаев титульных этносов и, в первую очередь, языка, как важнейшего фактора самоидентификации этноса, в конечном итоге, вполне логично эволюционизировал в направлении радикального изменения существовавшей национально-государственной конструкции Советского государства с последующим обособлением ряда титульных этносов и обретения ими своей

собственной государственности. И, хотя большинство из новообразованных государств постсоветского пространства так и не состоялись в качестве полноценных суверенных государственных образований, тем не менее, главная цель в этом плане была достигнута - наиболее крупное полиэтничное государственное образование в мире было разрушено.

Завершая анализ сепаратизма в советский период российской государственности, следует выделить и основные причины его зарождения и эволюции.

Важнейшей причиной, предопределившей характер, содержание и направленность сепаратистских процессов явился фактор власти, ее достижения и удержания. Именно борьба за власть между официальными элитами национальных республик, традиционно формировавшимися из состава партийно-государственной номенклатуры и контрэлитами (или неформальными), основу которой составляли с одной стороны, национальная интеллигенция, а с другой - зарождавшийся на волне перестройки слой предпринимателей (в том числе и представителей теневой экономики). И, если первые, в силу своей изначальной оппозиционности любому политическому режиму сыграли роль детонатора возмущения, то вторые обеспечили финансово-экономическую основу сепаратистских акций. Но, еще более значимую роль в инициировании и стимулировании сепаратистских процессов сыграла новая интеллектуальная, экономическая и политическая элита, сформировавшаяся именно к середине 80-х гг. XX столетия.

Ее наиболее характерными чертами являлись:

неудовлетворенность в связи с недостаточно высоким уровнем жизни по сравнению с зарубежным;

неудовлетворенность в связи с противоречием между декларируемой идеей равенства всех наций и субъективным восприятием своей недостаточно значительной роли по отношению к собственной этнической группе;

недостаточно обоснованные претензии на руководящую роль во всех сферах экономической, политической, социальной и культурной жизни в своих республиках, где, как считалось, присутствует засилье «русского элемента»;

своеобразное отношение к русским, обусловленное все более обострявшимся противоречием между политической ролью представителей

этой нации и их приниженным социально-экономическим статусом в общегосударственном масштабе, что находило свое отражение в переориентации значительной части национальных элит на зарубежные ценности и идеалы.

В силу выше перечисленных обстоятельств, именно данная группа неформальной элиты сыграла наиболее значимую роль в управлении сепаратистскими процессами. Главным стимулом ее практической деятельности явилось стремление к обладанию властью на каком бы то ни было уровне. Данное стремление к обладанию власти не могло быть реализовано в существовавшей чрезмерно идеологизированной партийно-номенклатурной советской системе управления. Это объяснялось тем, что, во-первых, сам порядок рекрутирования во власть, сложившийся в 50-х годах XX столетия морально устарел и требовал своего коренной модернизации, а во-вторых, изменилась и сама элита (как официальная, так и контрэлита). При этом, если официальная элита в своей практической деятельности руководствовалась отживающими стереотипами пролетарского интернационализма и классовой борьбы и ни в коей мере не хотела видеть назревающих кризисных процессов в советском обществе, то формирующаяся контрэлита воспринимала данные стереотипы, как ни к чему не обязывающие штампы, от которых в любое время можно было отказаться. Поэтому, вполне логично для реализации своих властных амбиций новой элитой и были востребованы результаты кризисных процессов, поразивших советское общество в плане обоснования своих претензий на участие в управлении, как на союзном, так и на республиканском уровне.

Наиболее отчетливо роль данной контрэлиты проявилась в национальных республиках, где она сразу же была признана на национальном уровне, использовав для достижения власти потенциал национальных (в том числе и радикальных националистических) движений. Поставив под контроль деструктивную деятельность последних, она сумела возглавить их и в конечном итоге реализовать в процессе разрушения единой государственности свои властные амбиции.

Другой важной причиной эволюции сепаратизма явился социально-экономический кризис, поразивший СССР в первой половине 80-х годов.

Практически ежегодная смена лидеров государства, порождавшая бессистемность в государственном управлении, грубые просчеты в планировании производства и реализации товаров народного потребления привели к тому, что многомиллионное население страны было фактически переведено на талонную систему обеспечения продовольствием и предметами первой необходимости. Данное обстоятельство явилось одним из наиболее значимых условий девальвации позитивных сторон плановой экономики. Справедливости ради следует отметить, что во многом экономический кризис в Советском Союзе инициирован был искусственно посредством снижения цен на нефть (являвшейся основным источником поступления валюты) странами-членами ОПЕК.

Тем не менее, списывать только на негативное влияние внешних источников дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране было бы не совсем правильно. Очевидно, что решающую роль в этом плане все же сыграли просчеты самого высшего политического руководства Советского Союза, не сумевшего должным образом отреагировать на риски и вызовы складывавшейся неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. В результате практически десятилетний период «талонной системы» в Советском Союзе окончательно дискредитировал его экономическую основу - общественную собственность на средства производства и плановую экономику как механизм реализации потребностей населения страны. Тем самым правящий режим лишил себя поддержки со стороны основной части населения страны и соответственно нивелировал важнейшее основание для реализации властных полномочий - легальности.

Таким образом, одной из наиболее острых для СССР проблем, обусловивших взрыв сепаратизма явился социально-экономический кризис, поразивший основные сферы жизнедеятельности советского общества. Это, в свою очередь, позволяет сделать определенный вывод о том, что сепаратизм представляет собой явление, сопутствующее кризису, в условиях же «сильного» государства сепаратизм если и проявлялся, то только в латентной форме.

В то же время следует отметить тот факт, что явление появилось на благодатной почве. Этому способствовала и более ранняя политика политического руководства, направленная на искусственное выравнивание

культурного и жизненного уровня населения многонационального государства. Главный просчет в этом плане заключался в том, что, как выше было указано, реализовывалась данная политика за счет ресурсов государствообразующего ядра - русского народа. По сути дела, в данном случае политика центра по отношению к доминирующему этносу в стране носила в значительной мере паразитирующий характер, поскольку никаких средств на восполнение его ресурсов никаких средств не направлялось. В конечном итоге становой хребет советской государственности - русский народ оказался в глубочайшем кризисе, причем не только материально-экономического плана, но и социальном и духовном. Именно поэтому в Российской Федерации получили развитие и нашли поддержку идеи освобождения одновременно и от «паразитирующего» союзного центра, выкачивающего ресурсы из областей и автономий России, а вместе с ним и от дотационных республик.

Поэтому не менее значимым фактором явился и кризис собственно государствообразующей этнической группы населения, национального ядра СССР - русского народа. Процессы искусственной деэтнизации, в конечном итоге, дали свои плоды. Тот цементирующий элемент советской национально-государственной конструкции - русский народ оказался одним из наиболее незащищенных в политико-правовом отношении и ущемленным в социально-экономическом плане.

Наконец немаловажным фактором явился и сам кризис федерализма. Изначально нежизнеспособная модель федерации, в которой искусственное равенство за счет интегрирующего ядра, оказавшегося не способного, в конечном итоге на уровне власти отстоять свое право быть таковым – закономерно привело к развитию центробежных тенденций. Слабость центра, его неспособность пресечь развитие данных деструктивных тенденций в конечном итоге и явились тем решающим условием, предопределившим крах СССР.

Эти и другие обстоятельства неизбежно вели к тому, что при ослаблении государственной власти неизбежна война национально-территориальных образований за свою независимость вплоть до образования собственных государств. Это и произошло в начале 90-х годов - Советский Союз распался.

Сразу оговоримся, что Советский Союз - это было сильное, прочное и мощное государство, независимо от тоталитарно-идеологического содержания. Собственно говоря, тоталитарный стержень советской формы государственности и определял ее силу по многим параметрам на международном, внутригосударственном и групповом уровнях организации. Об этом написано немало, в том числе и западными учеными-обществоведами.

По меркам исторического масштаба Советский Союз воспринял от царской российской империи все то, что делало государство сильным: жесткая централизованная вертикальная власть; полный приоритет государственного начала вплоть до огосударствления общественной жизни; создание надлежащих условий для достаточно автономного развития региональных и национально-этнических образований; веротерпимость в рамках многоконфессионального государства и т.п. Однако в самой природе образования СССР и его более чем 70-летнего существования было не только то, что питало традицию сильной российской государственности, но и то, что неизбежно вело к возникновению регионального, особенно национально-этнического сепаратизма. К таким обстоятельствам следует в первую очередь отнести:

организация совместного проживания национально-этнических образований на основе принципа и права наций на самоопределение (в основу административного деления положен не территориальный, а национально-этнический признак);

неравномерность развития национальных окраин, в условиях которой любое патронирование и протекционирование одних национально-этнических образований неизбежно вызывало неприязнь и зависть со стороны других;

сугубо насильственный характер разрешения территориальных и национально-этнических проблем (переселение целых народов было социальной нормой в национальной политике сталинского политического режима);

насильственная русификация культурно-национальных аспектов общественной жизни, сопротивление которой стимулировало усиление регионально-сепаратистских процессов;

глубочайший непрофессионализм политического руководства по части разрешения национально-этнических проблем (решение Верховного Совета СССР и лично Н.С. Хрущева о передаче полуострова Крым Украине).

Таким образом, главным основанием в инициировании и развитии процессов сепаратизма на территории СССР явился фактор достижение власти, что тем более было значимо, поскольку в стране исторически сложилась традиция ее достижения не легитимным и прозрачным для общества способом, а посредством борьбы различного рода элит.

Перспективы развития центробежных тенденций в Российской Федерации

Выше были проанализированы основные истоки сепаратизма, его причины, а также влияние на развитие российской государственности в советский период, выразившееся в эпохальном событии – крушении государства, долгое время определявшим ход и развитие мировой истории. Результаты данных событий, пожалуй, наиболее образно охарактеризовал бывший директор ЦРУ США Р.Гейтс по мнению которого: «В мировой истории не было случая, чтобы столь гигантская империя распалась столь стремительно. Этот катаклизм настолько разметал существовавший порядок и преобразил международный ландшафт, что масштабы произошедшего полностью осознают историки лишь десятилетия спустя»¹⁰³. Думается, что при всей своей предвзятости и большому личному вкладу в инициирование сепаратистских процессов на территории СССР¹⁰⁴, цитируемый выше автор прав в оценке эпохальности данного явления не только для судеб народов постсоветского пространства, но и в целом для современной мировой цивилизации.

Важнейшим итогом сепаратистских процессов в Советском Союзе явилось появление нового феномена современной политической реальности – постсоветского пространства, на территории которого было образовано 15 независимых государственных образований, хотя независимыми и суверенными

---

¹⁰³ Правда. 1993, 2 сентября.

¹⁰⁴ Роль Р.Гейтса в инициировании кризисных процессов в СССР достаточно подробно описана в книге П.Швейцера «Победа, роль стратегии администрации США в «холодной войне».

их можно назвать с большой долей оптимизма. Так, например, по мнению западных аналитиков, с позицией которых солидарен и президент Совета по внешней и оборонной политике С.Караганов, большинство постсоветских государств относится к категории так называемых «падающих» стран, не способных обеспечить свою независимую внутреннюю и внешнюю политику в настоящее время, равно как и свой суверенитет в перспективе¹⁰⁵.

Данная оценка основывается на том факте, что органы управления большинства постсоветских государственных образований, оказались не в состоянии по прошествии более чем десятилетнего периода решить проблемы не только становления своей независимой государственности, но и обеспечить элементарный уровень жизни населения своих стран. Так, например, одна из наиболее процветавших в советский период союзных республик – Грузия, на протяжении всего постсоветского периода не может решить проблему своей территориальной целостности, ее мятежные автономии: Южная Осетия и Абхазия не только не контролируются официальным Тбилиси, но и объявили о собственном суверенитете. С лидерами данных непризнанных автономных образований постепенно солидаризируется и руководство Аджарской автономии, также не воспринимающее политический курс органов центральной власти на унитарное государство. В целом же по оценкам экспертов, руководство Грузии контролирует лишь собственную столицу и ее окрестности, остальная же территория находится под контролем политических структур регионального уровня, в том числе и нелегитимных. Другим характерным признаком суверенитета Грузии явилось резкое обнищание населения, в результате чего более 1.5 миллионов ее граждан находится за пределами республики (в основном на заработках в России), оставшаяся же часть населения существует на грани нищеты, получая в среднем 24-30 лари (примерно 6 долларов) в месяц. Фактически традицией общественно-политической жизни республики стали регулярные острые экономические и политические кризисы, свидетельством чему, например, стали события в

---

¹⁰⁵ При этом многие из государств бывшего Союза занимают территории в пределах границ, не существовавших до 1917 года. Некоторые новые национальные государства никогда не существовали как организованные самостоятельные страны и получили статус республики лишь после 1917 года. Новые государственные образования пытаются стать жизнеспособными национальными государствами, а этот статус проще всего выражается в противостоянии России.

Тбилиси в ноябре 2003 года, закончившиеся свержением президента Э.Шеварнадзе. К этому же следует добавить и то, что внешняя политика Грузии давно перестала быть независимой и в основном формируется под влиянием зарубежных политических структур, в основном Госдепартамента США.

Аналогичная ситуация складывается и в других постсоветских государствах, таких как Украина, Молдова, находящихся также под мощным политическим прессингом США и стран Евросоюза. Долговая зависимость данных стран от международных финансовых структур является важнейшим фактором воздействия на их внутреннюю и внешнюю политику. При этом зарубежные внешнеполитические структуры активно поддерживают и радикальную оппозицию в этих странах как фактор постоянного давления на правящие политические режимы, формируя, таким образом, неустойчивость в них внутривнутриполитической ситуации.

Несколько меньшее давление на себе испытывают в настоящее время республики Центральной Азии, что объясняется большей частью кризисностью самого региона, вызванного событиями вокруг Афганистана и Ирака и соответственно не желанием ведущих мировых держав втягиваться в конфликты, развязанные США, реализующих в последнее время политику своей военно-силовой гегемонии. Поэтому внешнеполитическая направленность деятельности политической элиты данного региона более самостоятельна, чем в Грузии, Украине и Молдове, хотя экономическая конъюнктура и жизненный уровень населения здесь также не соответствуют мировым стандартам и намного ниже, советского периода их развития.

Исключение в этом плане составляют лишь республики Прибалтики, экономическое благополучие которых во многом обеспечивается за счет транзита энергоресурсов из России, что в значительной мере обеспечивает валютные поступления в их бюджеты и, соответственно, сравнительно высокий уровень жизни населения. Хотя и здесь, как показывают социологические опросы, ностальгия по стабильному и материально обеспеченному советскому прошлому достаточно высока, в том числе и среди титульного населения республик.

Таким образом, важнейшим итогом эволюции сепаратизма в Советском Союзе явился распад второй по значимости мировой сверхдержавы, на полтора

десяток новых государственных образований, большинство из которых по прошествию более чем десятилетнего независимого функционирования, так и не состоялись в качестве суверенных. При этом, на политическом пространстве бывшего Советского Союза был провозглашен принцип «политического плюрализма». Под ним понималось непререкаемое и незыблемое право политической независимости для так называемых суверенных государств, возникших из бывших советских республик, что Россия должна была беспрекословно признавать. При этом сама Россия могла рассчитывать лишь на экономическое сотрудничество, которое, как правило, сводилось к требованиям от нее финансовой, энергетической или сырьевой «поддержки».

Другим наиболее значимым итогом распада СССР явилось то, что возникшие на волне перестройки демократические общественно-политические структуры, декларировавшие своей целью освобождение титульных этносов из-под опеки союзного центра, придя к власти в постсоветских республиках, трансформировались в этнодиктатуры «титульной нации» с антироссийской идеологией. Данная идеология в равной степени явилась основой политического курса, как правящих режимов (Латвия, Эстония, Грузия), так и оппозиционных политических партий и движений (Украина, Молдова, Белоруссия), использующих ее в процессе достижения и удержания политической власти. При этом политическое руководство некоторых постсоюзных республик, например, той же Грузии принялось нарочито «натягивать» отношения с Россией, стремясь таким образом утвердиться в мировом сообществе. Другая же часть новообразованных государств (республики Балтии) пытается торговать своей политикой и транзитным положением. Часть республик бывшего СССР выдвинули России свои территориальные претензии. Так, например, до сих пор не закончена делимитация границ с Украиной и Грузией. События в Керченском проливе в октябре 2003 года едва не стали причиной крупного российско-украинского конфликта. При этом Украина претендует на значительную часть акватории Керченского пролива и Азовского моря. Грузия, в свою очередь, претендует на значительную часть Аргунского ущелья; являющегося воротами России на Кавказ. В связи с предстоящим вступлением в блок НАТО, куда не принимаются государства с неурегулированными пограничными проблемами не

сняли свои претензии Литва - на часть Куршской косы в Балтийском море, Латвия - на два района Псковской области, Эстония - на некоторые участки Ленинградской и Псковской областей. Таким образом, Россия, фактически обеспечивавшая в свое время суверенность названных выше государственных образований, в конечном итоге, оказалась объектом их территориальных притязаний.

Наконец, третьим закономерным итогом эволюции сепаратизма и процессов суверенизации постсоветских государственных образований явилось то, что борьба национальных республик против союзного центра обернулась в конечном итоге борьбой автономий против самих бывших республик, в состав которых ранее они входили территориально. Так, в частности настойчивое стремление Грузии выйти из состава СССР и бесконечные обвинения Москвы «во вмешательстве во внутренние дела», «в имперских замашках» и т.д. привели к тому, что она сама встала на порог развала. Абхазия и Южная Осетия попытались «проглотить суверенитета столько, сколько захотели». С политической карты уже исчезла Юго-Осетинская автономная область. Ее заменила аморфная формулировка «цхинвальский регион», под которой понимается фактическое упразднение автономии. Абхазия, настаивающая на договорных конфедеративных отношениях с Грузией, тоже не вписывается в унитарные представления Тбилиси. Аналогичным образом, когда стоило Приднестровью заявить о своем праве на независимость, Молдавия начала борьбу с «сепаратистами», вылившуюся в настоящую войну против собственного народа.

Все это свидетельствует о том, что сепаратистские процессы, происходившие под лозунгом возрождения национального самосознания и становления государственности ряда титульных этносов не только не решили данную проблему, но и привели к совершенно обратному результату.

Главный же итог реализации сепаратистских целей заключается в том, что теперь уже новообразованные государства находятся под прессингом сепаратистских процессов в своих собственных границах, для предотвращения которых используется весь арсенал политических и экономических средств, наиболее значимыми из которых являются лишение гражданства целых диаспор (Латвия, Эстония), а также применение средств вооруженного насилия (Грузия,

Молдавия). Тем самым формируются и закладываются основы будущих социальных конфликтов, в том числе и на этноконфессиональной основе, которые при определенном стечении обстоятельств сыграют свою дестабилизирующую роль.

Данные примеры позволяют выявить последствия сепаратистских тенденций на территории СССР и в то же время проанализировать возможное их развитие в Российской Федерации. При этом, очевидно, что хотя Россия и не относится к названной выше категории «падающих» государств, тем не менее, в отношении нее в официальных документах и прогнозных разработках политологов США и других военно-политических центров мира применяется термин «больной человек Евразии», внутривосточные процессы, в котором необходимо контролировать и регулировать. Об этом, например, недвусмысленно заявлено в докладе министра обороны президенту и Конгрессу США в конце 2001 года¹⁰⁶.

Думается что в этом плане оценка американских специалистов, хотя и преувеличена, тем не менее, не лишена оснований. Подтверждением этому является тот факт, что буквально в одночасье территория Российской Федерации по сравнению с СССР сократилась с 18% до 15% земной суши, население с 268 млн. человек – до 148 млн. Потеря государств-союзников, вывод войск, дислоцированных на их территории, распад социалистического содружества и затем Советского Союза привели к тому, что Россия оказалась на периферии не только европейской, но и в целом мировой политики во всех ее проявлениях. При этом те же западные аналитики характеризуют сложившуюся обстановку вокруг России как «геополитическое гетто»¹⁰⁷. Это лишь далеко не полный перечень последствий очередной трансформации российской государственности, произошедшей под влиянием сепаратизма. Весьма ощутимыми явились и социально-экономические результаты распада Советского Союза, анализ которых, хотя и не является предметом данного исследования, но вполне отчетливо характеризует несостоятельность тех политических сил, которыми были инициированы сепаратистские процессы в

---

¹⁰⁶ См. Доклад министра обороны президенту и Конгрессу США. –М.:МО РФ, 2002.

¹⁰⁷ Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDJL, 1997. - Internet.

стране. Главное же, что породившая фантом сепаратизма по отношению к СССР, Российская Федерация сама встала перед действием этого фантома, подрывающего на протяжении более чем десятилетнего периода ее государственные основы. Начавшиеся, таким образом, сепаратистские процессы в СССР закономерным образом обострили межнациональные и межрегиональные отношения и на территории Российской Федерации.

Это явилось следствием, с одной стороны, воздействия объективных факторов, обусловленных многовековым развитием российской государственности, а, с другой – характером правящего политического режима и содержанием проводимой им политики в сфере национально-государственного обустройства страны.

В этом плане, безусловно, приоритетными являются факторы объективного характера, что определяет их долговременный характер воздействия в значительной мере независимо от правящего в стране политического режима.

Наиболее значимым факторами в этой сфере является традиционно-исторические факторы, сущность которых определяется тем, что территория России (как в прежних своих пределах, так и в нынешних) изрезана не только межэтническими границами, но и межцивилизационными разломами. Даже сегодня, после значительного территориального усечения, наша страна населена народами живущими как минимум в четырех различных цивилизационных измерениях (в соответствии даже с самым крупным членением), - это цивилизации, индикаторами которых выступают православная, сунито-исламская, ламаистко-буддийская конфессиональные идентичности, а также палеарктический культурный комплекс. Естественно, что наличие столь цивилизационных разломов не может не оказывать влияния на развитие российской государственности.

Другим немаловажным объективным фактором, определяющим динамику и направленность современных политических процессов является то, что в национальном отношении Россия представляет собой уникальную общность. С одной стороны, ее можно считать мононациональной, поскольку более четыре пятых населения - русские. С другой, в ней насчитывается более 100 народностей, проживающих в основном компактно на своих исторических

землях и сохранивших, несмотря на мощное притяжение русского языка и культуры, свои языки, культуру, обычаи, традиции, сознание самобытности. При доминирующей роли христианства в его православном ответвлении, около 20 процентов населения исповедуют ислам, существуют крупные общины приверженцев буддизма, иудаизма, то есть практически всех основных мировых конфессий.

Самое же существенное в этом плане то, что многие народности российского государства сохранили собственную субгосударственность или приобрели различные формы политической автономии. Таким образом, несмотря на, безусловно, ведущую и интегрирующую роль русского народа, Россия не стала «нацией-государством» как другие развитые страны мира¹⁰⁸, а, напротив, является полиэтническим и поликонфессиональным государством. Что определяет потенциальную возможность инициирования и развития здесь сепаратистских процессов на этноконфессиональной основе, аналогичных тем, что способствовали распаду СССР.

Следует отметить, что данному обстоятельству, а именно воспроизводству сепаратистских процессов уже на территории Российской Федерации во многом способствовала и политика органов государственной власти России, принявших на себя ответственность за результаты политических и социально-экономических преобразований в стране в начале 90-х годов XX столетия.

Так в частности в начальный период становления новой российской государственности действия политического руководства страны едва ли свидетельствовали о понимании им политической природы дезинтеграционных процессов в стране. Политика властей, в частности нашла свое выражение в том, что национальные процессы абсолютизировались, стали рассматриваться в отрыве от социально-экономической ситуации в России, от мировых процессов. В качестве же образца для подражания был взят североамериканский опыт формирования государственности, основанный на ранней либеральной концепции, получившей название «государства-ночного сторожа», в соответствии с которой регулирующая роль социально-политических и

---

¹⁰⁸ Характерно, что в отличие от английского языка, допускающего употребление понятия Nation в качестве синонима понятия State, в русском языке - эти понятия четко различаются – прим. автора.

экономических процессов органов государственной власти сведена к минимуму. Не случайно, поэтому лейтмотивом преобразований в национально-государственной сфере явился лозунг «берите суверенитета столько сколько слопаете». Таким образом, само государство в лице своих высших должностных лиц фактически отдало важнейшую свою функцию - обеспечение суверенитета на откуп тем политическим силам, которые и подрывали его федеративную основу. При этом, взяв же американскую модель в качестве примера для подражания, устроители новой российской государственности, попытались столь же революционно преобразовать и население страны в одну нацию - россиян. Реформаторам новой политической системы в данном случае представлялось, что для формирования единой государственной системы в процессе перехода от авторитаризма к демократии в условиях полиэтничного общества необходимо выбить основной фактор самоидентификации населения - этничность и таким образом проблема этносепаратизма, как таковая будет решена сама собой. Иллюзорность подобного подхода была очевидна, поскольку толерантность русского народа, являвшегося к тому же и государствообразующим этносом, была спроецирована на все население России. Стратегической же целью иных этносов, число которых на территории России составляет, как выше было отмечено более сотни, и уже почувствовавших вкус суверенизации, явилось не только достижение независимости в том или ином ее виде, но и сохранение своей этнической идентичности. Таким образом, в стремлении избежать конфликтности на почве наличия полиэтничности общества, органы государственной власти напротив обострили межнациональные отношения в ряде национальных образований страны и стимулировали новый виток сепаратистских настроений. Наиболее ярко это проявилось в ходе обмена общегражданских паспортов. Тот факт, что из паспортов нового образца, вводимых в России с начала 1998 года, была убрана графа, определяющая национальность, вызвал негативную реакцию ряда титульного населения целого ряда национальных субъектов Российской Федерации. А в Татарстане, например, вообще отказались в следствие этой причины получать новые паспорта. Таким образом, была совершена принципиальная ошибка в ходе построения новой государственности при опоре на чужой и чуждый политический опыт.

Просчет проявился и в другом аспекте, касающемся самоидентификации населения по конфессиональному признаку. Прорекларировав свободу совести и предоставив всем религиозным структурам равные права и возможности в их миссионерской деятельности, политическое руководство России в начале 90-х годов фактически спровоцировало идеологическую экспансию, с одной стороны, различного рода сект и учений, ряд из которых носили откровенно тоталитарный характер, а с другой, - различных направлений мировых религий, несвойственных для традиционного вероисповедания народов, проживающих на территории России, особенно католицизма и радикального ислама. В результате был искусственно инициирован очаг напряженности уже на религиозной основе, в том числе и между однопорядковыми конфессиями. Именно таким образом, возник очаг напряженности на Северном Кавказе, где образовались целые ваххабитские общины, провозгласившие верховенство своей власти в ряде регионов Дагестана и явившиеся фактически базой для последующего вторжения боевиков со стороны Чечни в августе 1999 года. Аналогичным образом закладывался очаг напряженности и посредством учреждения Иркутского епископата Римской католической церкви, что вывело проблемы межконфессиональных отношений в России на уровень международного конфликта. Но наибольшую опасность в этом плане представляло все же расползание данных нетрадиционных конфессий по территории России с последующим инициированием конфликтов на конфессиональной основе.

Наконец, еще одним просчетом новой государственной власти России и соответственно не маловажным факторов последующего формирования сепаратизма явилось то, что ставка в ходе преобразований была сделана на национальные и региональные элиты. При этом абсолютно не был учтен фактор их претензий на свою долю власти и формулирование ими специфических национальных интересов. Именно поэтому наряду с проблемами национального характера российская государственность столкнулась с проблемами регионализма - политического мышления и административной практики, ставящих на первый план местные интересы. В данном случае, как считает, например, А.Володин, имеется в виду толкование регионализма как тенденции высвобождения из-под опеки Центра, которая оказалась присуща, хотя и в

разной степени, как республикам, так и областям и краям¹⁰⁹. При этом, хотя главным источником и «движущей силой» регионалистских устремлений и послужили интересы и амбиции местных элит, широкую поддержку им оказало само население ряда регионов России в силу неверия в желание центральных властей обеспечить нормальные условия жизни в провинции, а также традиционной убежденности в том, что столица их «обирает», равнодушна к их судьбам¹¹⁰. В свою очередь, действительно недостаточное внимание федерального Центра к региональным проблемам вполне закономерно послужило питательной почвой для проявлений на местах чрезмерной «региональной суверенизации».

В итоге под пресловутым лозунгом «берите независимости столько, сколько сможете проглотить», в подоплеке которого отчетливо прочитывался принцип «власть и суверенитет в обмен на лояльность», начался процесс преобразования уже Российской Федерации в конфедеративное государственное образование. Показательно в этом плане то, что непосредственно сами отношения региональной политической элиты с федеральной политической элитой искусственно выстраивались на ее излишней самостоятельности. Расширение возможностей в распределении собственности в регионах усилило позиции региональной политической элиты в противостоянии Центру. По мере же своего дальнейшего становления и стремления к самостоятельности региональная политическая элита все более концентрировала в своих руках весь объем ресурсов регионального уровня.

Стало чуть ли не нормой, когда местные администрации, поддержанные законодательными собраниями, вводили ограничения на перемещение сырья и товаров за пределы своих административно-территориальных образований, мало заботясь при этом, что такие решения серьезно нарушают федеративное законодательство и даже саму Конституцию РФ. Впервые в новейшей российской истории все регионы перестали бояться Центра и уважать его. Отсутствие страха подтверждалось массовым уклонением от уплаты налогов и от воинской обязанности. Отсутствие уважения к центральным органам власти

---

¹⁰⁹ См. Володин А.В. Социально-политический анализ регионального сепаратизма. Дисс. ... канд. филос. наук. – М.: ВУ, 1999.

¹¹⁰ См. там же.

проявилось в полном равнодушии к высокопоставленным чиновникам и ведомствам федерального правительства, что неоднократно подтверждалось опросами общественного мнения.

Один из основных источников кризисных ситуаций до принятия новой Конституции Российской Федерации заключался в проблеме административного и государственного статуса соответствующих национальных образований. Сразу после распада СССР Россия вступила в полосу глубокого политического кризиса, вызванного своеобразной «игрой на повышение статуса: автономные области превращались в республики, некоторые области объявляли себя республиками (Вологодская и Уральская республики), а республики объявляли о своем государственном суверенитете и даже независимости от России. Симптоматично и создание крупных межрегиональных ассоциаций, которые поддерживают между собой экономические связи, договариваются о создании преференционных режимов и согласовывают требования, предъявляемые Центру («Северо-Запад», «Черноземье», Ассоциация Центрального региона России, «Большая Волга», «Сибирское соглашение», Ассоциация республик, краев и областей Северного Кавказа, Уральская и Дальневосточная ассоциации).

При этом понятие суверенитета использовалось заведомо нестрого и неопределенно (признавались все присущие суверенитету атрибуты только для своего вновь созданного государственного образования и отрицалось право на верховенство законов единого государства во внутренних делах), так как это понятие выступало, прежде всего, в качестве символа, обозначающего определенные притязания элитных групп на расширение своих властных полномочий в общем политическом пространстве.

Так, например, достаточно широкое распространение получили следующие акции региональных элит сепаратистской направленности:

присвоение субъектами Федерации в одностороннем порядке права приостановления действия федеральных законов и иных актов, если они противоречат Конституции (Уставу) или законам субъектов Федерации (Якутия, Башкортостан, Тыва, Коми);

приостановления действия актов федеральных органов исполнительной власти, противоречащих законодательству или интересам населения субъекта Федерации, высказанным на референдуме (Саратовская область);

закрепление отдельными республиками за собой прав объявления военного положения, принятия решений по вопросам войны и мира (Тыва);

принятие республиканских законов о воинской службе (Башкортостан, Якутия, Тыва);

установление субъектом Федерации порядка введения чрезвычайного положения на его территории (Бурятия, Коми, Тыва, Башкортостан, Калмыкия, Карелия, Северная Осетия, Ингушетия и др.);

объявление природных ресурсов собственностью субъекта Федерации (Ингушетия, Якутия, Тыва);

регулирование вопросов внешней политики и международных отношений, закрепление права самостоятельно выступать участником международных отношений, заключать международные договоры (Дагестан, Татарстан, Башкортостан, Тыва, Ингушетия, Коми, Свердловская, Новгородская области, Краснодарский край) и др.

При этом не просто игнорировались федеральные законы, но и фактически разрушалась государственная система управления. В конечном итоге реализация модели «государство - ночного сторожа» применительно к административно-государственной сфере предопределила фрагментарность политической власти в стране, проявившаяся, прежде всего, в том, что федеральный центр начал постепенно утрачивать рычаги управления регионами. Его функции постепенно на себя стали переключать различные международные институты. Так, Международный валютный фонд через Всемирный банк учредил свою, т.е. параллельную, систему управления социально-экономическими процессами в стране. В результате чего достаточно широкое распространение получила практика, когда главы администраций регионов до учреждения смет или других принципиальных показателей социально-экономического развития были вынуждены первоначально отправлять отчеты во Всемирный банк.

Таким образом, определяя сущность современного сепаратизма в Российской Федерации, представляется возможным обозначить его главную

специфику, порождаемую стремлением региональных элит к обособлению и концентрации всей полноты власти на региональном уровне в условиях ослабления политической роли центра, разрушения экономических, социальных и духовных связей российского общества.

По мнению ряда специалистов, серьезно и в динамике отслеживающих эту проблему, уже к исходу XX столетия назревала ситуация, когда стараниями глав региональных администраций территория страны довольно скоро могла быть поделена на «удельные княжества».

Осознав опасность возрастания сепаратизма, политическое руководство Российской Федерации попыталось предотвратить дальнейшую децентрализацию посредством сначала введения неконституционного института представителей президента. Была сделана попытка выстроить таким образом «исполнительную вертикаль». На практике она не увенчалась успехом, в республиках их вообще не было, а в остальных субъектах Федерации их практически «съели» местные политические элиты. Проблему децентрализации управления был призван также решить и Федеративный договор, разграничивающий полномочия центральных и региональных властей.

Принятая в 1993 году Конституция также преследовала цель создания эффективной модели государства, сочетающего национально-территориальный и региональный принципы с тем, чтобы укрепить Российскую Федерацию, нейтрализовать центробежные тенденции, вызванные крахом Советского Союза. Тем не менее, проблема сепаратизма, ставшая одной из наиболее острых и злободневных, ни в коей мере не была решена ни с введением института представителей президента, ни с принятием Конституции РФ и подписанием Федеративного договора, в которых были определены основные рамки суверенности субъектов Федерации, полномочия центральных и региональных органов власти, субъектов Федерации и Центра. Формальное решение проблемы, посредством подписания документов лишь на некоторое время сняло остроту проблемы, но взамен породило новые, обусловленные аморфностью центральной исполнительной власти, ее отстраненностью от реальных региональных политических процессов.

При этом в генезисе и эволюции сепаратизма в Российской Федерации достаточно отчетливо проявляется ряд специфических особенностей. Эти

особенности, разумеется, требуют глубокого и обстоятельного осмысления сущности протекающих этнополитических процессов, с тем чтобы, с одной стороны, продемонстрировать включенность России во всемирный исторический процесс, а с другой - проследить наиболее существенные особенности российской ситуации, определяющие ее специфику.

Во-первых, в наиболее кризисных регионах эпицентром сепаратизма выступают: на Северном Кавказе - Чечня, в Поволжье - Татарстан, в Сибири - Тува и Якутия.

Во-вторых, сепаратизм хотя и не проявляется в форме открытого противостояния в ряде других национальных республик, тем не менее при негативном кризисном развитии обстановки способен проявиться в полной мере. Особую опасность в этом плане представляет возможность использования в национальных республиках этнических или этноконфессиональных факторов.

В-третьих, тенденции сепаратизма проявляются также и в административно-территориальных субъектах Федерации, среди которых потенциально кризисными регионами в этом отношении можно считать: Магаданскую область, Приморский край, Хабаровский край, Калининградскую область и другие.

В этом плане характерно то, что наиболее сильные сепаратистские тенденции отмечаются именно в периферийных регионах России, где на изнутри инициируемые процессы сепаратизма значительное влияние оказывает внешний фактор дезинтеграции.

Наиболее показательным, это на примере Калининграда, первого в истории России анклава. Его геополитическое положение уникально. Находясь на пересечении многих торговых и транспортных путей, он способен принимать на себя и регулировать основные грузопотоки из России и наоборот. При этом важным является также и то, что Калининградский порт - единственный не замерзающий порт России на Балтике. Все это предполагает возможность его эффективного экономического развития, как в интересах самой области, так и государства в целом, в том числе и в плане повышения статусной роли Российской Федерации в Балтийском регионе. На практике же Калининградская область является одним из депрессивных субъектов Федерации, в силу того, что основную часть товаров потребления он получает из внутренних областей

России, поступающих транзитом через прибалтийские государства, которые в отношении Калининграда и области в полной мере реализуют экономическую блокаду. Этим определяется специфика сепаратистских тенденций в регионе, в основе которых лежат экономические интересы региональной элиты, стремящейся переориентировать торгово-экономический потенциал региона исключительно на страны Евросоюза, что особенно актуализировалось в связи с введением таможенных пошлин по отношению к России в связи с расширением Европейского союза посредством принятия новых членов из числа сопредельных области стран Балтийского региона.

Непосредственно движущей силой калининградских сепаратистов является сравнительно небольшая Балтийская республиканская партия во главе с Сергеем Пасько. Ее главными спонсорами являются местные бизнесмены, заинтересованные в европейском развитии области. Именно поэтому лозунги сепаратизма в Калининграде не носят устойчивого характера и возникают только при угрозе снижения доходов частных предпринимателей как следствие тех или иных неудачных в экономическом отношении действий властей (основная причина нагнетания сепаратистских настроений). Являющиеся элементом политического шантажа требования мелких торговцев «отделиться в Германию», «дать Калининграду особый статус» и пр. инспирируются, прежде всего, коммерческими региональными СМИ, обслуживающими этот сегмент социума. При устранении причин недовольства настроения сепаратизма обычно улетучиваются.

Вместе с тем не может не обратить на себя внимание тот факт, что события вокруг Калининградской области в первой половине 90-х годов сопровождались и дебатами в российской прессе о создании так называемой «Балтийской немецкой республики» на основе переселения в регион большого числа советских немцев и заявлениями некоторых литовских политиков и общественных деятелей относительно того, что Калининград - это исконно литовский Каралаячюс, а Калининградская область – «Малая Литва».

При этом официальный Вильнюс пока не предъявляет территориальных притязаний на Калининградскую область, но литовская оппозиция продолжает поднимать вопрос о «деколонизации» области. Малая, или Прусская, Литва рассматривается как часть всей Литвы, часть, которая лишь временно была

отдана под управление СССР. В следствие этого, например, председатель «Движения сопротивления Малой Литвы», действующего в США, А.Регис призывает смелее ставить вопрос о статусе бывшей Восточной Пруссии с городом Караяучюсом как этнически принадлежащей Литве территории. Аналогичной точки зрения придерживается и лидер «Саюдиса» В.Ландсбергис, который считает, что Россия не имеет достаточных оснований управлять Калининградской областью. Позднее он утверждал, что в интересах Литвы было бы преобразование Калининградской области, как минимум, в отдельное государство. На Балтийской ассамблее 13 ноября 1994 г. представители Латвии и Эстонии заявляли, что «Караяучюсский край - это бывшая территория пруссов и литовцев и является естественным продолжением Литовского государства».

Вполне симптоматична и особая роль в инициировании сепаратистских тенденций в регионе, прежде всего, литовского населения Калининградской области, ощущающего не только поддержку, но и достаточно сильное культурное влияние из Литвы. В интересах инициирования и развития ирредентистских настроений в области создаются культурные общества, проводятся культурные акции, настоятельно продвигаются вопросы создания школ или классов на литовском языке. При этом Литва присылает в российские приграничные деревни своих учителей, оплачивая им педагогическую деятельность на литовском языке. Это далеко не полный перечень мероприятий, способствующих созданию атмосферы постоянного литовского присутствия в области.

Говоря о других соседях Калининградской области, также потенциально способных инициировать и оказывать внешнюю поддержку здесь сепаратизму нельзя не сказать о непосредственно не граничащей с ней Германии. Калининградская область - бывшая немецкая земля, она продолжает оставаться частью немецкой истории, многие немцы связаны с ней и испытывают вполне понятную ностальгию. Кроме того, в отечественной и зарубежной печати неоднократно поднималась проблема «германизации» Калининградской области, создания на ее территории Немецкой Балтийской республики или даже возвращения области Германии. Таким образом, постепенно реализуется долгосрочная стратегия медленной социокультурной регерманизации данной

территории. В целом же, как показывает анализ событий в регионе, Калининградская область находится в активной разработке Запада. В отношении ее, по-видимому, предполагается демилитаризация, германизация и последующая мирная ассимиляция Европейским Союзом с помощью предоставления особого статуса и преференций в торгово-экономической области. Все это, конечно же, стимулирует сепаратистские настроения в области и угрожает, таким образом, суверенитету Российской Федерации в регионе в плане обеспечения ее территориальной целостности.

Другим эпицентром эволюции сепаратизма в России и соответственно требующим к себе особого внимания является Северный Кавказ. Это обусловлено тем, что, во-первых, именно здесь сепаратизм принял характер вооруженного противостояния, определяя обстановку на протяжении всего последнего десятилетия не только в регионе, но и далеко за его пределами. Во-вторых, на Кавказе всегда были сильны тенденции сепаратизма, в силу которых регион традиционно являлся наиболее слабым и опасным звеном российской государственности. Особенно явно это проявилось в последние десять-пятнадцать лет, в течение которых Северный Кавказ и все Кавказское направление выступают в качестве задающего генератора процессов, создающих прямую угрозу национальным интересам и безопасности в целом России, но в особенности - народам Северного Кавказа. Еще в последние годы существования Советского Союза для тех, кто отслеживал и занимался оценкой геополитических, геостратегических и других изменений и тенденций на южном стратегическом направлении, было ясно, что Кавказ может стать для СССР источником нестандартных и масштабных угроз. Оценка военно-политической ситуации в данном регионе рассматривалась тогда главным образом на фоне и с учетом внешних угроз. Позже, уже после исчезновения с политической карты мира Советского Союза этот прогноз не только полностью подтвердился, но и превзошел самого себя. Наконец, в третьих, немалозначимым фактором, определяющим потенциальную конфликтногенность и кризисность региона является его сложнейшая этноконфессиональная структура.

Так, в гористой южной части его населяют десятки малочисленных народов, говорящих на разных языках. Примечательна в этом плане, прежде

всего, этноструктура Дагестана, где на узком прибрежном пространстве и, особенно, в гористой его части проживают народы, относящиеся к различным этнолингвистическим группам¹¹¹. Этническая структура Дагестана уникальна тем, что нигде в мире нет подобного образования, в котором бы коренными являлись не одна, а сразу несколько этносов. И не случайно именно на полиэтничность, а также реанимацию русофобских настроений в республике делали ставку экстремисты в ходе вооруженного вторжения в Дагестан со стороны Чечни в августе 1999 года.

Не менее сложной в этнополитическом отношении представляет собой и ситуация в западной части Северокавказского региона, коренное население которой относится к так называемой адыго-абхазской этнолингвистической группе. И хотя сепаратистский потенциал коренного населения региона несколько приглушен в том числе и имевшими здесь место межэтническими конфликтами (конфликт в Абхазии), тем не менее обстановка здесь является потенциально кризисной в том числе и в плане проявления сепаратизма. В значительной мере кризисность ситуации стимулирует проблема, так называемого «разделенного народа», формирующаяся за счет того что, с одной стороны, коренное население родственной адыгам самопровозглашенной Абхазии, находится вот уже более десяти лет в экономической блокаде и подвергается постоянному прессингу со стороны Грузии, автономией которой она являлась до 1992 года. С другой стороны, указанную выше проблему подпитывает и феномен мухаджирства (переселения горцев Западного Кавказа в Турцию в конце XIX века)¹¹².

---

¹¹¹ В Дагестане нет «титულიной» национальности, к числу же «коренных» относят так называемых «дагестанских горцев»: аварцев-28% населения республики, даргинцев-16,2%, кумыков-13%, лезгин-12,5%, лакцев-5%, табасаранцев-4,7%, рутульцев-0,8%, агульцев-0,8% и цахурцев-0,3%. Кроме того, в Дагестане живут ногайцы-1,6%, таты-0,4%, русские-7,1%, азербайджанцы-4,3% и чеченцы-4,5%. См. Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 1998 /Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. -М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999

¹¹² Кавказская община в Турции насчитывает более 7 миллионов человек. Ее возникновение относится к 60-70 годам XIX века, когда в результате мухаджирства (исхода) большое количество людей эмигрировало в Турцию и другие страны Ближнего Востока. Потомки этих эмигрантов, мечтая о независимости Кавказа, в наши дни ведут активную антироссийскую деятельность, в том числе и посредством участия в боевых действиях против российских войск в ходе контртеррористических операций.

Достаточно сложной по-прежнему остается и внутривнутриполитическая обстановка в других национальных автономиях региона. При этом, особую значимость обретают процессы в так называемых двунациональных автономиях: Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках. Здесь сепаратизм проявляется уже внутри самих автономий и принимает откровенный этнический характер. Так, например, в ходе выборов президента Карачаево-Черкесской Республики весной 1999 года соперничество проявлялось не столько на уровне самих кандидатов на этот пост Владимиром Семеновым (карачаевец) и Станиславом Деревом (черкес), сколько на уровне двух титульных этнических групп населения. И, соответственно победа, одного из кандидатов, автоматически означала для политических структур, поддерживавших другого кандидата, поражение всей этнической диаспоры. Вследствие чего и получили свое развитие требования о разделении республики или же о ее возвращении в состав Ставропольского края. И, если ранее, в 1990 году, требования о разделе республики инициировали лидеры карачаевских националистических организаций, то весной 1999 года вопрос о разделе республики подняли уже черкесы и поддерживающая их часть русского населения.

Для другой двунациональной республики Северного Кавказа - Кабардино-Балкарской Республики также в большей или меньшей мере присущи те же проблемы, что и для Карачаево-Черкессии. Кабардино-Балкарская Республика находится в центре Северного Кавказа. Кабардинцы, как и другие адыгские народы, наряду с осетинами - наиболее интегрировавшееся в российскую цивилизацию кавказское население. Но противоречие, заложенное в национально-государственном устройстве республики, периодически напоминает о себе. Ситуация в межэтнических отношениях, в частности осложняется тем, что балкарцы - один из репрессированных народов Кавказа. В начале 90-х годов было предпринято несколько попыток провозгласить суверенитет Балкарии и преобразовать ее в самостоятельный субъект РФ или объединиться с карачаевцами в единое национально-территориальное образование. Последняя такая попытка была предпринята в ноябре 1996 г. провозглашением представителями балкарской оппозиции так называемой «Балкарской республики». Негативное влияние на состояние общественно-

политической ситуации в республике оказывал режим Д.Дудаева, который пытался втянуть некоторых политиков Кабардино-Балкарской Республики из состава оппозиции в конфронтацию и противостояние с федеральным центром. Но этот этап, похоже, пока преодолен. Нынешнюю общественно-политическую ситуацию в Кабардино-Балкарии можно оценить как в целом спокойную. В то же время этнополитическая напряженность в республике продолжает иметь место.

Среди других проблем Северного Кавказа, превратившимися по существу в долговременные факторы формирования общественно-политической ситуации в регионе, находятся вялотекущий ингушско-североосетинский конфликт, межнациональные отношения на территории других северокавказских субъектов Российской Федерации, проблема временно перемещенных лиц, а также деятельность в регионе ряда этнонациональных региональных и международных организаций, ассоциаций и конфедераций, вклад которых в формирование общественно-политических настроений народов Северного Кавказа чаще всего негативный, нежели позитивный. Именно поэтому их деятельность в регионе требует внимательного изучения, анализа и учета при планировании политики федерального центра на Кавказе.

Относительно более стабильной в этнополитическом отношении является обстановка к северу от горной части региона, в центральной и северной частях которого доминирующими этническими группами являются русские и украинцы, часть которых считает себя отдельным народом - казаками. Преобладание русскоязычного населения в данной части региона является основным стабилизирующим фактором, не допускающим эскалацию напряженности на межэтнической основе и эволюцию сепаратистских идей и настроений. Между тем этническая структура и здесь является достаточно сложной и потенциально конфликтной. Так, например, в крупных городах (особенно в Ростове-на-Дону и Владикавказе) значительную часть населения составляют армяне, а в сельской местности Ставропольского и Краснодарского краев проживают общины турок-месхетинцев, крымских татар и даже туркмен, в отношении которых местными администрациями проводятся меры по ограничению их регистрации в регионе. Высокий уровень безработицы и, соответственно низкий жизненный уровень населения, также является

питательной средой для формирования кризисных процессов в данной части региона.

Таким образом, этническая структура Северного Кавказа уникальна по своему сложному составу. И поэтому вполне очевидно, что при малейшем негативном воздействии, внутривполитическая ситуация в регионе способна взорваться комплексом конфликтов на межнациональной основе. Подтверждением тому является тот факт, что в регионе на почве межэтнических противоречий возникли конфликты даже между однопорядковыми автономиями, стремящимися отстоять занятое ими пространство или расширить его. Такой конфликт случился между Северной Осетией и Ингушетией. Территориальные притязания к соседним административным образованиям (к Дагестану, Ингушетии, Ставрополю) выдвинула и Чечня в период функционирования здесь сепаратистского режима. Черкесские ультранационалисты стали вынашивать планы создания противостоящей России «Великой Адыгеи» - Федеративного государства, включающего Кабарду, Черкессию, Адыгею, Абхазию и другие территории, где проживают народы адыгейской группы (абазины, шапсуги и др.).

Все это подтверждает значимость этнического фактора в формировании политических процессов в регионе и, соответственно, необходимость выработки системы мер для пресечения деструктивных тенденций и явлений на националистической основе.

На состояние внутривполитической ситуации в регионе накладывает определенный отпечаток поликонфессиональный характер населения. Народы здесь исповедуют христианство, ислам, иудаизм, зачастую сильно переплетенные с традиционными языческими верованиями. Сложность религиозной ситуации определяется, прежде всего, тем, что регион является буфером между Европой и Азией, границей между христианской и мусульманской цивилизациями. Примерно в половине регионов Северного Кавказа сильны позиции приверженцев ислама, в другой половине большим влиянием пользуются православные религиозные идеи и верования. В то же время традиционные организационные структуры этих двух основных конфессий подвергаются массивному воздействию со стороны сторонников иных религиозных течений внутри этих же религий. Наиболее показательна в

этом плане ситуация с исламской конфессией в регионе, переживающей раскол в мусульманской общине на сторонников традиционного «народного ислама» и последователей мазхаба ханбалитов, а точнее, его крыла (ваххабитов или салафитов). Противоречия между традиционным для этого региона суфийским духовенством и сторонниками исламского экстремизма приняли формы вооруженного противостояния, пик которых пришелся на июль-август 1999 года, завершившийся откровенной агрессией со стороны бандформирований против Дагестана, целью которого являлось не только отделение Дагестана от Российской Федерации, но и образование теократического государственного образования по образу и подобию – имамата Шамиля периода Кавказской войны, в состав которого помимо Ичкерии соответственно вошел бы и Дагестан. Лишь сосредоточением усилий в ходе контртеррористической операции 1999-2001 гг. и разгромом сепаратистского анклава на территории самой Чечни, удалось предотвратить развитие по данному сценарию. Тем не менее, это является наглядным подтверждением того, что этноконфессиональный фактор, внешне не всегда заметный, играет значимую роль в инициировании сепаратистских процессов в регионе.

Особую опасность в этом плане до недавнего времени являли собой сепаратистские процессы в Чеченской Республике. Собственно говоря, с точки зрения радикальных исламских кругов и стоящих за ними мощных неисламских геополитических «игроков» мира, если бы не было Чечни, то ее надо было придумать. Придумать для того, чтобы вонзить в государственное тело России такую занозу, которая бы вызывала постоянную боль, провоцировала бы воспаление других находящихся рядом органов, ослабляя и истощая весь организм российской государственности, разлагая и разрушая его. Созданный при непосредственном участии и попустительстве органов государственной власти Российской Федерации в период начальной суверенизации криминальный режим чеченских сепаратистов на протяжении практически всего последнего десятилетия XX века оказывал дестабилизирующее влияние на политические процессы не только в регионе, но и далеко за его пределами. В то же время правомерно констатировать, что северокавказский сепаратизм, конкретно его чеченский вариант, реализовавшийся в 90-е годы, и аналогичные процессы, неуклонно развивающиеся в соседних республиках, хотя и меньшего

масштаба, не являются объективно обусловленным феноменом, как бы с «железной необходимостью» пробивающим себе путь в силу внутренних закономерностей самого явления. В том-то и истинная трагедия, что длинная цепь ошибок, неверных решений и оценок и даже откровенных преступлений, связанных с тайными оружейными, нефтяными и финансовыми операциями, - такова истинная природа формирования того явления, которое принято называть чеченским сепаратизмом.

Все это свидетельствует о том, что Северный Кавказ является одним из наиболее конфликтоопасных регионов России¹¹³. Именно на территории этого региона разгорелись конфликты, которые, к сожалению, стали самыми масштабными по числу жертв, разрушений, экономическому и моральному ущербу из всех межнациональных столкновений, происходящих на территории бывшего СССР. И ожидать прекращения конфликтного процесса в регионе оснований пока нет.

Среди других регионов России, где наиболее выражены процессы регионального сепаратизма, следует выделить Татарстан, объявивший себя ассоциированным членом Российской Федерации, что предполагает минимум ответственности региональной элиты этого субъекта за реализацию своей политики как внутри региона, так и по отношению к центру. Путь Татарстана к его нынешнему суверенитету был последовательным и особо не отличался от наработанных сценариев: развитие национальных движений; принятие Декларации о государственном суверенитете, Закона о государственных языках и собственной Конституции; проведение референдума о государственном

---

¹¹³ С конца 1980-х годов на территории бывшего СССР было зафиксировано 6 региональных войн - вооруженных столкновений с участием регулярных войск и использованием тяжелого оружия, из которых 4 произошли на Кавказе (карабахский, югоосетинский, абхазский и чеченский конфликты), около 20 кратковременных вооруженных столкновений, приведших к жертвам среди мирного населения (наиболее значительные - осетино-ингушский конфликт, бакинский и сумгаитский погромы). Вследствие эскалации конфликтов на территории бывшего Союза погибли и пропали без вести свыше 100 тыс. человек, в том числе $\frac{4}{5}$ на Северном Кавказе. Наиболее значительные людские потери отмечены на территории Чечни. Прямые материальные потери в зонах конфликтов составляют около 13 млрд. долл., из них 9,5 - в конфликтах на Кавказе. Косвенные потери в результате этнополитических и региональных конфликтов существенно выше: следует учитывать разрыв традиционных связей, структурные изменения, связанные с переориентацией народного хозяйства на нужды войны, и другие факторы. См. Мамсуров Т. Особенности региональной безопасности Российской Федерации //Безопасность Евразии, 2001, № 1. -С. 169.

статусе республики; введение института президентства. Важной отличительной особенностью явились отношения с Центром, в рамках которых руководство Татарстана по-прежнему настаивает на особом статусе республики. Кроме того, определенную опасность для территориальной целостности Федерации представляла политика самого Центра, в соответствии с которой было разрешено, например, принятие Верховным Советом Татарстана новой Конституции. В ней, вопреки Основному закону России и элементарной логике данная республика рассматривалась уже как независимое государство. Такое решение послужило своеобразным «прецедентом» для бывших российских автономий, которые также могли пожелать такой же «самостийности». Так в частности Д.Дудаев в марте 1994 года, инициируя процессы сепаратизма в Чеченской Республике, неслучайно призывал органы власти Российской Федерации предоставить республике статус, как и Татарстану. В то же время, и в самом Татарстане потенциально опасными остаются политические организации и движения националистической и конфессиональной направленности экстремистского толка, в любую минуту способные в ходе обострения обстановки в регионе инициировать крупный общественно-политический кризис в стране. Так, например, в Татарстане привлекает внимание проект одной из националистических партий создания Республики Идель-Урал с включением в ее состав, кроме Татарстана, также Чувашии, Удмуртии, Самарской и других областей и республик России вплоть до Астрахани. Характерно, при этом, что партия, выступившая инициатором данного проекта, до недавнего времени являлась по существу «проправительственной» в Татарстане, что позволяет сделать вывод о понимании данной позиции и руководством республики, использовавшей ее в целях политической рекламы¹¹⁴.

На протяжении всего последнего десятилетия XX столетия дискуссии по вопросам сепаратизма в Среднем Поволжье отличались значительной остротой и националистической окраской. Так, в частности в ряде национальных республик региона так называемые титульные нации выразили претензии на особую роль: чувашаи, например, провозгласили, что они являются

---

¹¹⁴ См.Володин А.В. «Социально-политический анализ регионального сепаратизма». Дисс. ... канд.филос. наук. –М.:ВУ, 1999.

государствообразующей нацией в Чувашии, а татары, мордва или русские, живущие в этой республике, лишаются целого ряда приоритетных позиций.

Аналогичным образом происходило формирование и этнополитической напряженности в Волго-Уральском регионе, где точками повышенной конфликтности, по-прежнему, являются республики Башкортостан и Калмыкия. Так, например, лидер башкирской молодежи Айрат Дильмухаметов, говоря о суверенитете Башкортостана, заявил в июне 2002 г. на пресс-конференции Союза, что «Республика должна была определяться не как субъект федерации, а как ассоциированное государство»¹¹⁵. Не менее радикальна и позиция другого национального лидера - Кирсана Илюмжинова повторно избранного президентом Республики Калмыкии, обязавшегося «превратить ее в корпорацию», а на деле и попытаться добиться возможного отделения от России¹¹⁶.

Нельзя не понимать, что реализация подобных идей, пусть даже и декларированных лозунгов крайне опасна для территориальной целостности и национальной безопасности Российской Федерации, поскольку их практическое претворение хотя бы в одном из регионов России закономерным образом задействует «принцип домино»: отойдет один сепаратистский регион - и сразу почувствуют слабость центральных властей и свое право на уход из-под их опеки другой регион, третий, четвертый и т.д.

Это особенно наглядно проявляется в другом эпицентре эскалации сепаратизма, представленном рядом республик Сибири, таких как Якутия, Бурятия и Тува. Причем последние находятся под сильным влиянием близкой им по этноконфессиональному признаку Монголии, в которой время от времени озвучивается идея создания «Великой Монголии» за счет монголоязычных регионов «северного соседа» (Бурятии, Тувы и Читинской области)¹¹⁷. В еще большей степени эскалации ирредентистских процессов в данном регионе способствует влияние Китая, мощной динамично развивающейся региональной державы, которая посредством своей внешнеэкономической, политической, и демографической экспансии стремится заполнить образующиеся пустоты в

---

¹¹⁵ Гушер А.И. Сепаратизм. –М.Центр Стратегического развития. –С.9

¹¹⁶ См. там же.

¹¹⁷ Марченко Г. Какую Россию мы обретаем? //Октябрь. – 1995. - №2. -С.146-147.

российском политическом пространстве. По мнению автора, процессы сепаратизма в значительной мере подкрепляются именно китайской «демографической экспансией» в Сибирско-Дальневосточном регионе, что являет собой одну из наиболее значимых угроз национальной безопасности Российской Федерации. Возможным негативным следствием подобной неконтролируемой миграции китайских граждан и формирования на этой основе крупной китайской диаспоры может стать требование об образовании в этом регионе новой автономии, основанной на этническом китайском признаке с последующим отторжением ареала их проживания от России. В этом плане вполне объяснима позиция правительства КНР, которое, не предпринимая практически никаких действий, предоставив событиям идти своим чередом, фактически оказывает негласную поддержку процессу просачивания своих граждан на российскую территорию, одновременно покупая в России крупные партии новейшего вооружения.

Все это свидетельствует о том, что одним из наиболее действенных факторов, определяющих специфику и содержание сепаратистских процессов в современной России, является внешний фактор инициирования и поддержки сепаратизма, суть которого заключается в мощном политическом, экономическом и информационно-идеологическом влиянии на региональные внутриполитические процессы в Российской Федерации.

При этом именно приграничные территории России являются объектом пристального внимания со стороны различного рода государств, а также международных и неправительственных организаций. Почувствовав нашу слабость, зарубежные державы стали проявлять откровенный геополитический интерес к нашим землям и народам - причем не только великие, но и средние и мелкие державы тоже. В этой связи нелишне напомнить фразу, приписываемую правившему три с половиной тысячелетия тому назад фараону Аменхотепу IV: «стоит лишь занемочь, и на тебя набрасывается любая вошь»¹¹⁸. Соседние государства стали предъявлять территориальные претензии к ослабевшей России. Чем слабее становится в недалеком прошлом могучее независимое государство, тем громче и настойчивее звучат территориальные требования

---

¹¹⁸ Цит. по Гушер А.И. Сепаратизм как тенденция и реальность XXI века. –М.Центр стратегического развития. –С.23

соседей, Япония требует возвратить ей Курильские острова, Финляндия - Карелию, Латвия претендует на часть территории Псковской области, Германия заглядывается на Калининградскую область, а группа ученых Южной Кореи пытается доказать, что Бурятия является прародительницей корейцев.

Дезинтеграцию России стимулируют и другие страны, упорно борющиеся за ее отдельные культурно-исторические части. Так, Турция и Саудовская Аравия призывает мусульман Северного Кавказа, Татарстана и Башкортостана возвратиться к ценностям ислама, привязав тем самым к себе данные регионы России идеологически. За буддийскими республиками - Калмыкией, Тувой и Буртией пристально наблюдает Далай-лама.

Постепенно нарастает внешнее давление и на морские границы России, особенно в Баренцевом и Беринговом морях, а также российской арктической зоне. В нарушение Парижского договора 1920 года, например, Россия постепенно вытесняется Норвегией со Шпицбергена, ограничивается в добыче морепродуктов, дискриминируется в вопросах охраны окружающей среды. В Беринговом море продолжает действовать соглашение, заключенное Э.Шеварднадзе 1 июня 1990 г., согласно которому США получили права на исключительно богатую морепродуктами акваторию площадью 51 тыс. кв. км, а также 60 тыс. кв. км континентального шельфа, содержащего богатые нефтегазовые месторождения. Несмотря на то, что данное соглашение в силу его ущербности для российских интересов не решились ратифицировать ни Верховный Совет СССР, ни Госдума РФ, американцы основательно утвердились на приобретенной акватории, взяв ее под контроль силами своей береговой охраны и военно-морских сил. Более того, в настоящее время в США активно дискутируются и вопросы о принадлежности о.Врангеля и соответственно правах на его территорию самих США. Целым рядом международных организаций подвергается сомнению правомерность постановления Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане»; на трассах Северного морского пути замечены морские экспедиции Норвегии и Германии и даже китайские ледоколы.

Все это свидетельствует о том, что Российской Федерации в настоящее время подвергается мощному прессингу со стороны, как отдельных держав, так

и мирового сообщества в целом, и неслучайно, поэтому большинство зарубежных аналитиков считает, что борьба за «советское наследство» на территории бывшего СССР продолжится. В этой связи правомерно констатировать, что межэтнические столкновения, территориальные споры, попытки воссоединения «разделенных народов», политическая самоорганизация этнических меньшинств и сепаратистские движения в ближайшей перспективе не только не прекратятся, но и будут иметь тенденцию к обострению и будут стимулироваться внешними факторами дезинтеграции. Это особенно важно понимать, поскольку в настоящее время из 89 субъектов Федерации 43 являются приграничными и прибрежными. При этом, по экспертным оценкам, из 16 субъектов Федерации, имеющих высокий и очень высокий потенциал сепаратизма, 12 занимают приграничное, 2 - внутреннее и 2 - центральное положение.

Следует отметить, что данной политике внешнего стимулирования сепаратизма в немалой степени содействует и политика самого центра. Показателен в этом плане во время землетрясения на Курилах в 1994 г. помощь пострадавшим была оказана губернатором Хоккайдо в то время как федеральные власти лишь констатировали сам факт и до сих пор не предприняли никаких мер по ликвидации последствий землетрясения. Закономерным итогом данной позиции явилось, например обращение жителей ряда Курильских островов о передаче данных российских территорий в аренду Японии. А жители другого российского города Ленинградской области - Ивангорода уже готовы выступить с предложением о воссоединении своего города с эстонской Нарвой и соответственно своего перехода под юрисдикцию Эстонии. Известные опасения вызывают и планы губернатора Чукотки по открытию на территории автономии иностранных концессий, а также его проекты строительства энергомоста и даже туннеля на Аляску. В следствие этих проектов в США, например, даже возник проект покупки за 3 трлн. долл. всей Сибири вплоть до Енисея с рассрочкой выплаты этой суммы на 20 лет¹¹⁹.

Приведенные выше примеры, свидетельствуют о крайней важности понимания сути сепаратизма в плане инициирования его внешними источниками в плане осознания возможной экономической и политической

---

¹¹⁹ См. Гушер А.И. Указ. соч. –С.23

переориентации регионов с федерального Центра на соседние приграничные государства как средство выхода из кризиса и своего рода гарантия их выживания.

Взаимосвязь и соотношение внешних и внутренних причин сепаратистских движений носит сложный и неоднозначный характер на разных фазах этноконфессиональных конфликтов: если их генезис, как правило, обусловленного внутренними тенденциями, то дальнейшая эволюция связана с усилением внешних воздействий, приобретающих в отдельные моменты самодовлеющий характер.

Все это свидетельствует о том, что в настоящее время в России по-прежнему сохраняются определенные условия и факторы, способствующие формированию сепаратизма. К таковым в частности автор относит следующие:

ликвидация двоецентриа в глобальном масштабе вызвала всплеск национального и религиозного экстремизма на региональном и локальном уровне. Ослабление сдерживающих рычагов одной из великих держав развязало руки националистическим сепаратистским и реакционным силам;

медленный процесс государственно-политического становления России, формирования ее новых отношений с зарубежными странами;

обострение отношений между рядом стран ближнего зарубежья, в результате чего регионы, например, Закавказья, Средней Азии, Украины и Молдавии или уже стали ареной военного противостояния, или потенциально могут превратиться в зону конфликтов;

усилия региональных и национальных элит страны по правовому закреплению новых общественно-политических, экономических и национально-культурных отношений на общем фоне ухудшения социального положения основной массы населения России.

В целом же, как показывает анализ эволюции сепаратизма на территории Российской Федерации, важнейшими причинами и условиями, способствующими разрастанию сепаратизма в России, являются факторы, связанные главным образом с политической и социально-экономической нестабильностью.

Непосредственно содержание и направленность сепаратистских процессов в России в зависимости от их выраженности и соответственно

угрозы интересам национальной безопасности ранжируются следующим образом:

1. Социально-экономический вектор - стремление регионов и территорий к экономическому обособлению для самостоятельного решения экономических и социальных проблем.

2. Социально-политический вектор - стремление местных элит к обладанию всей полной власти на своей административной территории.

3. Национально-территориальный вектор - стремление к перекройке административных границ, межэтническая напряженность и апеллирование сторон к Центру в поисках арбитра, ирредентистские движения.

4. Геополитический вектор – стремление внешних структур в лице ведущих мировых и региональных держав, различного рода надгосударственных образований распространить свое влияние на приграничные территории Российской Федерации с целью их освоения и последующей аннексии.

При этом, очевидно, что в значительной мере причины современного сепаратизма в Российской Федерации лежат в плоскости социально-экономических отношений. Это объясняется тем, что в основе сепаратистских устремлений ряда субъектов Российской Федерации лежат, прежде всего, экономическая дезинтеграция, социальное расслоение общества, размытость духовных ценностей, что способствует усилению напряженности во взаимоотношениях регионов и Центра. В политическом отношении социально-экономический вектор сепаратизма характеризуется стремлением регионов к получению дополнительных прав, превышающих установленные Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. В сфере экономики его проявление ведет к разрыву единого экономического пространства, нарушению единой финансово-кредитной, налоговой и таможенной политики страны.

Питательной средой для активизации сепаратистских настроений в данном направлении является сочетание общего экономического кризиса, больших расстояний и асимметрии экономического развития отдельных регионов России¹²⁰, что ведет к росту количества депрессивных территорий, к

---

¹²⁰ Так, если в 1992 г. максимальный разрыв в производстве промышленной продукции на душу населения между субъектами Российской Федерации составлял 1:26,5 (соответственно,

которым теперь причисляют даже ранее развитые, относительно благополучные промышленные и агропромышленные районы.

Данное направление является одним из наиболее опасных в плане эволюции сепаратистских тенденций на территории России и неслучайно поэтому в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» по этому поводу указывается: «Негативные процессы в экономике лежат в основе сепаратистских устремлений ряда субъектов Российской Федерации. Это ведет к усилению политической нестабильности, ослаблению единого экономического пространства России и его важнейших составляющих - производственно-технологических и транспортных связей, финансово-банковской, кредитной и налоговой систем».

Социально-политический и национально-культурный векторы развития сепаратизма в России представляются значительно менее выраженными в настоящее время в связи с определенным удовлетворением национально-культурных потребностей и перераспределением политической власти в регионах в пользу местных относительно новых политических элит. Свидетельством этому, например, явилось принятие Государственной Думой РФ в 2003 году федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и «О внесении дополнений и изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти в Российской Федерации», в которых четко прописаны функции указанных органов власти, а также порядок их взаимоотношений с органами государственной власти Российской Федерации.

К этому же следует добавить и то, что характерной чертой последнего времени все же стало общее ослабление межэтнической напряженности. Этому способствовали относительная стабилизация экономической ситуации в стране и растущая ориентация людей на социальное обустройство вместо манифестных форм политического поведения. Это особенно стало заметно в российских республиках Волго-Уральского региона и Сибири, где радикальный этнонационализм пошел на спад и начинает постепенно замещаться

Республика Тува и Тюменская область), то уже в 2003 году этот разрыв увеличился до 1:121 (Республика Ингушетия и Тюменская область).

политической рациональной прагматикой по отстаиванию социально-экономических интересов населения. Но вместе с тем данная тенденция достаточно неустойчива и при определенных условиях (даже незначительных раздражителях) вполне может трансформироваться в свою противоположность. Поэтому, если в целом по России опасность дестабилизирующих массовых сепаратистских движений пока невелика, то какие-либо, даже сугубо локальные выступления националистических групп, могут явиться детонатором для их возникновения и распространения.

Исходя из этого, правомерно констатировать, что одной из важнейших угроз национальной безопасности России в современных условиях является региональный сепаратизм и национализм, развивающийся в условиях сочетания факторов общего политического, социального и экономического кризиса, больших расстояний и асимметрии экономического развития отдельных регионов.

Важнейшим фактором, формирующим тенденции сепаратизма является влияние внешних источников дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в России. Поэтому геополитический вектор развития сепаратизма, как выше было отмечено, выраженный в целенаправленном воздействии мировых держав, а также большинство сопредельных России государств с целью ослабления влияния федерального центра на приграничные территории и стимулирования дезинтеграционных процессов с последующей аннексией этих территорий в свою пользу является одним из основных направлений эволюции сепаратизма. При этом наиболее значимое влияние на характер и содержание данного вектора сепаратизма в Российской Федерации оказывают следующие государства:

- в глобальном масштабе - США;

- на региональном уровне:

  - западное направление - Германия, Финляндия, Румыния;

  - южное направление - Турция, Иран, Пакистан;

  - восточное направление - Китай, Япония, обе Кореи;

На субрегиональном уровне на дезинтеграционные процессы в России оказывают также и бывшие советские республики: Украина, Молдавия, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, страны Балтии и некоторые другие¹²¹.

Возможность неконтролируемых дезинтеграционных процессов на территории бывшего СССР, по мнению автора, является наиболее разрушительным внешним вызовом национальной безопасности. Нестабильность в ряде бывших советских республик, возможные конфликты между новыми независимыми государствами, возникновение в них затяжных внутриполитических кризисов при отсутствии надлежащего политического контроля над вооруженными формированиями не способствуют укреплению региональной и международной безопасности и могут привести к крайне негативным последствиям¹²².

Данное направление сепаратизма в значительной мере стимулируется и стремлением местных политических элит, как выше было отмечено, к освобождению из-под опеки Центра и выходу напрямую на мировое сообщество. Таким образом, формируется комплексное воздействие деструктивных дезинтеграционных и сепаратистских процессов на национальную безопасность Российской Федерации.

В целом же, как показывает анализ, сущность внутривосточной проблемы состоит в том, что доставшийся Российской Федерации в наследство от советского этапа развития «федерализм» на деле создал структуру, которая порождает конфликты на сепаратистской основе.

В этом плане необходимо четко отдавать себе отчет, что в истории если не все, то очень многое повторяется. Причем повторяются не только те или иные процессы, но и их результаты. Более чем справедливо это и по отношению к сепаратизму, его проявлениям в политической истории России. И исторические факты отечественной суверенизации наглядно свидетельствуют о том, что сепаратизм ведет к нарушению суверенитета, единства и территориальной целостности государства, принципа нерушимости границ и, как показывает

---

¹²¹ Анализ основных причин и тенденций Развития сепаратизма в России. –С. 67.

¹²² Об этом свидетельствует в частности тот факт, что по данным ученых, на территории бывшего Советского Союза существует до 200 потенциальных очагов конфликтов, связанных с перераспределением политической власти в новых государственных образованиях и субъектах Федерации.

практика, может являться источником острейших межгосударственных и межнациональных конфликтов.

Следует отметить, что с приходом новой администрации в управлении страной сделаны существенные подвижки в плане преодоления полицентризма власти и, соответственно сепаратизма.

Прежде всего, это относительно успешное проведение контртеррористической операции в Северокавказском регионе, по итогам которой надолго отбита охота создавать военизированные формирования и шантажировать Россию применением в отношении нее военной силы.

Комплексная поддержка Федерального центра в борьбе с экстремизмом и в то же время создание обстановки изоляционизма по отношению к неконтролируемым и не подчиняющимся никакой власти вооруженным формированиям, безнаказанно совершающим террористические акции на сопредельных Чечне других территориях России явилось не только решающим условием, предопределившим начало ликвидации сепаратистского режима и его пособников на территории Чеченской Республики, но и переоценкой позиции органов государственной власти Российской Федерации в восприятии базовых понятий обеспечения национальной безопасности. В частности на высшем государственном уровне произошло осознание, что государство должно защитить своих граждан, институты своей власти, иначе оно будет не в состоянии противостоять различным деструктивным акциям, в том числе и на почве сепаратизма.

Вторым по значимости политическим решением нового российского руководства явилось проведение административной реформы. Самая малозаметная в современных преобразованиях, она при этом оказалась и самой эффективной. В этой связи новая административная нарезка 7 федеральных округов, предложенная президентом В.Путиным, может создать надежную систему блокировки сепаратизма. Образование федеральных округов и соответственно привязка к ним всех институтов федеральных ведомств и в первую очередь силовых, существенно перераспределила ресурсы от региональных лидеров в пользу центра.

Между тем, если на уровне управления субъектами федерации проблема мультицентризма власти можно считать решена, поскольку с всевластием

губернаторов и, особенно глав национальных образований, в результате проведенных преобразований, можно считать покончено, то на уровне элит, уже на самом федеральном уровне, проблема, по-прежнему остается достаточно острой. При этом борьба за ресурсы является важнейшей доминантой отношений указанных выше элит.

Отечественный опыт нейтрализации сепаратизма

Как показал анализ становления и развития российской государственности внутренние вооруженные конфликты для России были столь же характерны, как и события связанные с внешней агрессией против нее. И хотя сами по себе сепаратистские процессы начались значительно позднее, в период максимального роста этнического самосознания населения многонациональной страны и становления национально-государственных образований в России, представляется весьма актуальным анализ наиболее значимых вооруженных выступлений, осуществлявшихся под эгидой национально-освободительных движений и соответственно опыта военно-политического преодоления данных выступлений.

В этом плане обращает на себя внимание историческая практика преодоления вооруженных антироссийских выступлений непосредственно в тех провинциях, которые были присоединены к России на рубеже XVIII-XIX веков. Именно в этот период наряду с достижением своего наивысшего военно-политического могущества, Россия начала испытывать и кризисные процессы, связанные с ослаблением государственной власти, особенно в тех национальных окраинах, где наиболее сильно было выражено этноконфессиональное самосознание коренного населения, что в свою очередь стимулировало развитие в них сецессионных, центробежных процессов именно на данной, этноконфессиональной основе.

С целью анализа специфики отечественного опыта военно-политического преодоления антироссийских вооруженных выступлений представляется целесообразным акцентировать внимание на двух наиболее кризисных провинциях России, где данные процессы получили свое наибольшее развитие. Речь идет о Кавказском регионе и Польше, которые в истории России сыграли

исключительно значимую роль в процессе становления ее государственности, являясь своего рода индикаторами развития не только внутривластной обстановки в пределах данных региональных образований, но и в целом состояния государственной власти в стране.

При этом если на Кавказе в рассматриваемый период только начиналась геополитическая экспансия России, и в отношении которого еще не было выработано четкой государственной политики, а сами антироссийские выступления носили за редким исключением слабо организованный и фрагментарный характер¹²³, то Польша, в силу своей исторической близости к Западной Европе и соответственно в значительной степени подверженное влиянию западноевропейских политических идей, являла собой провинцию, где в наибольшей степени получили развитие процессы формирования гражданской нации, явившиеся основным фактором, как выше было показано, эволюции сепаратизма в сложных этноконфессиональных государственных образованиях. При этом в самой Польше сепаратистские процессы стимулировала и, так называемая, проблема разделенного народа в силу того, что государствообразующий этнос бывшей Речи Посполитой после ее раздела был включен в состав трех сопредельных государств. Поэтому вполне закономерно, что именно в Польше, едва ли не сразу же после ее присоединения к России зародились истоки движения, явившегося своего рода прообразом сепаратистских процессов. Соответственно именно с Польшей связан и один из первых опытов военно-политического преодоления вооруженного антироссийского движения. Примечательно то, что опыт этот непосредственно связан с именем А.В.Суворова. В отечественной истории, особенно советского периода, достаточно ярко представлен образ А.В.Суворова, выдающегося русского полководца, одержавшего многочисленные победы над внешними противниками России. Вклад А.В.Суворова в укрепление державности России поистине беспримерен, и поэтому неслучайно в период суровых военных испытаний образ выдающегося русского полководца обретал культовый характер, что объяснялось во многом потребностью органов государственного управления в мобилизации патриотических настроений в обществе. Между тем для самого А.В.Суворова внутренний враг (под которым

---

¹²³ К таковым с полным основанием можно отнести восстание шейха Мансура в ..

понимались бунтовщики и мятежники, независимо от их этноконфессиональных признаков) являл собой не менее значимую опасность для Отечества и его вооруженное подавление представлялось Суворову столь же значимым, как и участие в военных кампаниях против внешних врагов. Только лишь определенные обстоятельства, не позволили ему принять непосредственное участие в подавлении восстания Е.Пугачева в 1773-1775 годах¹²⁴. Но, еще ранее, в 1768 году в качестве командира Суздальского полка он принимал непосредственное участие в так называемой первой польской войне. В ходе данной кампании система А.В.Суворова более чем оправдала себя непосредственно на месте военных действий. Война в Польше была в основном партизанской, успех в ней приносили быстрота и натиск. А эти положения были главными в суворовской системе.

В 1794 году в ходе подавления развернувшегося под эгидой национально-освободительного движения восстания под руководством Т.Костюшко А.В.Суворов провел блестящую операцию по взятию пригорода Варшавы – Праги, представлявшей собой крепость, устроенную по всем правилам военного искусства того времени. Сюда же были стянуты все основные силы повстанцев. Для взятия столь укрепленной крепости А.В.Суворову понадобилось всего лишь несколько часов. Но славу в данной кампании А.В.Суворову принесло не столько взятие Праги, сколько спасение самой Варшавы. После того, как Прага была взята, А.В.Суворов приказал сжечь мост через Вислу, соединяющий предместье от столицы с тем, чтобы недопустить на почве мести за уничтоженный повстанцами русский гарнизон, полный разгром Варшавы¹²⁵.

В этом плане, внимание исследователя привлекает не столько сама блистательная победа Суворова, их на счету у него было более чем достаточное множество. Не является предметом исследования и сам факт данного

---

¹²⁴ В советской историографии, например, долгое время обходился стороной тот факт, что по указанию Екатерины II А.В.Суворов был направлен для подавления восстания Е.Пугачева в 1773-1775 годах, но поскольку к моменту его прибытия на Урал основные силы восставших были уже разгромлены, на долю Суворова выпало конвоировать пленного Пугачева в Симбирск и уничтожить остатки его отрядов в Поволжье.

¹²⁵ Бантыш-Каменский Д. Биография российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4-х частях. Репринтное воспроизведение издания 1840 года. Часть 1-2. -М.: Культура, 1990.

вооруженного восстания. Вооруженные антироссийские выступления в национальных окраинах страны были и до и после него, но заслуга Суворова состоит в том что именно он военный аспект подавления вооруженного сопротивления дополнил политическими мерами стабилизации обстановки в регионе.

Примечательно в этом плане то, что 24 ноября 1794 года магистрат города Варшавы преподнес фельдмаршалу золотую табакерку с лаврами из бриллиантов. На середине крышки был изображен городской герб плывущая Сирена, над нею надпись: «Варшава своему спасителю», а внизу другая надпись: «4 ноября 1794 г.», день штурма Праги. По свидетельству же польского историка Д. Бантыш-Каменского, А.В.Суворов со словами «мир, тишина и спокойствие» обнял представителей народа, а в ответ на предложение графа Потоцкого, вступить в переговоры о мире заявил: «с Польшею у нас нет войны; я не министр, а военачальник: сокрушаю толпы мятежников и желаю мира и покоя благонамеренным»¹²⁶.

В последующем суворовскую традицию военно-политического преодоления антироссийских вооруженных выступлений продолжили многие русские военачальники и государственные деятели XIX века.

Одним из таких продолжателей суворовской традиции, ориентированной не на достижение сиюминутной военной победы, а на создание условий для укрепления позиций России уже в другом традиционно кризисном регионе – на Кавказе, явился князь П.Д.Цицианов, в период с сентября 1802 года по февраль 1806 года, исполнявший обязанности главнокомандующего в Грузии и Астраханского военного губернатора. К заслугам его как государственного деятеля относится преодоление сопротивления грузинской знати, попытавшейся оспорить решение последнего царя Картли и Кахетии Георгия XIII, отказавшегося от своего династического права в пользу российского императора.

Меры, которые предпринял и реализовал, конечно же, по согласованию с российским императором П.Цицианов поражают своей простотой и эффективностью. Он попросту выселил из Грузии всех возможных претендентов на картлийско-кахетинский престол в Калужскую губернию с

---

¹²⁶ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч.

предоставлением им пожизненного пенсионера. Таким образом, монархическая элита восточной Грузии была попросту депортирована и не могла сколько-нибудь серьезно оказывать влияние на политические процессы в регионе¹²⁷. В результате П.Цициановым был изначально ликвидирован источник возмущений, что и позволило в дальнейшем реализовывать интересы России в данной провинции.

В еще большей мере заслуживает внимания деятельность в регионе другого выдающегося русского генерала, героя Отечественной войны 1812 года, А.П.Ермолова, назначенного в 1816 году на должность командира Отдельного Грузинского корпуса и управляющего гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. Его назначение на эту должность состоялось именно в тот период, когда перед Россией стоял вопрос или уйти с Кавказа или закрепиться в регионе, для последующей реализации своих военно-политических интересов¹²⁸. Для России этот вопрос был далеко не риторическим. С одной стороны, Кавказ, как выше было отмечено, представлял собой одно из наиболее уязвимых в военно-политическом отношении направлений. С другой стороны, - доминирование на Кавказе давало возможность решать задачи не только оборонительного военно-политического характера, но и геополитического, в силу того, что предоставляло возможность свободного доступа России к черноморским проливам, на Ближний Восток и в Центральную Азию. И поэтому, не случайно, направляя А.П.Ермолова на Кавказ, главную цель российской политики в регионе Александр I, выразил словами «Стоять на Кавказе твердо».

Между тем о твердости позиций России в регионе, по словам самого Ермолова, говорить не приходилось. И это во многом являлось следствием проводимой в регионе предшествующей администраций политики, ориентированной на обеспечение лояльности местных правителей любой ценой, что являло собой образец откровенно подкупа, посредством наделения их различными чинами и званиями, а также выделением значительных

---

¹²⁷ За исключением царевича Александра, сыгравшем в последующем активную роль в инициировании антироссийского движения на Северном Кавказе.

¹²⁸ См. Бочарников И.В. Военно-политические интересы России в Закавказье: исторический опыт и современная практика их реализации. Дис. ... канд.полит. наук. –М.:ВУ, 1997.

финансовых средств. Местные феодалы вполне благосклонно принимали из русской казны различные вознаграждения за свою лояльность, но вместе с тем в любой момент готовы были поднять против России восстание в своих провинциях, чтобы путем шантажа русской администрации вытребовать себе более значительные преференции. К этому, очевидно, следует добавить и феномен Чечни, которую сам Ермолов в своих «Записках» называет «гнездом разбойников»¹²⁹, где по определению не существовало никакой власти, а, тем более государственной. При этом основной промысел населения заключался в набегах на соседние территории с целью грабежа.

Исходя из анализа сложившейся военно-политической обстановки Ермоловым были выработаны основные принципы и направления военной политики России на Северном Кавказе, изложенные им в рапорте императору 12 февраля 1819 г.: «Государь! Внешней войны опасаться не можно ... Внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в самых подданных вашего императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости. Теперь средствами малыми можно отвратить худые следствия; несколько позднее и умноженных будет недостаточно»¹³⁰.

Показательна в этой связи и стратегия Ермолова по реализации задачи установления власти России в регионе. «Кавказ, - говорил Ермолов, - это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать ее, или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду»¹³¹.

На основании данного видения им целей и задач военной политики России в регионе, еще ранее, в 1818 г., Ермоловым была предложена Александру I законченная программа своей политики, которая предусматривала создание на Северном Кавказе, и особенно в Чечне, расширенной сети оборонительных сооружений, ограничивавших свободное передвижение мобильных формирований горцев, направлявшихся для осуществления набегов в равнинные районы. В соответствии со своей программой Ермоловым был

¹²⁹ Записки А.П.Ермолова 1798-1826. –С.287.

¹³⁰ Записки А.П.Ермолова. 1798-1826. -М., 1991. -С.328-329.

¹³¹ Цит. по: Керсновский А.А. История русской армии: В 4-х т. -М.: Голос, 1993. -Т.2. -С.95.

составлен последовательный и систематический план наступательных действий. Не спуская горцам ни одного грабежа, не оставляя безнаказанным ни одного набега, в то же время он, по мнению А.Керсновского, «положил никогда не делать второго шага, не сделав первого, - не начинать решительных действий, не оборудовав предварительно их баз, не создав раньше наступательных плацдармов. Существенную часть плана составляла постройка дорог и просек, возведение укреплений (топору и заступу Ермолов отводил место наравне с ружьем) и, наконец, широкая колонизация края казаками и образование «прослоек» между враждебными России племенами путем переселения туда «преданных нам племен»¹³².

Таким образом, непосредственно военно-политические акции Ермолова заключались в разделении горских народов на лояльных и нелояльных России (мирных и немирных - по терминологии XIX в.), подавлении открытых вооруженных выступлений в регионе против России и предотвращении возможных аналогичных возмущений. Важнейшим фактором, определявшим суть его политики, явилось то, что «проконсул Кавказа» не представлял себе, что какой-то владетель отказывает в покорности императору России, власть которого была, по его мнению, более справедливой. И поэтому усилия его были направлены на ограничение суверенной власти кавказских владетелей, а там, где это было возможно - и полное ее прекращение.

Характерна в этом плане и военно-политическая прозорливость Ермолова, поскольку последующее развитие событий в регионе подтвердило опасения главнокомандующего. Уже весной 1818 г., например, все внимание русской военной администрации было обращено на восстание в Чечне. Понимания всю значимость данного восстания, а также возможные его последствия Ермолов лично возглавил экспедицию в Чечню, «рядом коротких ударов привел в повиновение всю местность между Терекон и Сунжей, построил крепость Грозную»¹³³. Обезопасив аналогичным образом левый фланг со стороны Дагестана, Ермолов пошел в Аварию на Дженгутай, где в этот период также происходило восстание, возглавляемое аварским владетелем Аслан-ханом. После подавления восстания Аварское ханство вновь было

---

¹³² Керсновский А.А. Указ. соч. -Т.2.

¹³³ Керсновский А.А. Указ. соч. -Т.2

приведено в подданство России, а для предупреждения аналогичных выступлений в 1819 г. здесь была построена крепость Внезапная. В следующем, 1820 г. Ермоловым предпринимались экспедиции в Каракайтаг, Акушу, Казикумык и другие районы Дагестана, расширившие зону влияния русской администрации. Постройкой в 1821 г. крепости Бурной был закончен на левом фланге треугольник опорных пунктов. Обеспечив таким образом левый фланг, Ермолов обратил в 1822 г. внимание на центр Кавказской линии, где постройкой новых линий и укреплений были подавлены и предотвращены последующие антироссийские вооруженные выступления в Кабарде.

В целом же меры, предпринятые главнокомандующим, не позволили уже в середине 20-х гг. XIX столетия разрозненным вооруженным выступлениям в регионе слиться в одно целое и тем самым уберегла народы Северного Кавказа от опустошительных войн. Это тем более важно, поскольку значительная часть антироссийских вооруженных выступлений носила ярко выраженный инспирированный характер и не отражала по своей сути интересы всего населения региона или даже какого-то определенного народа. Жесткая и бескомпромиссная позиция генерала А.П.Ермолова, проявленная им в ходе подавления восстаний в различных регионах Кавказа, не позволила также в полной мере проявиться движению мюридизма, ставшего в последующем основой антироссийского вооруженного сопротивления. Вплоть до начала 30-х годов это движение так и оставалось в рамках религиозной пропаганды.

К сожалению, политика русской администрации в регионе после отстранения А.П.Ермолова от должности наместника на Кавказе в значительной мере характеризовалась непоследовательностью и половинчатостью важнейших административных и политических акций. В итоге как выше было отмечено, разрозненные антироссийские вооруженные выступления горцев трансформировались в широкомасштабную войну¹³⁴. И

---

¹³⁴ В настоящее время в отечественной исторической науке по проблематике кавказской военной политики России наиболее распространенными являются две противоположные точки зрения. Ряд историков, среди которых, например, такие известные ученые-кавказеды, как Х.-М. Ибрагимбеги, Г.А.Джахиёв, С.М.Шамилёв и другие, отождествляют Кавказскую войну с национально-освободительным движением горцев Чечни и Дагестана (или всего Кавказа), подчеркивая при этом колониальный характер политики России в регионе. Иной точки зрения придерживаются М.Блиёв, В.Б.Виноградов, В.Г.Гаджиёв, В.В.Дегоев и ряд других ученых, отстаивающих положения исторической закономерности вовлечения кавказских народов в политику России. По нашему мнению,

хотя, очевидно, что сама по себе Кавказская война - явление вполне закономерное и обусловленное целым комплексом противоречий, конфронтационными по своей сути интересами, военно-силовой практикой и исторической традицией их реализации, а также объективными процессами развития России и процессами самоидентификации этноконфессиональных образований региона, тем не менее, говоря о ее масштабах и формах противоборства нельзя не отметить тот факт, что во многом они определялись допущенными русской военной администрацией на Кавказе ошибками.

Занятое войнами с Ираном и Турцией и не уделяя должного внимания развитию внутривнутриполитических процессов в регионе, кавказское командование фактически упустило процесс становления и трансформации мюридизма - из средства религиозного просвещения в теократическое радикальное движение, под знаменем которого со стороны горцев и развернулась Кавказская война. В результате произошло не только становление и развитие антироссийского повстанческого движения, но и его организационное оформление в виде мятежного анклава - имамата¹³⁵ в Дагестане и Чечне, все более распространявшим свое влияние на другие регионы Кавказа.

Когда же наконец, на рубеже 20-30 годов, русская администрация на Кавказе решила навести порядок в районах, наиболее пораженных антироссийскими вооруженными выступлениями (Джаро-Белоканах, Абхазии, Карачае) оно столкнулось уже с организованными, хорошо вооруженными формированиями горцев, способными противостоять регулярной армии.

Русская военная администрация не могла ничего противопоставить данному движению кроме как проведение экспедиций по усмирению процессы консолидации этнически разобщенного Северного Кавказа в единое государственное образование явились важнейшим фактором, определившим политическую обстановку в регионе, в том числе и вооруженное противостояние. На практике шла трансформация клерикального по сути и, конечно же, антироссийского по своему характеру движения в объединение на государственных началах по военно-феодалному, теократическому признаку. Именно в свете этого обстоятельства и следует рассматривать причины Кавказской войны, которая со стороны горцев протекала, не против какой-либо определенной силы (в том числе и России), а за завоевание политической власти в регионе сторонниками радикального исламского движения (прим. автора).

¹³⁵ Имамат представлял собой не только совокупность этно-территориальных образований Кавказа. По существу это было войско-государство, аналогом которого являлись в средневековье европейские рыцарские ордена. На протяжении всей Кавказской войны имамат представлял собой единый военный лагерь, ориентированный в основном на войну с Россией.

восставших том или ином районе Кавказа. Следствием этого явилась и оккупационная политика во всем регионе, в рамках которой отношения с местным населением строилось уже не как с российскими подданными, а как с побежденными. Сущность данных экспедиций наиболее точно, охарактеризовал Д.А.Милютин, по мнению которого, «мы не воевали с горцами, мы постоянно их наказывали»¹³⁶. А это в свою очередь соответственно формировало оппозицию русским властям среди населения региона, даже среди тех кавказских народов и общин, которые ранее были лояльны России. Воевать же со всем населением региона было не только бесперспективно, но и крайне опасно. Об этом свидетельствует не только отечественный, но и весь мировой военно-политический опыт. Пагубность и бесперспективность данной политики силового принуждения или покорения горцев осознавали в первую очередь сами участники войны - генералы и офицеры Кавказской армии. Неслучайно, именно они (Д.А.Милютин, Н.Н.Муравьев, Е.А.Головин, С.М.Воронцов, да и сам А.П.Ермолов) являлись и наиболее последовательными сторонниками пересмотра и коренного изменения политики России в отношении кавказских народов, с тем чтобы перевести конфликт между населением и русскими войсками в фазу его политического урегулирования. Важнейшая цель при этом преследовалась - вернуться к изначальному смыслу кавказской политики России: не воевать с кавказскими народами, а защищать их от вооруженных нападений различных агрессивных формирований, не покорять их, а обеспечивать мирную жизнь населения региона и в целом стабильность на Кавказе.

Сама же военно-политическая обстановка в регионе приняла характер сезонных наступательных кампаний, чередуясь с состоянием «ни мира, ни войны» или вооруженного нейтралитета, суть которого сводилась к тому, что сфера деятельности войск Кавказской армии не распространялась на районы, находящиеся под контролем верховного правителя восставших горцев – имама Шамиля.

Таким образом, антироссийская деятельность вооруженных формирований стимулировалась и кавказским командованием, и в целом

---

¹³⁶ Милютин Д.А. Краткая записка о Кавказских делах и желаемом образе действий в этом крае //Известия императорской Николаевской военной академии. -№43, июль 1913.

правительством страны. Более того, царское правительство в лице самого Николая I на протяжении длительного времени пыталось привлечь Шамиля к совместному управлению Дагестаном и по существу сковывало действия войск Кавказского корпуса. Лишь к 1838 г. в Петербурге осознали, что Шамиль не пойдет ни на какие переговоры о разделении сфер влияния на Кавказе и то, что основная цель имама - управлять не частью Северного Кавказа, а быть полновластным правителем всего региона. Только тогда царским правительством было принято, наконец, решение о необходимости проведения крупномасштабной военной кампании. Ход подготовки и проведение данной кампании достаточно полно изложены в книге Д.А.Милютин «Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане». Между тем и военные кампании не могли уже привести к желаемому для российского руководства результату, поскольку имамат настолько окреп в военно-политическом отношении, а тактика партизанских действий горцев была настолько эффективна, что использование крупных воинских контингентов не решало задачи достижения победы над противником. Добиваясь тактических успехов в ряде операций, русское командование, тем не менее, проигрывало в главном - оно постепенно все больше утрачивало контроль над большей частью региона.

Анализ хода войны с горцами свидетельствовал о том, что неудачные военные кампании русских войск и в целом сложившаяся социально-политическая обстановка в регионе предполагали необходимость изменения и системы военных действий против горцев и, самое главное - изменения системы управления регионом. Все более очевидным становился тот факт, что использование силовых методов и крупных воинских контингентов для урегулирования военно-политической обстановки являются малоэффективными в борьбе против горцев. Война принимала партизанский характер. Россия все больше и больше втягивалась в Кавказскую войну, неудачи в которой поглощали не только военные, материальные и финансовые ресурсы, но и в значительной степени деморализовали войска Кавказской армии.

Перелом в кавказской политике России наступил лишь с назначением на должность наместника и одновременно главнокомандующего Кавказской армией генерала С.М.Воронцова. Новый наместник, находившийся в курсе событий на Кавказе, был уверен в необходимости иной тактики, но не имея

полномочий определять направления, формы и способы подавления антироссийского повстанческого движения, в силу того, что Николай I лично планировал и утверждал все операции Кавказского корпуса, был вынужден выполнять политику экспедиционных операций. Показательно, что основным убеждением Николая I в этом плане было то, что горцев Шамиля можно разбить одним ударом, если для этого удачно выбрать место и время. Как следовало из предначертанного им плана кампании 1845 г., главным шагом к подрыву господства имама должен быть захват «центра его владычества». Николай I, таким образом, игнорировал уроки всех прошлых военных кампаний на Кавказе, свидетельствовавшие, что взятие резиденции Шамиля ничего не давало, поскольку любой малодоступный аул мог стать новым центром его владычества. Понадобилась кровавая даргинская операция, в ходе которой погибли более трех тысяч русских солдат, офицеров и генералов, чтобы иллюзии Николая I рассеялись окончательно и император перестал вмешиваться в руководство военной кампанией на Кавказе, передав все полномочия по подавлению повстанческого движения своему наместнику на Кавказе.

Получив свободу планов и решений, С.М.Воронцов приступил к реализации «ермоловской» стратегии медленного, но уверенного продвижения в глубь Дагестана и Чечни. Для этого он считал необходимым окружить территорию имамата с севера, востока и юга цепью укреплений, с тем чтобы заставить войска Шамиля отойти в горы, нарушить при этом все важнейшие коммуникации мюридов. И уже к 1846 году тактика Воронцова дала себя знать. Имамат постепенно сжимался кольцом русских укреплений, представлявших собой единую оборонительную линию. В конечном итоге, новая система Воронцова вынуждала Шамиля заботиться уже не о набегах на русские гарнизоны, а об оборонительных мероприятиях. В последующем Шамиль, как стратег, высоко оценил систему С.М. Воронцова, свидетельством чему явилось его признание, о том, что с 1845 г. в стратегии войны Россия вышла на верный путь¹³⁷

Говоря о военно-политических аспектах преодоления повстанческого движения на Кавказе нельзя не остановиться на деятельности в качестве наместника на Кавказе генерала Н.Муравьева-Карского который изначально не

¹³⁷ См.: Блиев М.М., Дегосв В.В. Кавказская война. -С.489.

был согласен с политикой колонизации региона, проводившейся как центральной властью, так и местной администрацией. Не воспринимая в качестве основного военно-силовой подход к решению проблем народов региона, генерал Н.Муравьев считал целесообразным использование экономических, а не военных мер. В основе его политики по отношению к горцам Кавказа лежало стремление привлечь их к торгово-экономической деятельности с Россией. Следует отметить, что отчасти Н.Муравьеву удалось реализовать свой замысел в том плане, что период его наместничества был одним из наименее активных в процессе функционирования имамата. Пожалуй, самым важным итогом политики Н.Муравьева явилось то, что был сбит импульс вооруженной активности самих горцев, уставших от затянувшейся войны с Россией и начавших отходить от радикального движения. Ко второй половине 50-х гг. XIX столетия Кавказ перестал представлять собой наиболее кризисный и взрывоопасный регион.

Таким образом, были созданы предпосылки для мирного разрешения «кавказского кризиса» России, посредством перевода военно-политических отношений с горцами Шамиля в область договорных. Но в силу изменения политической конъюнктуры в 1856 г. новым наместником на Кавказе был назначен генерал А.И.Барятинский, который так же, как и С.М.Воронцов, в полной мере исповедовал ермоловскую систему военно-политической блокады горцев и вооруженного подавления их сопротивления. Именно ему предстояло завершить Кавказскую войну, а с нею и организованное антироссийское движение горцев Кавказа. Примечательны в этом плане слова Шамиля сказанные им князю А.И.Барятинскому в ходе сдачи своей последней резиденции аула Гуниб 26 августа 1859 года: «Я тридцать лет дрался за религию, но теперь народы мои изменили мне, а наибы разбежались ... Поздравляю Вас с владычеством над Дагестаном и от души желаю государю успеха в управлении горцами, для блага их»¹³⁸.

В ходе последнего этапа Кавказской войны, а также по ее итогам была продемонстрирована практика именно военно-политического преодоления антироссийского вооруженного сопротивления. При этом военно-силовой аспект явился преобладающим компонентом политики России в регионе, о чем

---

¹³⁸ Степанов Д. Имам Шамиль /Родина. –1994. -№3-4. –С.43.

свидетельствует как сам заключительный этап Кавказской войны, так и меры принятые царским правительством для исключения возможных аналогичных повстанческих движений в последующем. Особое внимание в этом плане привлекает такой феномен кавказской истории России, как мухаджирство – переселение горцев из наиболее значимых в военно-политическом отношении районов Кавказа в степные районы Ставрополя, а также за пределами Российской империи, в основном в Турцию. По сути дела данная военно-политическая акция являла собой образец депортации, но депортации особого рода, в процессе подготовки к которой переселяемым горцам было предложено место их дальнейшего проживания: или Ставрополье или за пределы империи. К самому процессу переселения было активно привлечено и правительство Османской империи, бывшими владениями которой и являлись данные районы Кавказа. Более того, сам процесс депортации, по мнению Ф.Тройно, свидетельствует о том, что «фактически существовал сговор правительств царской России и султанской Турции о выселении горцев. Царское правительство при этом стремилось избавиться от беспокойного населения на побережье Черного моря, изолировать его от Англии и Турции, а султанское окружение рассчитывало получить в свое распоряжение такой прекрасный боевой материал, каким являлись горцы, и использовать их в новых войнах с Россией (играя на их стремлении вернуться в родные края) и в борьбе с освободительным движением славян Балканского полуострова»¹³⁹. Поэтому султан в своем специальном фирмане сулил блага переселяющимся горцам¹⁴⁰. А специальный турецкий эмиссар Мухаммед Насарет в прокламации от 1 июня 1864 г., обращенной к горцам, сообщал: «Получив назначение от правительства встретить и устроить вас, я ручаюсь за ваше спокойствие и безопасность ... Берите семейства и все необходимые вещи, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов и весь наш народ принимает в этом деятельное участие денежными пожертвованиями»¹⁴¹. В общей сложности с Черноморского побережья Кавказа переселились в Турцию 1 млн. человек, на левый берег реки Кубань - около 100 тыс. человек. Подобная агитация велась и

¹³⁹ Тройно Ф.Л. Кавказская война и судьбы горцев //Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции. -Краснодар, 1995.-С.84-85.

¹⁴⁰ См.: Тройно Ф.Л. Кавказская война и судьбы горцев. -С.84-85.

¹⁴¹ ЦГИА Грузии, ф.416, он. I. д. 1115. л. 1.

среди других народов Северного Кавказа: кабардинцев, чеченцев, ногайцев и других, но на массовые переселения эти народы не поддались. Самым крупным переселением среди этих народов стало переселение 5 тыс. чеченцев по инициативе начальника Чеченского округа генерала Кундухова (чеченца по национальности).

Переселение народов стало, пожалуй, одной из наиболее трагических страниц кавказской политики России, свидетельствовавшей о том, что народы региона, став объектом противостояния региональных держав вынесли на себя основную тяжесть данного противоборства.

Все это не могло соответствующим образом не отразиться на последующем развитии региона, который так и оставался в составе Российской империи потенциально кризисным и конфликтогенным, внутривластная обстановка в котором готова была в любой момент взорваться комплексом вооруженных конфликтов не только на антироссийской, но и на межнациональной основе.

Подтверждением этому явились, в частности процессы постреволюционного периода, в ходе которого начались первые вооруженные уже сепаратистские выступления. Первым из таких вооруженных выступлений явилось поднятое в сентябре 1920 г. в ряде горных районов Чечни и Северного Дагестана крупное вооруженное восстание, которое возглавили Нажмуддин Гоцинский и внук имама Шамиля - Саид-бей. Слабость советских войск в регионе позволила мятежникам в течение нескольких недель установить контроль над многими районами, уничтожив или разоружив находившиеся там подразделения Красной Армии. К ноябрю 1920 г. в составе бандформирований действовали 2800 пехотинцев и 600 всадников. Они базировались в аулах, находившихся в долинах рек Андийского Койсу и их притоках, которые были хорошо укреплены самой природой.

Для разгрома мятежников советское командование решило нанести два удара по сходящимся направлениям на Хунзах: первый силами 14-ой дивизии из Темир-Хан-Шуры, второй - Образцовым Революционной Дисциплины полком из Ведено. Всего к операции привлекалось около 8 тыс. пехоты и 1 тыс. кавалеристов. Тем не менее, ни сам план операции, ни практическая его реализация не учитывали специфику региона и характер тактики вооруженных

формирований горцев. В результате наступавшие сразу по нескольким направлениям части 14-ой дивизии были блокированы в населенных пунктах и большей частью уничтожены. Полностью был уничтожен и Образцовый Революционной Дисциплины полк. Часть полка оказалась блокированной в Ботлихе. Командование полка, вступив в переговоры с горцами, выговорило право отвода полка обратно в Ведено. Когда же условия о разоружения полка были выполнены, мятежники шашками и кинжалами уничтожили всех красноармейцев. Таким образом, кампания в 1920 г. в Дагестане и Чечне завершилась поражением советских войск на всех направлениях. Это повысило боевой дух горцев и привело под их знамена тысячи новых добровольцев. К началу 1921 г. в мятежных районах бандформирования насчитывали около 10 тыс. боевиков, с учетом же поддержки их местным населением общее число мятежников достигало 50 тыс. человек.

Осознав масштаб восстания и невозможность его подавления малыми и раздробленными силами, советское командование приняло необходимые меры по подавлению мятежа и ликвидации бандформирований в Дагестане. Директивой Командующего Кавказским фронтом от 25 января 1921 г. для «наведения порядка в Чечне и Дагестане» была сформирована специальная Терско-Дагестанская группа войск, в состав которой вошли три стрелковые и одна конная дивизии, отдельная Московская бригада курсантов, два автобронеполка и разведывательный авиационный отряд. Численность группировки насчитывала до 20 тыс. пехоты, 3,4 тыс. кавалерии, на ее вооружении было 67 орудий, 8 бронеполка и 6 самолетов.

Общий план операции предусматривал наступление трех группировок войск по сходящимся направлениям на Хунзах. В качестве основ тактики предписывалось «... действовать сильной ударной колонной, не разбрасывая силы на отдельные второстепенные направления. Обратить внимание на усиление агентурной разведки. Избегать по возможности лобовых ударов, шире использовать маневр, обходы и охваты. Максимально использовать огонь артиллерии»¹⁴².

В течение марта 1921 г. обстановка в основном районе действий бандформирований (междуречье Андийского Койсу и Аварского Койсу) была

---

¹⁴² Бочарников И.В. Исторический опыт ликвидации бандформирований. – М., 1999 г.

нормализована, войсками были заняты все крепости, многие большие аулы и ключевые районы местности. Все передвижения горцев осуществлялись с разрешения и под контролем советского командования. Таким образом, учтя негативный опыт первой операции по ликвидации бандформирований в регионе, советское командование сумело посредством создания группировки войск, решительного применения техники и вооружения, перестройкой тактики своих действий нанести поражение основным силам повстанцев.

При этом сам опыт военно-политического преодоления приходилось обретать непосредственно в процессе подавления вооруженного выступления. В этом плане обращает на себя внимание практика работы командования с местным населением в районах, освобожденных от бандформирований.

Главная проблема, с которой столкнулось советское командование - разоружение местного населения. Культ оружия среди горцев был настолько велик, что сама мысль лишиться его нередко приводила их в ряды мятежников. Приходилось действовать осторожно, изымая оружие поэтапно. В начале было предложено сдать «излишки», оставив по одному стволу на каждого представителя мужского населения, от младенца до древнего старика. При этом была произведена регистрация оружия, позволившая определить приблизительно его количество. Затем право на ношение оружия было оставлено только мужчинам в возрасте от 20 до 60 лет, а боезапас ограничен до 50 патронов на ствол. При малейших нарушениях установленного порядка оружие и боеприпасы изымались не только у провинившегося, но и других жителей аула. Данные меры позволили в течение месяца изъять у горцев около 3 тыс. единиц огнестрельного оружия и большое количество патронов.

Вторая проблема в работе с местным населением была связана с передислокацией войск, оставлением ими ранее занятых в ходе боев районов в связи с переходом на мирное положение. Издавна существовавшее среди горцев убеждение, что власть пришельцев на местах существует лишь до тех пор, пока там находятся их войска, и теряет всякую силу с их уходом, могло быстро свести на нет достигнутые с таким трудом успехи. Во избежание этого уход войск всячески демонстрировался, как акт доброй воли победителей. В приказе Реввоенсовета Дагестанской группы по этому поводу в частности указывалось: «Дабы не дать почвы для новой провокации при оставлении нами занятых аулов

в Нагорной Чечне и Дагестане, якобы под давлением каких-либо для нас невыгодных и угрожающих обстоятельств, немедленно энергично подготовить население к предстоящему добровольному уходу войск. Население должно быть убеждено, что мы не желаем обременять аулы различными повинностями, как-то подворной, квартирной и прочими. Уход частей тщательно обставлять торжественными митингами и демонстрациями, приветствиями населению, массовыми собраниями, разъяснениями целей и задач Красной Армии».

Следует отметить, что именно работа с местным населением представлялась наиболее значимой для командования частей и соединений, участвующих в ликвидации бандформирований, поскольку местное население в силу исторически сложившейся традиции всячески поддерживало их, расширяя тем самым социальную базу антисоветского повстанчества. Таким образом, в регионе потенциально имел место источник социального протеста, готового в любой момент вылиться в форму вооруженного выступления. Что в общем-то и происходило в процессе становления советской власти на протяжении всего предвоенного периода. В целом представляется возможным констатировать, что в предвоенные годы органам власти не удалось решить северокавказскую проблему и стабилизировать обстановку в регионе. Горцы враждебно отнеслись к политике «всеобщей коллективизации и индустриализации». Их протест выражался в издавна привычных для данных народов формах - восстаниях, бандитизме и воровстве государственного имущества. Для их подавления органы власти пошли на массовое применение не только сил правопорядка, но и воинских формирований. Действия войск носили карательный характер. Репрессиям подвергались как мятежники, так и мирное население, среди которого постепенно усиливалось недовольство советской властью. Данные настроения особенно остро проявились с началом фашистской агрессии против СССР, явившейся действенным фактором активизации антиросийски настроенных националистических сил Северного Кавказа.

В свою очередь и сама деятельность националистических банд создавала благоприятные условия для осуществления замыслов гитлеровского командования в ходе агрессии против СССР. В частности на Северном Кавказе уже в июле 1941 стала разворачиваться сеть разведывательных и диверсионных школ для подготовки диверсантов исключительно для действий в данном

регионе. Для пополнения этих школ в лагерях военнопленных инструкторами полка специального назначения «Бранденбург-800» началась вербовка выходцев с Северного Кавказа и из Закавказья. Формировались целые роты из представителей коренного населения этого региона. Осенью 1941 г. в лагере «Штранс» было сформировано специальное воинское подразделение - батальон «Бергман» (горец), предназначенное для подрывной работы на Кавказе¹⁴³. И уже в летнем наступлении 1942 г. германское командование поставило перед диверсионной частью абвера (полком «Бранденбург») задачу оказать помощь действовавшим на южном крыле советско-германского фронта немецким войскам и одновременно установить связь с бандформированиями, действовавшими на Кавказе.

Абвер, РСХА пытались всячески стимулировать деятельность этих бандгрупп, понимая, что для борьбы с ними в горных условиях советская сторона вынуждена будет отвлечь от фронта значительные силы и средства. И, действительно, советское командование для охраны своего тыла было вынуждено проводить специальные операции, к которым привлекались значительные силы. Документы тех лет свидетельствуют о том, что в различные периоды обороны Кавказа для борьбы с бандитизмом привлекались целые войсковые формирования, снятые непосредственно с фронта. В частности, в действиях против бандформирований участвовали 242 горно-стрелковая, 347 и 317 стрелковые дивизии Закавказского фронта, 28 запасная стрелковая бригада, Орджоникидзевская дивизия НКВД, практически все военные училища, расположенные на территории Закавказского фронта. Задачи по борьбе с бандгруппами получали 58, 44 и 28 армии. На Кавказе, таким образом, советским войскам приходилось воевать на два фронта, т.к. удара можно было ожидать не только со стороны немцев, но и с тыла, со стороны местного

---

¹⁴³ Личный состав батальона насчитывал полторы тысячи человек и был разбит на пять рот. 1-я и 4-я роты были укомплектованы грузинами, 2-я - карачаевцами, кабардинцами, осетинами, ингушами, чеченцами, 3-я - азербайджанцами и 5-я - армянами. К осени при батальоне были сформированы два кавалерийских эскадрона. В июле 1942 года батальон «Бергман» прибыл в Таганрог, 1-я и 3-я роты были приданы 23-й танковой дивизии и действовали в районе Моздока, 2-я рота - 13-й танковой дивизии в районе Майкопа, 4-я рота действовала в районе Эльбруса. Из личного состава 2-й и 4-й рот были назначены бургомистры и старосты в оккупированных районах Северного Кавказа. Перед 5-й ротой была поставлена задача по захвату Военно-Грузинской дороги. Кавалерийские эскадроны действовали в тылу советских войск в долине реки Баксан.

населения. О том, какую опасность представляли банды в тылу наших войск, свидетельствуют следующие факты: 27 июля 1942 г. резервная рота 66 полка попала в засаду в районе горы Кур-Кумас и была блокирована бандой. Только через четверо суток с помощью прибывшего 114 полка войск НКВД роте удалось вырваться из мешка. Одна из крупных банд в январе 1944 года сковала выдвижение целой стрелковой дивизии, которая горной дорогой шла в район Нальчика. Постоянными были обстрелы колонн войск, передвигавшихся по горным дорогам, нападение на железнодорожные составы, угоны скота, террор.

Характерными чертами тактики борьбы с незаконными вооруженными формированиями на Северном Кавказе в то время являлось вытеснение обнаруженных банд в горы, рейдовые действия по районам, где были обнаружены вооруженные группировки в сочетании с оперативной и агентурной деятельностью органов НКВД. Все это, конечно же не приводило к полной ликвидации бандформирований и соответственно осложняло деятельность органов государственной власти в прифронтовой полосе. Кроме этого, к недостаткам действий советских войск можно отнести также слабое знание местности, плохая организация разведки, что приводило к безрезультатности проводимых операций. Немаловажной причиной являлось и то, что Красная Армия, в отличие от повстанцев, не пользовалась поддержкой большинства местного населения. Следствием этого явилось то, что действия по ликвидации бандитизма в ряде районов Чечни в 1942 г. не дали ожидаемых результатов. Банды, действовавшие там, не были полностью уничтожены, а только рассеяны.

Уроки из опыта боевых действий с бандформированиями извлекались по ходу их ликвидации. Так, в результате операции, проведенной советским командованием осенью 1942 г., в течение боя 2-3 октября основная часть обнаруженной бандгруппы была уничтожена. В ходе прочесывания лесных массивов было разгромлено 8 штабов по руководству бандами, в т.ч. и штабы, поддерживавшие связь с немцами и возглавляемые кадровыми немецкими разведчиками. Это стало возможным благодаря грамотным действиям командиров, которые отказались от вытеснения противника, а фланговыми ударами рассекли его группировку, организовали блокирование разрозненных

групп, а затем прочесывание местности, не позволив противнику безнаказанно уйти от преследования.

Успешные действия войск Красной Армии и НКВД против бандформирований, предпринятые в 1942-1943 гг., позволили уничтожить основные силы повстанцев. К концу 1944 года все крупные банды на Северном Кавказе были ликвидированы или рассеяны. Однако борьба с мелкими группами бандитов продолжалась и после войны.

В целом опыт борьбы с бандформированиями на Северном Кавказе показал, что наибольший эффект достигался тогда, когда войска действовали решительно, а операции проводились стремительно - с целью окружения противника. Одновременно блокировались пути его отхода, на горных тропах выставлялись посты и секреты, которые задерживали практически всех лиц и направляли их для фильтрации в органы НКВД.

Немаловажную роль в борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе играло создание необходимых группировок войск для действий в специфических условиях горно-лесистой местности, их снабжение и оснащение. Для ликвидации разрозненных банд создавались отряды, своего рода тактические группы, общей численностью не более 150-200 чел. Обязательным их элементом был взвод автоматчиков и до взвода ротных минометов. Кроме того, для проведения фильтрации населения задействовались подразделения НКВД из состава войск по охране тыла. Всего отряд мог насчитывать 2-3 стрелковых взвода, взвод автоматчиков, взвод ротных минометов. Иногда, если позволяла обстановка на фронте или погода, действия войск могла поддерживать авиация.

Для проведения широкомасштабных операций использовались более крупные формирования от стрелкового полка и выше. Однако обстановка не всегда позволяла снимать с фронта регулярные части Красной Армии и поэтому основная тяжесть борьбы с бандитами ложилась на войска, находящиеся в тылу: части по охране тыла, истребительные батальоны, запасные части, военные училища.

Особую роль в ликвидации бандформирований играли применение ранее неизвестного вооружения и техники, неожиданного маневра в ходе боя. Это объясняется тем, что практически для всех бандформирований с исламской религиозной ориентацией, наряду с присущими им особой дерзостью,

жестокостью, фанатизмом, саморекламой, при ведении боевых действий характерны боязнь новых способов ведения боя. Эти действия, как показал опыт, могут полностью деморализовать противника, заставить его на продолжительное время отказаться от участия в борьбе, идти на компромисс даже в благоприятных для него условиях.

Раскрывая политические аспекты подавления антисоветских выступлений в регионе в годы Великой Отечественной войны, нельзя не остановиться на рассмотрении такого феномена отечественной истории как депортация ряда северокавказских народов.

Понимая неэффективность только лишь военно-силовых методов для стабилизации обстановки в регионе, советское руководство, в целях пресечения деятельности бандформирований решило одним ударом максимально сузить социальную базу повстанчества. С этой целью в конце 1943 - начале 1944 гг. органами НКВД по распоряжению И.В.Сталина была осуществлена поголовная депортация ряда северокавказских народов (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев) из мест постоянного проживания в отдаленные районы Средней Азии и Казахстана (всего было выселено 581.644 человека).

Таким образом, сталинское руководство фактически воспроизвело ошибочный курс русской администрации в ходе Кавказской войны, поскольку, несмотря на масштабность и откровенно репрессивный характер, депортация не решила проблемы ликвидации бандитизма на Северном Кавказе. Большинство граждан республик Северного Кавказа пострадало незаслуженно, а уклонившиеся от выселения чеченцы и ингуши, возмущенные незаслуженными репрессиями, перешли на нелегальное положение, ушли в горы. В связи с тем, что значительная часть действовавших на февраль 1944 г. кадровых банд не была ликвидирована, лица, не попавшие в невод депортации, стали их естественным пополнением. Только на 1 января 1945 года на территории Чечено-Ингушетии действовало свыше 80 бандитских групп и значительное количество чеченцев и ингушей, уклонившихся от выселения. Главным негативным следствием депортации стало то, что она поставила под сомнение легитимность борьбы с бандформированиями, обострила и без того сложные российско-кавказские отношения.

Закономерным следствием сталинской депортации явилось содержание и динамика процессов, происходивших на Северном Кавказе в последующие годы. Именно тогда и были заложены основы этноконфессиональной конфликтности между жителями Северной Осетии и Ингушетии, Чечни и Дагестана. Так в частности, после упразднения в 1944 г. Чечено-Ингушской АССР из ее состава в Дагестанскую АССР были переданы 4 района полностью и 3 частично. В эти районы было переселено 45,9 тыс. аварцев и даргинцев из высокогорных районов Дагестана. После же возвращения в конце 50-х гг. из ссылки чеченцев возникли многочисленные конфликты из-за домов и имущества, которые распалили межнациональную рознь и закладывали основу для сегодняшнего противостояния. Аналогичным образом были заложены в тот период и истоки неурегулированного и по сей день осетино-ингушского конфликта.

Таким образом, в целом, характеризуя практику военно-политического преодоления сепаратизма в регионе, следует констатировать: собственно политические аспекты ее были реализованы только лишь в 20-ые годы в процессе становления советской власти в регионе. При этом ставка органов государственной власти на работу с местным населением в значительной мере оправдала себя, существенно снизив уровень поддержки населением бандформирований. В период же Великой Отечественной войны и по ее завершению акцент руководством страны был сделан в основном на военно-силовой, репрессивный характер подавления сопротивления. Целостной программы политического урегулирования этнополитических конфликтов в регионе выработано и соответственно не реализовано на практике не было. Проведенная же реабилитация репрессированных народов к таким мерам также не может быть отнесена, поскольку имела заведомо конъюнктурный и популистский характер. Обвинив И.В.Сталина в репрессиях против целых народов, политическое руководство страны во второй половине 50-х годов, попыталось уйти от ответственности за факты депортации. Тем самым эта ответственность была возложена не на конкретных организаторов и исполнителей репрессивных акций, а на население, остававшееся в местах исторического проживания депортированных граждан. Это в свою очередь закладывало основы последующих межнациональных конфликтов,

эпизодически проявлявшихся в последующий период развития советской государственности в основном на бытовом уровне. Вполне закономерно поэтому в процессе распада СССР данная этнополитическая напряженность трансформировалась в целую серию локальных войн.

Раскрывая специфику и основные направления военно-политического преодоления сепаратизма и иного рода внутривнутриполитических кризисных проявлений следует отметить, что во многом аналогично северокавказскому, антисоветское повстанческое движение развивалось и в ряде других регионов страны.

При этом вполне закономерно, что в кризисные предвоенные и особенно военные годы проблема военно-политического преодоления сепаратизма в значительной мере актуализировалась именно в тех регионах страны, которые были присоединены к СССР в самый канун Великой Отечественной войны.

Так, наиболее масштабным и организованным повстанческое движение было в Прибалтике и на Западной Украине. Импульсом развития сепаратистских процессов в данных регионах явилось то, что с одной стороны приход к власти в 1940 г. Литве, Латвии и Эстонии правительств, ориентированных на Советский Союз, предопределил их последующее вхождение в состав СССР, что явилось важнейшей причиной возникновения антисоветского подполья и соответственно деятельности национальных бандформирований. С другой стороны, повстанческое движение в указанных административно-территориальных образованиях в значительной мере стимулировалось и поддерживалось в военный и предвоенный периоды германским командованием в целях ослабления Советского Союза

При этом наибольшей ожесточённостью и масштабностью (как по количеству вовлечённых в банды участников, так и территориально) отличалась деятельность бандформирований в Литве. Здесь же берет начало деятельность организованного националистического подполья, впервые заявившем о себе в июле 1940 г. в процессе организации бойкотирования выборов в народный сейм республики. В этот же период стали создаваться подпольные группы, сделавшие своей главной целью антисоветскую вооруженную борьбу. После нападения Германии на СССР они подняли в июле 1941 г. восстание в тылу советских войск и установили свою власть во многих городах и районах

республики. Это первое крупное антисоветское выступление способствовало формированию руководящего ядра послевоенного националистического движения.

Непосредственно в период оккупации в 1943 г. на территории Литвы был сформирован ряд националистических подпольных организаций и объединенных бандформирований «ЛЛА» (Литовская Освободительная Армия) и «СЛП» (Союз литовских партизан)¹⁴⁴. Кроме того, в городе Вильно, Тракайском, Алитус-Свенциянском уездах, где преобладало польское население, по решению Лондонского польского правительства была сформирована польская Армия Крайова, также ориентированных на вооруженную борьбу с СССР.

Аналогичные литовским по своей структуре и составу бандформирования были созданы и на территории других прибалтийских республик. Так, на после отхода немецких войск с территории Латвии, значительная часть латвийских националистических элементов, бывших полицейских, легионеров, членов военно-фашистских организаций «Айзсоров» и участников карательных отрядов с оружием в руках мелкими группами ушла в подполье и создала латышские националистические партизанские организации (ЛНПО), направлявшие свою деятельность против органов Советской власти и проводимых ею мероприятий. После разгрома немецких войск в Курляндии основная часть добровольцев 18-й и 19-й латышских дивизий СС скрылась от пленения и мелкими группами вошла в различные бандформирования, строившиеся по территориальному принципу. В Эстонии, во время оккупации её Германией, была возобновлена деятельность военно-фашистской организации «Кайзелит», переименованной немцами в «Омакайтсе». Организация имела в своём составе порядка 90 тыс. членов, состояла из 12 полков (по одному в каждом уезде и один в г.Таллинн).

В целом антисоветское движение в Прибалтике в течении всего периода вооруженной борьбы носило разрозненный характер и отличалось большой автономностью деятельности бандформирований и их независимостью от руководящего центра, что с одной стороны, позволяло пресекать их деятельность меньшими силами войск. В то же время разобщённость понижала

---

¹⁴⁴ О характере и содержании проводимой организационной работы свидетельствует один из приказов Верховного штаба ЛЛА (см. приложение).

уязвимость отдельных очагов бандпроявлений и возможность поражения движения в целом путем ликвидации его центральных структур. При этом активность бандгрупп, в значительной степени, определялась проводимыми Советской властью социально-политическими и экономическими преобразованиями. Так, росту активности бандформирований летом 1944 г. способствовала объявленная мобилизация лиц призывных возрастов в ряды Красной Армии. Зимой 1946 г. всплеск активности бандформирований был направлен на срыв выборов в Верховный Совет СССР. Это в свою очередь позволяло прогнозировать периоды активизации их деятельности и принимать адекватные меры по их уничтожению.

Специфика тактики действий бандформирований в Прибалтике предопределила характер и содержание операций по их ликвидации, начавшееся практически одновременно с освобождением прибалтийских республик от немецко-фашистских войск.

В частности, для борьбы с бандитизмом государственными органами была предпринята комплексная система мер политического, социально-экономического и военно-силового характера. При этом ведение боевых действий по ликвидации бандформирований (проведение так называемых чекистско-войсковых операций) являлось главной, но не единственной составляющей действий органов власти по уничтожению банд и устранению причин и последствий деятельности политического бандитизма (по терминологии 20-40-х годов).

С апреля по декабрь 1944 г., когда боевые действия ещё велись на территории Прибалтики, борьбу с бандитскими формированиями вели войска НКВД по охране тыла действующей Красной Армии, войска охраны железных дорог и особо важных предприятий промышленности, конвойные войска, истребительные батальоны, бригады содействия, милиция. В ряде операций привлекались части Красной Армии. Основным видом действий советских войск в Прибалтике в этот период являлись специальные операции по очистке тыла.

Сложившаяся к декабрю 1944 года обстановка на территории Прибалтики потребовала от военно-политического руководства государства создания региональных органов управления войсками. В целях улучшения руководства

частями и соединениями внутренних войск, дислоцировавшихся в Прибалтике, в декабре 1944 г. был создан Прибалтийский округ внутренних войск в состав которого вошли 4-я и 5-я стрелковые дивизии, а затем после освобождения Эстонии, и 63-я стрелковая дивизия. Численность группировки войск составила более 20 тысяч человек.

Вся территория Прибалтики условно была поделена на оперативные секторы. Каждый сектор включал, в зависимости от активности бандформирований, один или несколько уездов. За каждым сектором закреплялась группа работников НКВД-НКГБ и необходимое количество войск. Как правило, границы оперативного сектора совпадали с границами районов действий бандгрупп. Максимальный охват территории республик чекистско-войсковыми мероприятиями достигался рассредоточенной дислокацией соединений округа путем выделения гарнизонов (численность и состав гарнизонов менялись в зависимости от оперативной обстановки). Сама дислокация подразделений осуществлялась в основном батальонными, реже ротными гарнизонами, расположенными большей частью в уездных центрах. Начиная с весны 1946 г. войска Прибалтийского округа стали дислоцироваться взводными (по 16-20 человек), реже ротными (до 100 человек) гарнизонами, охватывая подавляющее количество уездов и волостей Прибалтики. Всего же к середине 1946 г. в Прибалтийском округе ВВ НКВД насчитывалось до 135 гарнизонов взводного состава (отдельные полки имели по 18 и более гарнизонов).

Процесс ликвидации бандформирований в период их наибольшей активности в архивных документах подразделяется на два этапа.

Первый этап относится ко второй половине 1944 г. - весне 1945 г., когда Красная Армия освободила значительную часть территории Прибалтики и планировала наступательные операции в Восточную Пруссию и разгром Курляндской группировки противника.

Этот период характеризовался масштабностью бандпроявлений на большей территории Прибалтики. Определяющей формой борьбы в данном периоде явились специальные чекистско-войсковые операции по поиску и ликвидации банд. Во многих случаях они совпадали с операциями по очистке тыла фронта, армии.

В зависимости от характера действий бандформирований чекистско-войсковые операции планировались на период от одного до трех месяцев. Для проведения операции по ликвидации крупной бандгруппы батальонные (ротные) гарнизоны снимались из пунктов своих дислокаций и концентрировались в определенном уезде. Сама операция состояла из двух периодов: подготовки и непосредственного ведения операции.

Потребность в проведении подобного рода операций большой засоренностью Прибалтики бандгруппами, наличием дезертиров и остатков немецких войск. Поэтому основные усилия были направлены на их выявление и ликвидацию. Эффективность такого способа подтверждают данные органов государственной безопасности, свидетельствующие о том, что только за шесть месяцев 1945 г. число банд, состоявших на учёте, уменьшилось на 29%, а количество бандитов на 48%.

Таким образом, на первом этапе борьбы с бандформированиями в Прибалтике наиболее широкое распространение получили чекистско-войсковые операции, которые в зависимости от обстановки проводились различными методами: поиском в неблокированном районе, прочесыванием, окружением, преследованием. Выбор метода прежде всего зависел от наличия данных о составе, местоположении бандформирований, тактики их действий, наличия сил и средств для операции.

На втором этапе (весна 1945 г. - осень 1946 г.) после ряда серьёзных поражений бандформирования перешли к действиям более мелкими группами (по 30-60 человек). В этих условиях реализовывалось служебно-боевое применение войск с учётом изменения оперативной обстановки, использование более эффективных методов ликвидации бандитизма. На данном этапе получил развитие такой метод ликвидации бандформирований, как блокирование района (населенного пункта), ставшего с марта 1945 г. основным способом проведения чекистско-войсковых операций. Его эффективность определялась тем, что блокирование требовало меньших сил и затрат, обеспечивал полную очистку района от бандитов, создавал условия для укрепления местных органов власти - насильственно вовлеченные в банды люди могли добровольно явиться с повинной.

Всего в период с августа 1945 г. по январь 1946 г. на территории республик было проведено 1822 чекистско-войсковых операций, из них 557 с боевыми столкновениями (360 операций в месяц). За этот период было уничтожено 1568 и захвачено 3187 бандитов.

Вместе с тем, наряду с результативными операциями, имелись случаи безрезультатных и проваленных, число которых достигало 7-10% от общего количества. Основными причинами отсутствия результата и провала операций явилось то, что командиры и штабы мало времени уделяли подготовке подразделений к чекистско-войсковым операциям. Недостаточно осуществлялось воспитание на боевых примерах. Солдаты и офицеры часто пренебрегали сохранением военной тайны, проявляли беспечность, болтливость, личный состав не инструктировался, а старшими войсковых нарядов нередко назначались малоопытные командиры. Нередко офицеры не проявляли достаточной энергии в преследовании банды до её полного уничтожения. Решения на преследование принималось медленно, а само преследование заканчивалось с наступлением темноты или с потерей следа банды. Зачастую допускался отрыв банды от преследования в результате неудовлетворительной разведки и наблюдения во время боя, неумения офицеров организовать окружение и отрезать пути её отхода. Иногда в ходе марша в район операции подразделения следовали без разведки и охранения, что вело к потерям в результате случайных встреч с бандами или обстрела из засад. В ряде операций при организации блокирования района офицеры не учитывали боевые характеристики оружия, тактически неграмотно расставляли огневые средства, оставляя не простреливаемые участки, что вело к безнаказанному выходу банд из окружения.

Операции не давали желаемого результата и в тех случаях, когда в районах боевого столкновения местность осматривалась плохо, что приводило к тому, что при первом прочёсывании бандиты отсиживались в укрытиях и только повторные прочёсывания давали положительные результаты. Безрезультатными были операции, когда данные агентурной разведки и информация ОВД-МГБ были неточны или запаздывали, слабо организованное МТО не обеспечивало боевых действий и преследование банд. Были случаи, когда плохая конспирация и маскировка вели к получению бандами полной информации о готовящейся

операции и до начала активных действий давало им возможность уйти из района проведения операции.

Все вышеперечисленные недостатки традиционно проявлялись в процессе организации ликвидации бандформирований и в других регионах страны, что затрудняло процесс стабилизации обстановки, заставляло проводить мероприятия по уничтожению банд практически в уже «зачищенных» районах, приводило к неоправданным жертвам среди военнослужащих и местного населения.

Во многом сходным по формам и методам с прибалтийским явилось и повстанческое движение на Украине, начавшееся в 1939 г. сразу после вхождения в состав СССР областей Западной Украины и продолжавшееся практически до середины 50-х гг. Данное движение в значительной степени организовывалось и направлялось «Организацией украинских националистов» (ОУН¹⁴⁵).

Немецкое командование умело воспользовалось тем обстоятельством, что значительная часть населения Западной Украины восприняло установление советской власти как очередную смену оккупационного режима. Оно обратило мощный потенциал ОУН против советской власти и Красной Армии.

Сразу же после нападения Германии на СССР и началом оккупации территории Украины ОУН направил большое количество своих функционеров для распространения своего влияния и проникновения на руководящие посты в создаваемые немцами администрации самоуправления в восточных областях УССР. Расценив сложившуюся обстановку как благоприятную для реализации многолетних обещаний немцев о создании «Самостийной Украины», С.Бандера 30.07.1941 г. во Львове провозгласил декларацию о создании Украинского государства и об образовании временного правительства во главе с профессором Стецько. Эти мероприятия Бандеры и его соратников вызвали со стороны немцев, не имевших намерений выполнять свои обещания, решительное противодействие. Арестовав Бандеру и убрав его сторонников с

¹⁴⁵ ОУН (до 1929 г. носила название «Украинская военная организация») была создана в 1920 г. Ее основателями были видные деятели украинского националистического зарубежья, эмигрировавшие с Украины после 1920 г. Возглавил ОУН полковник Е.Коновалец, бывший ротмистр австрийской армии. В 1919-1920 гг. он командовал корпусом «сечевых стрельцов». После его смерти в 1938 г., руководителем ОУН стал полковник А.Мельник, бывший начальник штаба корпуса «сечевых стрельцов».

руководящих постов органов самоуправления и полиции на оккупированных территориях Украины, немцы продолжали использовать украинских националистов в войне против СССР, вновь выдвинув на первый план как руководителя ОУН А.Мельника, официально придерживавшегося пронемецкой политики. В этих целях в августе 1941 г. по инициативе германского командования от имени Главного провода ОУН был выпущен манифест к украинскому народу, в котором Мельник назывался «фюрером, честным борцом за дело украинского народа и действительным руководителем ОУН».

После крупных поражений немецко-фашистских войск с 1943 г. гитлеровское командование пошло еще дальше в процессе использования антисоветского повстанческого движения, начав создавать национальные вооруженные формирования. С этого периода вооруженные отряды ОУН стали официально именоваться Украинской повстанческой армией (УПА)¹⁴⁶.

За период с февраля 1944 г. и до конца 1945 г. боевые отряды ОУН совершили свыше 6600 диверсионно-террористических актов из примерно 14,5 тысяч общего числа вооруженных нападений (т.е. 45%). В этот период их действия отличались наибольшим масштабом, решительностью и открытостью, что позволяло проводить против бандформирований массированные совместные операции армейских частей и войск НКВД. В результате националисты несли весьма ощутимые потери. Так, на территории Львовского военного округа за 6 месяцев, с октября 1944 г. по март 1945 г., было проведено свыше 150 чекистско-войсковых операций с участием в них 16 тысяч военнослужащих. В ходе этих операций было уничтожено 1199 боевиков, взято в плен 1526 и 374 явились с повинной. При этом войска потеряли убитыми всего лишь 45 человек (соотношение 1:26).

В результате военных поражений и дезорганизации украинское повстанчество, насчитывавшее в 1944 г. до 100 тысяч человек, было вынуждено отказаться от тактики сосредоточенных ударов и перейти к сугубо партизанским действиям полуавтономными мелкими группами. В результате, если на первом этапе советским войскам приходилось воевать с отрядами

---

¹⁴⁶ Первоначально ее командующим был Дмитрий Клячківський. После его ликвидации в феврале 1945 г. во главе УПА стал Роман Шухевич.

численностью в 500-600 человек, то в последующие годы действовавшие отряды редко имели в своем составе более 30-50 человек.

Специфика деятельности бандформирований на Украине определялась ее локальным характером, в основном лишь в рамках западных областей. При этом в трех областях (Станиславской, Тернопольской и Черновицкой областях) сопротивление бандформирований было настолько активным, что по приказу НКО № 63 от 28.09.45 г. эти три области после окончания Великой Отечественной войны были оставлены на военном положении.

Наиболее распространенным методом проведения чекистско-войсковых операций было заблаговременное оцепление районов базирования боевиков, организация заслонов и засад на путях их возможного отступления, стремление окружить обнаруженные группы и полностью их ликвидировать. К мероприятиям по ликвидации бандеровцев активно привлекалось и местное население. При участковых уполномоченных милиции создавались вооруженные группы содействия из числа членов семей военнослужащих, партийно-советского актива, комсомольцев, а также лиц, пострадавших от террористов. При этом эффективность военных действий непосредственно зависела от кропотливой агентурно-оперативной работы. Ее успеху в немалой степени способствовала непреодолимая тяга бандформирований к населенным пунктам, их стремление непрерывно искать или восстанавливать связи с населением. Зависимость самого их существования от этих связей стала особенно сильной на этапе рассредоточения, когда были расформированы либо уничтожены крупные базы и прерваны централизованные каналы снабжения. Именно поэтому неприкрытый разбой и реквизиции стали составлять основную часть боевых вылазок боевиков ОУН, в результате чего произошел окончательный перелом в настроении населения.

Лишившись поддержки населения, националистическое движение, фактически изжило себя уже к началу 50-х годов. Последующая ее деятельность связывается с разведывательно-подрывными акциями на Украине, проводившимся под эгидой спецслужбы ряда западных стран, в первую очередь США и Великобритании¹⁴⁷.

---

¹⁴⁷ Анализ архивных документов показывает, что ОУН пыталось организовать в широких масштабах сбор разведывательной информации в интересах западных разведок.

В целом, говоря о динамике военно-политического преодоления представляется возможным выделить четыре его основных периода.

Первый период активной борьбы с бандформированиями ОУН начался с момента ввода Красной Армии на территорию Западной Украины. Основными формами и способами пресечения повстанческой деятельности органов власти в данный период являлось проведение антидиверсионных мероприятий.

Второй период - начало Великой Отечественной войны - конец 1943 года. Содержание борьбы заключалось преимущественно в ведении разведки организационной сети ОУН и формирований УПА, пропагандистской работы с населением для показа истинных замыслов украинских националистов, а также ведения оборонительных боев с формированиями УПА. Ее вели подпольные организации, советские партизаны и специальные разведывательно-диверсионные отряды НКВД, действующие в тылу противника на временно оккупированной территории.

Третий период - начало наступательных операций Красной Армии по освобождению Правобережной Украины вплоть до выхода советских войск на государственную границу. Борьбу с ОУН-УПА вели части Красной Армии и пограничные полки НКВД по охране тыла 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, органы государственной безопасности и истребительные отряды, сформированные из числа бывших партизан.

Основными мероприятиями по ликвидации бандформирований в этот период являлись чекистско-войсковые операции, которые, учитывая близость фронта, проводились одновременно на относительно больших пространствах с привлечением значительного количества сил и средств.

Четвертый период: октябрь 1944 г. и до окончания Великой Отечественной войны.

Так, краевой проводник СБ по кличке «Роберт» в директивном письме проводникам нижестоящих звеньев СБ указывал: «Информировать руководство ОУН: о ходе демобилизации Красной Армии, ее действительном положении, в какой мере территория Западной Украины насыщена войсками; о передвижении частей Красной Армии, боеприпасов, горюче-смазочных материалов, вооружения и военной техники по железным и автомобильным дорогам на запад; о подготовке к общей демобилизации; об экономическом и политическом положении СССР». Проведенными органами госбезопасности СССР операциями под названиями «Звено», «Трасса» и «Тропа» в 1951-1969 гг. удалось захватить и обезвредить 53 резидента, разведчика и радистов, направлявшихся уже на несуществующие базы подполья ОУН.

Мероприятия по ликвидации бандформирований в этот период проводились на основании совместного приказа НКВД и НКГБ СССР от 9 октября 1944 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с оуновским подпольем и ликвидации вооруженных банд ОУН в западных областях Украинской ССР». В соответствии с этим приказом, районы, где действовали бандформирования ОУН-УПА, разбивались на оперативные участки (в административных границах области), которые в свою очередь разбивались на оперативные группы (в административных границах района). Для руководства оперативно-войсковыми мероприятиями создавались так называемые оперативные тройки. На оперативном участке в нее входили: начальник УНКВД области (он же руководитель), начальник УНКГБ области и командир дислоцирующегося на территории области соединения (части) НКВД. Старшим оперативной группы назначался или начальник райотдела НКВД или начальник райотдела НКГБ. В отдельных случаях опергруппу возглавлял опытный офицер республиканского НКВД (НКГБ).

В содержательном плане борьба с националистическим подпольем и его бандформированиями включала оперативно-войсковые мероприятия (агентурно-разведывательные, специальные мероприятия и действия войск) и политические меры. Они проводились либо самостоятельно по отдельным планам, либо в форме чекистско-войсковых операций.

Учитывая то, что отряды и боевки УПА совершали рейды в соседние области Белоруссии, нередко скрывались от преследования на территории Польши и Чехословакии, были приняты соответствующие меры. В частности, НКВД СССР директивой № 00233 от 6 ноября 1944 г. разрешил проведение агентурно-оперативной работы на территории сопредельных с Советским Союзом стран, где действуют войска Красной Армии. В этих же целях было налажено взаимодействие с министерством общественной безопасности Польши, соединениями Войска Польского, выделенными для борьбы с бандформированиями ОУН-УПА в приграничных с СССР районах Польши. Принятые меры позволяли своевременно получать разведданные о намерениях и действиях банформирований УПА независимо от района их нахождения и принимать упреждающие меры противодействия.

Особой силой, с которой были вынуждены считаться боевики УПА, стали истребительные отряды, группы содействия истребительным отрядам и группы самозащиты. Они формировались из бывших партизан, призывной молодежи, жителей сел, подвергшихся бандитским нападениям. Хорошо зная местность и людей, истребительные отряды и батальоны совместно с органами и войсками НКВД и НКГБ наносили ощутимые удары по бандформированиям УПА. Помимо вооруженной борьбы с националистами, члены истребительных отрядов вели разъяснительную работу среди населения, помогали органам Советской власти делить землю между крестьянами, открывать школы, клубы, организовывать полевые работы. О роли истребительных отрядов, групп содействия им и групп самозащиты убедительно говорит признание одного из оуновских руководителей на Станиславщине: «В некоторых селах наши не имели возможности появиться, так как народ ловит их и сам передает в НКВД».

В послевоенные годы начался заключительный период борьбы с бандформированиями ОУН-УПА. В связи с большими потерями и изменившейся военно-политической обстановкой бандформирования ОУН-УПА по указанию Центрального провода изменили тактику борьбы. Стараясь уклоняться от боевых столкновений с крупными войсковыми формированиями НКВД и погранвойск, свою деятельность они сосредоточили на диверсионно-террористических акциях и ведении разведки в интересах западных спецслужб. Руководителям ОУН было предложено уйти в глубокое подполье.

Как и прибалтийские сепаратисты, украинские националисты особую ставку в своей борьбе делали на долговременный характер своего сопротивления, рассчитывая на неизбежное, по их мнению, вооруженное выступление против СССР его стратегических противников (фашистской Германии, а после войны - Великобритании и США). Поэтому наиболее активной деятельностью бандформирований была именно во время Великой Отечественной войны во взаимодействии и при поддержке оккупационных войск. После того, как в послевоенный период их ожидания не оправдались, деятельность бандформирований стала терять политическую составляющую борьбы и постепенно криминализировалась.

Деятельность бандформирований на территории СССР в предвоенные годы, во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период была

расценена руководством страны как угрожающая стабильности государства и его основополагающим устоям. В соответствии с этим строилась государственная политика на протяжении длительного, более чем 30-летнего, периода, в значительной степени принимавшая именно репрессивный характер (причем не только в отношении непосредственно участников бандитской деятельности, но и всего населения, в той или иной мере сопричастного с действиями бандгрупп). Это явилось стратегическим просчетом советского руководства, поскольку данная радикальная мера закономерно носила временный характер и, в то же время, искусственно расширяла социальную базу антисоветского сопротивления. Не случайно поэтому лозунг «восстановления исторической справедливости» в отношении репрессированных народов был одним из наиболее громких в процессе распада Советского Союза и именно он в конечном итоге явился обоснованием для инициирования и эскалации сепаратистских процессов на рубеже 80-90-х годов XX столетия.

В этом плане зашоренные идеологическими постулатами «о нерушимой дружбе народов» и «об окончательности разрешения национального вопроса в СССР» политическое руководство фактически само способствовало разрушительным дезинтеграционным процессам. Определив приоритетным направлением своей политики, создание благоприятного имиджа за рубежом советское руководство в очередной раз поступилось национально-государственными интересами страны. При этом в отличие от хрущевского периода определяющими принципами его деятельности стали уже идеологемы не интернационализма, а демократизации и либерализации политической системы в ущерб ее собственной безопасности. Именно этим можно объяснить тот факт, что провокационные требования и лозунги зарождающихся в конце 80-х годов этнорадикальных движений не встретили адекватного реагирования на них со стороны органов государственной власти. Высшее политическое руководство страны напротив восприняло данные процессы как пробуждение национального самосознания народов Советского Союза якобы закономерное для начального этапа демократизации общества и заслуживающее таким образом, если не прямой поддержки, то по крайней мере его понимания. Результатом этого стала дальнейшая радикализация националистических

движений и трансформация их в экстремистские группировки, в рамках которых начали создаваться вооруженные формирования различного рода «национальных гвардейцев», осуществляться их подготовка к вооруженному антисоветскому сопротивлению в целом ряде национальных республик СССР (Грузии, Украине, Молдавии и т.д.). Другими словами речь шла уже о зарождении нового повстанческого антисоветского движения. Но даже это обстоятельство не смогло заставить политическое руководство СССР принять адекватные меры по наведению необходимого порядка и стабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране. Уже погромели первые основательные раскаты вооруженных погромов в восьмидесятых годах в Карабахе, Баку и Фергане, но только лишь в июле 1990 года союзный центр вяло отреагировал на них, приняв запоздалый Указ «О запрещении создания незаконных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случае его незаконного хранения». Естественно выполнять данный указ никто и не собирался. Напротив, в ряде регионов, особенно в Закавказье и на Северном Кавказе, полным ходом шло разграбление вооружения Советской Армии. Все это свидетельствовало о том, что сепаратисты осознанно готовились к полномасштабной войне с законной властью. В то же время сама власть в лице высшего военно-политического руководства еще до начала каких-либо действий со стороны сепаратистов на общегосударственном уровне заранее перед ними капитулировала.

Показательно в этом плане хаотичное и бессистемное использование силовых структур и, прежде всего, войсковых частей и подразделений по пресечению антигосударственных массовых выступлений. В условиях отсутствия разработанной законодательно-правовой базы и поддержки со стороны общества и самого высшего военно-политического руководства силовые структуры оказались в очень сложном положении. Так, в частности на территории СССР в конце 80-х – начале 90-х гг. волевым способом 26 раз вводилось чрезвычайное положение в ряде регионов страны. При этом войсковым частям, неоднократно привлекавшимся для «наведения порядка», пришлось выполнять, по сути, полицейские функции. В результате Вооруженные Силы неизменно оказывались «крайними», когда дело доходило до выяснения, кто виноват в столкновениях на почве подавления массовых

беспорядков («тбилисский» и «вильнюсский» синдромы). Позиция военно-политического руководства страны, всякий раз оказывавшегося в неведении относительно использования силовых структур, оказала крайне неблагоприятное влияние на процессы стабилизации обстановки и закономерно подрывало, с одной стороны, авторитет силовых структур, а с другой – самого руководства. Показателен в этом плане и другой пример, связанный эскалацией конституционного кризиса на почве сепаратизма. Эстония, а за ней и ряд других союзных республик, приняли поправки к своим конституциям, внеся в них приоритетное право на использование ресурсов и верховенство законов республики. Президиум Верховного Совета СССР отменил эти поправки. В данном случае антиконституционными явились и действия республиканского руководства и ответные действия союзного руководства, поскольку по Конституции СССР сделать это мог только Верховный Совет, а не Президиум (но Верховный Совет тогда, в 1989 г., мог и не отменить эти решения и именно потому М.С.Горбачев принял решение провести обсуждение на Президиуме Верховного Совета). Таким образом, заведомо невыполнимое решение не разрешило проблему конституционного кризиса, а лишь обострило ее.

Главный урок, который преподнесли процессы суверенизации национальных окраин Советского Союза заключается в недопустимости игнорирования органами государственной власти опасности разрушительных дезинтеграционных процессов на какой бы стадии развития они не находились, тем более в процессе подготовки их вооруженному выступлению. Политика уступок советского руководства, наглядно продемонстрировала опасность потакания подобного рода радикальным политическим движениям. В свое время Н. Макиавелли, один из выдающихся военных теоретиков прошлого, ситуацию аналогичную указанным выше разрушительным дезинтеграционным процессам охарактеризовал следующим образом: «Уступая угрозам в надежде избежания войны, мы не достигнем цели, потому что тот, перед которым мы так явно сробели, не удовольствуется первой уступкой, потребует других и будет тем притязательнее, чем больше будет встречать уступчивости»¹⁴⁸. Как показало дальнейшее развитие событий, именно это и произошло на практике. Отсутствие твердости у советского руководства в отстаивании территориальной

---

¹⁴⁸ См.: Макиавелли Н. О военном искусстве. - М.: Воениздат, 1939. - С.16.

целостности и суверенитета государства, а также игнорирование волеизъявления большинства населения страны в ходе всесоюзного референдума фактически предопределило распад СССР и исчезновение его с политической карты мира.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что в процессе распада СССР был накоплен военно-политический опыт преодоления сепаратизма в основном негативного содержания, который точнее было бы охарактеризовать опытом разрушения многонационального государства, мировой державы, определявшей долгое время всю мировую политику.

С распадом СССР проявления сепаратизма на этнической, социальной и религиозной почве еще более усилилось. Особую остроту в этом плане обрели процессы, связанные с конфликтами в ряде бывших союзных и автономных республиках, автономных областях за повышение статуса республики или его получение. Это характерно для части союзных республик, желавших конфедеративного уровня отношений (например, Казахстана), для ряда бывших автономий, которые стремились подняться до уровня союзных республик (например, Татарстана). Впоследствии чего, например, после создания независимой России радикальная часть национального движения Татарстана поставила вопрос об его ассоциированном членстве. Конфликт завершился подписанием Договора между государственными органами Российской Федерации и государственными органами Татарстана, который содержит элементы как федеративных, так и конфедеративных отношений. За повышение статуса республики до уровня конфедеративных отношений продолжается абхазо-грузинский конфликт. К этому же типу конфликтов можно отнести движения за создание своих национальных образований, например, ингушей в Чечено-Ингушетии, ногайцев, лезгин в Дагестане, балкарцев в Кабардино-Балкарии. Автономистские движения были среди таджиков Узбекистана, узбеков Кыргызстана, киргизов Горного Бадахшана в Узбекистане.

В особо острой форме сепаратистские процессы проявились непосредственно в Чеченской Республике, объявившей себя в 1990 г. независимой. Вследствие того, что центральная власть никак не отреагировала на данный демарш руководства чеченской автономии последующие процессы закономерно обрели форму вооруженного конфликта. В рамках эскалации

данного конфликта чеченские сепаратисты сначала по совету президента России постарались проглотить как можно больше суверенитета. Затем, воспользовавшись экономическим хаосом после реформ 1992 года, сформировали в рамках республики зону теневого капитала, который впоследствии был задействован на организацию и вооружение бандитов. Вот лишь несколько фактов. По данным Генеральной прокуратуры РФ, за период с 1992-1994 гг. Чечня в полной мере представлять собой «черную дыру» российской экономики, в которой только в результате афер с фальшивым авизо и фиктивными финансовыми документами с 1991 г. по 1995 г. у государства было похищено не менее 4 триллионов рублей. А по подсчетам экономистов, только незаконная реализация нефтепродуктов давала ежегодно 800-900 млн. долларов. Таким образом, огромные неучтенные суммы, как в рублях, так и в иностранной валюте служили основой для укрепления режима Д.Дудаева и непосредственно для создания вооруженных группировок в Чечне, с привлечением наемников из-за рубежа. Этот процесс паразитирования продолжался на протяжении всех трех лет существования суверенной Ичкерии. После же того, как центральные власти позволили сепаратистам не просто вооружиться, а создать свои вооруженные силы, сложившейся в Чечне сепаратистский режим бросил открытый вызов руководству страны и постарался вовлечь в данные процессы как можно больше сопредельных национально-государственных образований региона.

В конечном итоге уже в первой половине 90-х годов ситуация в регионе фактически вышла из-под контроля и требовала включения на полную мощность как невоенных, так и военных средств подавления сепаратистского мятежа. Тем не менее, органы государственной власти России, занятые нескончаемым переделом власти и собственности долгое время не решались реализовать предписанные им по Конституции меры по наведению порядка.

Только лишь после трех лет фактического забвения Чечни, новое политическое руководство России попыталось сместить сепаратистское руководство автономии сначала посредством вооруженной поддержки оппозиционных Дудаеву политических сил в самой Чечне, а затем и непосредственным вводом войск на территорию республики. Обращает на себя внимание тот факт, что сами эти меры политического руководства России были

продиктованы отнюдь не осознанием необходимости пресечения деятельности сепаратистского режима в регионе. Анализ событий, предшествующих вводу войск на территорию Чечни со всей очевидностью свидетельствуют о том, что начало кампании было обусловлено беспрецедентным влиянием нефтяных магнатов России на органы государственной власти, испугавшихся быть отлученными транспортировки каспийской нефти, после подписания в октябре 1994 г. в Стамбуле Соглашения о создании нефтяного Консорциума. Именно решение данного Консорциума о транспортировке каспийской нефти в обход России (по территории Грузии через терминалы Супса и Потти на побережье Черного моря), сыграло решающее значение в определении замысла, сроков, задач и целей военной кампании. В этом плане трудно оценить степень безответственности высших должностных лиц, выбравших крайне неудачное время и место проведения операции по вводу войск на территорию Чечни. В истории военного искусства, пожалуй, не было прецедента, когда бы столь масштабная кампания начиналась в начале зимы без предварительной подготовки группировки войск, а также проведения комплексной программы действий по подготовке всей системы государственного и военного управления к применению Вооруженных Сил.

Примечательно, что данное решение было более чем неожиданным не только для российской и мировой общественности, но и для Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований России, которым и предстояло реализовывать цели этой кампании. Начатая без необходимой подготовки, в обход Конституции и федерального законодательства, эта скоропалительно начатая военная кампания было изначально закономерно обречена на неудачу. Такова в общем-то цена конъюнктурного подхода к проблеме использования военной организации государства. Более того, в ходе этой кампании неоднократно имело место и прямое вмешательство представителей крупного капитала непосредственно в планирование и проведение войсковых операций. Результатами подобного вмешательства становились, например, так называемые, «перемирия» с сепаратистами, позволявшие последним организованно выходить из-под удара федеральных войск, или же перегруппировавшись, самим наносить удара по частям и подразделениям российских войск. В конечном итоге, данная война вполне заслуженно

получила свое название – странной, в первую очередь для частей и подразделений самих Вооруженных Сил, других войск и формирований России, участвовавших в первой чеченской кампании.

Лишний раз об этом свидетельствует, например, тот факт, что в ходе военных действий на территории Чеченской Республики в качестве посредников между представителями государственной власти Российской Федерации и лидерами сепаратистских бандформирований вдруг выступили ряд глав администраций субъектов Российской Федерации (Татарстана, Ингушетии Нижегородской обл. и др.). При этом региональные лидеры данных образований заявили не только о своей нейтральной, но и откровенно ангажированной позиции в так называемой нормализации отношений между конфликтующими сторонами. То есть, по сути, главами субъектов Федерации, под прикрытием гуманитарных целей, органам государственной власти России предполагалось капитулировать перед сепаратистами Чечни. Подобный нейтралитет со стороны наделенных сверхполномочиями политиков регионального масштаба продемонстрировал всю слабость национально-государственной конструкции Российской Федерации и соответственно уязвимость самого политического режима. Поэтому подписание, так называемых Хасавюртовских соглашений, фактически узаконивших существование на территории Чечни криминального сепаратистского режима с его вооруженными бандформированиями и явившихся по существу капитуляцией России во имя малозначимых и конъюнктурных интересов отдельных политиков явилось следствием всей предшествующей политики по инициированию сепаратизма политиками республиканского уровня и попустительству данным процессам со стороны органов государственной власти.

В конечном итоге волюнтаризм высшего политического руководства России вполне закономерно predetermined победу сепаратистов в первой чеченской кампании. При этом сепаратистами была одержана победа не только над так называемыми федеральными силами, но и над всей системой государственного управления Российской Федерации, дискредитировавшая как сам режим, так и превалирующий принцип советской и постсоветской национальной политики.

Рассматривая непосредственно военно-политический аспект преодоления сепаратизма в Северокавказском регионе следует акцентировать внимание на том, что в Чечне российским войскам традиционно противостояла не регулярная армия, а иррегулярные формирования с соответствующей организацией летучих отрядов и их тактикой действий - нанесения молниеносных и скрытных ударов. Сама вооруженная борьба, таким образом, закономерно обрела характер новой по форме, но старой по своему содержанию партизанской войны, где вместо наступления используется просачивание, где победа достигается распылением и истощением сил противника, а не его уничтожением. Эти важнейшие принципы партизанской войны достаточно традиционны и имеют свою логику. Более того, они достаточно эффективны в противоборстве с регулярными воинскими формированиями. Вся военная история государств и народов мира свидетельствует о том, что противопоставить партизанской тактике адекватную систему мер противодействия достаточно трудно и не всегда возможно. И нередко, казалось бы, самая «непобедимая» армия, вдруг оказывалась бессильной перед иррегулярными и плохо вооруженными формированиями населения. Кампания 1994-1996 годов со всей очевидностью доказала, что партизанская тактика действий иррегулярных формирований не теряет своей актуальности и в настоящее время. Она по-прежнему привлекательна, особенно для руководителей незаконных вооруженных формирований. Об этом свидетельствует тот факт, что в ходе военной кампании 1994-1996 гг., а также вооруженной агрессии чеченских бандформирований против приграничных с Чечней районов Дагестана в августе 1999 г. именно на инициирование партизанского движения и была сделана основная ставка лидерами экстремистов.

Следует отметить, что на первом этапе военной кампании 1994-1996 гг. этот расчет боевиков в целом оправдался. Лидерам экстремистов удалось посредством идеологической обработки, угроз и шантажа привлечь определенную часть населения региона к сопротивлению федеральным войскам. Причем сопротивление этой части населения было не только пассивным в виде различных акций саботажа и пикетов и других антиправительственных акций, но и принимало форму открытого вооруженного

сопротивления федеральным войскам. Об этом свидетельствует, по крайней мере, тот факт, что уже с началом выдвижения к административной границе Чечни российские войска столкнулись с проявлениями вполне определенной солидарности с дудаевским режимом со стороны некоторой части населения Ингушетии и Дагестана. Это выразилось в попытках ингушей и дагестанцев, проживающих в приграничных с Чечней районах, воспрепятствовать продвижению российских войск, вплоть до проведения открытых вооруженных акций против некоторых подразделений. Эти акции зачастую осуществлялись при прямом участии силовых структур указанных автономий и с молчаливого согласия их руководителей самого высокого ранга. Не случаен и тот факт, что свои первые боевые потери военнослужащие федеральной группировки понесли еще до столкновений с бандформированиями Дудаева, до пересечения административной границы Чечни, на территории соседней с ней Ингушетии. Все это свидетельствовало о готовности местного населения поддержать сепаратистов в Чечне любым способом, вплоть до вооруженного сопротивления войскам и силам правопорядка. Для командования Федеральной группировки войск это оказалось полной неожиданностью и заставило по ходу менять замысел проведения операции. Еще большей неожиданностью данное обстоятельство явилось для самих военнослужащих Федеральной группировки, поскольку в ходе развития повстанческого партизанского движения менялось их функциональное предназначение, предполагавшее вследствие этого, реализацию ими так называемых полицейских функций. Ни командование группировки, ни сами военнослужащие объективно к этому готовы, конечно же, не были. С поддержкой населения сила и значимость дудаевских вооруженных бандформирований многократно возросли. И подобно тому, как поддержка населением бандформирований в годы Великой Отечественной войны и в предвоенные годы обеспечивала их продолжительное и ожесточенное вооруженное сопротивление органам государственной власти Советского Союза, в поддержке населением дудаевских бандформирований был сосредоточен наиболее значимый потенциал, позволивший последним определенное время противостоять российской армии. Все это в значительной мере предопределило ход военной кампании 1994-1996 гг.

И все же именно в августе 1999 г. в ходе агрессии против сопредельных районов Дагестана лидерами бандформирований был допущен главный стратегический просчет. Кампания, изначально планировавшаяся сепаратистами как развитие партизанского движения, на самом деле для жителей Ботлихского и Цумадинского районов Дагестана явилась агрессией. Именно так она и была ими воспринята, а, следовательно, боевики получили партизанское движение, направленное уже не против федеральных войск, а против самих себя. А поскольку главная составляющая любого партизанского движения – поддержка его населением в данном случае отсутствовала, деятельность формирований чеченских полевых командиров приняла исключительно диверсионно-террористический характер, что еще более подорвало доверие населения региона к лидерам сепаратистского режима. Именно поэтому также как и в период ликвидации бандформирований в Прибалтике, на Западной Украине и самом Кавказе в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период поддержка населением проводимых органами государственной власти мероприятий способствовала стабилизации обстановки, поддержка населением Дагестана и Чечни органов государственной власти Российской Федерации в ходе проведения контртеррористической операции предопределила ее успешное завершение.

Заключение

Анализ природы и сущности сепаратизма, таким образом, свидетельствует о том, что это многоплановое явление, сопровождавшее развитие человечество на всем этапе его существования в рамках государственно-организованных сообществ.

Само происхождение сепаратизма тесно с функционированием государства, являясь диаметральной противоположностью лежащим в его основе процессам интеграции.

По своей сути сепаратизм предполагает стремление к обособлению на основе осознания определенных социальных групп своей инаковости, разрушение существующей государственности и образование новой по тем или иным идентификационным признакам. Именно поэтому наиболее очевидны его проявления в сложноорганизованных государственных образованиях с неоднородным по этничным, конфессиональным или цивилизационным идентификационным признакам населением. Необходимым же условием проявления сепаратизма является ослабление государственности и осознания социальными группами невозможности дальнейшего совместного функционирования в рамках единой государственной общности.

В мировой политической практике накоплен значительный опыт по противодействию сепаратизму. В странах с устоявшейся традицией политической культуры разрешение подобных проблем осуществляется в основном посредством конституционно-правовых и политических механизмов, в основе которых лежит достижение общенационального согласия в отношении сохранения фундаментальных основ обеспечения безопасности личности, общества и государства.

В то же время ни одно из государств не исключает военно-силовых способов преодоления сепаратизма, особенно проявлений на его основе экстремизма. И это также является устоявшейся традицией, подтвержденной опытом обеспечения территориальной целостности практически всех ведущих современных государств.

Характер и способы решения проблем, связанных с сепаратизмом обуславливаются различным восприятием и подходами к разрешению данных

проблем, причем не только органов государственной власти, но и политических структур, инициирующих сепаратизм.

В любом случае использование военно-силовых способов преодоления сепаратизма должно являть собой, по образному выражению А.Ришелье «последний довод» в интересах обеспечения безопасности сограждан.

Основу же преодоления сепаратизма должны составлять обеспечение достойного уровня жизни населения и создание необходимых условий для реализации интересов и потребностей граждан государства.

Поэтому любое государство, особенно такое многонациональное, как Россия, для обеспечения собственной безопасности и во избежание распада исторически сложившейся общности народов, проживающих на его территории, должно выявлять и согласовывать их интересы, учитывать этнический, конфессиональный и цивилизационные факторы в процессе принятия решений.

Исторический и современный опыт преодоления сепаратизма свидетельствует о том, что государство сохраняется до тех пор, пока у нее есть территория, народ, государственно мыслящие правители.

Именно сейчас, когда к власти пришли государственники, необходимо осознать, что российскому государству не десять, и даже не восемьдесят лет, и что до сего дня не востребован огромный исторический и культурный ресурс тысячелетней российской цивилизации.

Российская Федерация – уникальное государство, в истории которого никогда не было крупных межконфессиональных и межнациональных конфликтов. Сама специфика формирования российской государственности в том, что на протяжении столетий оно формировалось как многонациональное, поликонфессиональное образование посредством добровольного вхождения в состав России подавляющего большинства народов, государственных и этно-территориальных образований. Ни перед каким народом, проживающим ныне в пределах Российской Федерации, российское общество и государство не несут исторической ответственности. Осознание данного исторического факта должно составлять основу формирования национально-государственной политики России, в том числе и по преодолению сепаратизма.

Достойное будущее России в мировом сообществе немыслимо без эффективной системы национальной безопасности, важнейшими составляющими которой является твердая государственная власть на всей территории России, исключая проявления «самостийности» и привилегированного положения каких-либо социальных групп, гражданский мир и согласие. Сохранение этих базовых компонентов на необходимом уровне является абсолютно приоритетной государственной задачей.

Оглавление

	Стр.
Предисловие автора	3
Глава 1. Сепаратизм как инструмент формирования мирового порядка и зарубежный опыт его преодоления	6
Происхождение и эволюция сепаратизма в мировой политической практике	6
Современный сепаратизм и его роль в глобализирующемся мире	30
Зарубежный опыт преодоления сепаратизма	48
Зарубежная практика военно-силового разрешения внутривнутриполитических кризисов и конфликтов	65
Глава 2. Сепаратизм и опыт его преодоления в России	73
Национально-государственная политика России в дореволюционный период	73
Реализация принципа национального самоопределения в период революционных преобразований в России в начале XX века	95
Истоки и эволюция сепаратизма в советский период российской государственности	121
Основные тенденции и перспективы развития центробежных тенденций в Российской Федерации	163
Отечественный опыт преодоления сепаратизма	198
Заключение	244